

Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)

The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES) ISSN-2470-1262 is both moderated and refereed

The aim of the journal CCS & ES is to present the results of interdisciplinary research in the field of social and humanitarian sciences (Linguistics, Literature, Intercultural Didactics and Smart-Technologies, Intercultural Communication, Migrantology).

The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

Managing Editor: Prof. Svetlana M. Minasyan, ASPU, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. Mitsuchi Kitajo, Kyoto Sangyo University, **Kyoto, Japan**

Prof. Tamara Kuprina, Ural Federal University, **Yekaterinburg, Russia**

Prof. Svetlana Minasyan, Armenian State Pedagogical University after Kh.Abovyan, **Yerevan, Armenia**

Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, **Istanbul, Turkey**

Prof. Anna Petrikova, Prešov University, **Prešov, Slovakia**

Prof. Monica Perotto, Bologna University, **Bologna, Italy**

Prof. Wang Liye., Beijing Foreign Studies University, **Beijing, China**

Malebo Matshane, South African Embassy: Moscow, First Secretary: Immigration and Civic Affairs, **South Africa**

Editorial Board:

Rafael Guzman Tirado, Doctor of Philology, Professor of Slavic Department of Granada University, **Granada, Spain**

Koichi Toyokawa, Doctor of Philosophy in the field of History and Area Studies, Professor at Meiji University, **Tokyo, Japan**

Kuralai Urazaeva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Eurasian National University after Gumilyov (ENU), **Astana, Kazakhstan**

Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, "Vanadzor Special School of Deep Teaching Mathematics and Natural Sciences" SNPO, **Vanadzor, Armenia**

Natalia Ushakova, Doctor of Pedagogics, Professor at V.N. Karazin Kharkiv National University, **Kharkiv, Ukraine**

Neeraja Jaiswal, Doctor of Philology, Professor, Head, Dept. of Russian Studies and Dean, School of European Languages, the English and Foreign Languages University, **Hyderabad, India**

Marine Aroshidze, Doctor of Philology, Professor, Head of the doctoral and master's program "Linguistics" Batumi Shota Rustaveli State University, Department of European Studies, **Batumi, Georgia**

Ham Young Jun, Department of Russian language. Professor, Ph.D. Dankook University, **Seule, South Korea**

Rafaela Božić, Associate Professor, Ph.D., University of Zadar, Zadar, **Croatia**

Simona Berardi, PhD, Associate Professor, Bologna University, **Forli, Italy**

Elena Ciprianová, Associate Professor, Ph.D., Constantine the Philosopher University, **Nitra, Slovakia**

Simona Koryčánková, Assoc. Prof. Ph.Dr. Mgr. Ph.D., Masaryk University, Brno, Czech Republic

Ludmila Szypielewicz, Professor, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Address for correspondence and submissions:

Prof. Thomas R. Beyer

e-mail: beyer@middlebury.edu

infoccs.edu@gmail.com

Tel: +001-802-233-9447

Web: <http://sites.middlebury.edu/ccses/>

www.j-ccses.org

WorldCat (OCLC) - Logos of some of our partners in the WorldCat knowledge base: ProQuest, EBSCO, Elsevier, Springer, Taylor and Francis, McGraw Hill Education, Wiley, Ingram, Cambridge University Press, Gale Cengage Learning, ebrary, Oxford University Press.

ELSEVIER

WILEY

INGRAM

The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07, Section ISSN Publisher liaison

INDEXED IN
DOAJ

The Library of Congress
101 Independence Avenue SE
Washington, D.C. 20540-4284

CYBERLENINKA

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).
SSL 6.03

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA
The journal is issued three times a year. Articles are accepted from 1 February to 1 November in the preliminary application. Authors' opinions do not necessarily correspond with those of the editors.

Copyright © CCS&ES

Thematic Orientation

1. Literature and Culture: Historic and Contemporary
  2. Contemporary Philology
  3. Contemporary Issues of Linguistics and Translation
  4. Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education
  5. Cross-Cultural Communication and Management
  6. Intercultural Pedagogy: Theory and Practice.
  7. Informational and Smart Technologies for Education
  8. Socio-cultural Studies and Migration
  9. Socio-cultural processes
- Reviews and Notes

CONTENTS

WHY SHOULD AMERICANS STUDY RUSSIAN TODAY? - ЗАЧЕМ АМЕРИКАНЦЫ ДОЛЖНЫ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ СЕГОДНЯ? - *Thomas R. Beyer, Jr., Middlebury College Middlebury, Vermont USA 6-12*

THE CRISIS IN FOREIGN LANGUAGE STUDY IN AMERICAN COLLEGES: CAUSES AND LESSONS- КРИЗИС В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В АМЕРИКАНСКИХ ВУЗАХ: ПРИЧИНЫ И УРОКИ - *Igor V. Pustovoit, Hofstra University, New York, USA 13-24*

INTERFERENCE AS A DETERMINANT OF PHONOLOGICAL AND GRAPHIC SUBSTITUTION IN BILINGUALS- ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ СУБСТИТУЦИИ У БИЛИНГВОВ - *Koryun M. Ohanyan, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Yerevan, Armenia 25-39*

THE COMBINATION OF VERBS AND INFINITIVES IN RUSSIAN LITERARY WORKS FROM THE END OF THE 18TH TO THE END OF THE 20TH CENTURY- СОЧЕТАНИЕ ГЛАГОЛОВ И ИНФИНИТИВОВ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XVIII - КОНЦА XX ВЕКА- *Mitsushi Kitajo, Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan 40-60*

TO SOME FEATURES OF SLOVAK EASTERN GEMER DIALECTS WITH EMPHASIS ON VLACHOVO DIALECTS IN THE SLANÁ VALLEY- К НЕКОТОРЫМ ОСОБЕННОСТЯМ СЛОВАЦКИХ ВОСТОЧНО-ГЕМЕРСКИХ ДИАЛЕКТОВ С АКЦЕНТОМ НА ВЛАХОВСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СЛАНСКОЙ ДОЛИНЕ - *Jan Gallo, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic 61-71*

CREATIVE WRITING IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS- ТВОРЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ in Turkey- *Anzhela A. Demianiuk., Isayev Khurshud B., Kafkas University, Kars, Turkey 72-81*

INTEGRATION OF METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF EXPERIENTIAL LEARNING AND INTENSIVE METHODS IN THE DESIGN OF VR MODULES FOR LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE- ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ИНТЕНСИВНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЕКТИРОВАНИЕ VR-МОДУЛЕЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РКИ- *Irina McGuinn, Moscow State Pedagogical University (MPGU), Moscow, Russia –Australia 82-86*

LITERATURE, PSEUDO-LITERATURE, NON-LITERATURE: ON WHICH THE SPIRITUAL AND SOCIAL RESPONSIBILITY OF A POET AND WRITER IS BASED- ЛИТЕРАТУРА, ПСЕВДОЛИТЕРАТУРА, НЕЛИТЕРАТУРА: НА ЧЁМ ОСНОВАНА ДУХОВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ- *Irina M. Nekipelova, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia 87-96*

LITERARY COMPREHENSION THROUGH NARRATIVE TECHNIQUES: TEACHING READING AT THE UNIVERSITY LEVEL - ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕРЕЗ НАРРАТИВНЫЕ ТЕХНИКИ: ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ НА УНИВЕРСИТЕТСКОМ УРОВНЕ- *Luiza Marabyan, European University of Armenia, Yerevan, Armenia 97-102*

CULTURAL STUDIES IN KONSTANTINE KAPANELI'S PHILOSOPHY: HISTORICAL TYPES OF CULTURE AND ORGANOTROPISM- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ КОНСТАНТИНА КАПАНЕЛИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ И ОРГАНОТРОПИЗМ- Irma Bagrationi, Ibraim Didmanidze, Batumi Shota Rustaveli State University, Georgia 103-112

ON THE RECONCILING FUNCTION OF ART- О ПРИМИРЯЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА - Tamar Sh. Mebuke, Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia 113-123

ELEMENTS OF MILITARY AND CHURCH VOCABULARY AS IMPORTANT MEANS OF STYLIZATION IN THE PROSE OF ANDREY PLATONOV AND THE ISSUES OF THEIR LITERARY TRANSLATION INTO ENGLISH- ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ЛЕКСИКИ КАК ВАЖНЫЕ СРЕДСТВА СТИЛИЗАЦИИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И ВОПРОСЫ ИХ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК- Vassili V. Bouilov, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland 124-132

SAHAK PARTEV, ONE OF THE GREATEST PROPHEETS- СААК ПАРТЕВ, ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ПРОРОКОВ - Haykanush A. Hovannisyan, NAS RA Institute of Language after H. Acharyan, Yerevan, Armenia 133-143

MOLOKANS IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS: HISTORICAL-CULTURAL AND LITERARY ANALYSIS- МОЛОКАНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ - Elena A. Shuvaeva, Ijevan branch of Yerevan State University, Yerevan, Armenia 144-156

NEW GENERATIONS OF PERENNIALS AND BETA: TERRA INCOGNITA- НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕННИАЛОВ И БЕТА: ТЕРРА ИНКОГНИТА- Tamara V. Kuprina, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, Svetlana M. Minasyan, Ijevan Branch of Yerevan State University, Yerevan, Armenia 157-163

EXPLORING THE ROLE OF CYBERSECURITY: INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVES AND STRATEGIES- ИЗУЧЕНИЕ РОЛИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И СТРАТЕГИИ - Mariam R. Gevorgyan, French University in Armenia (UFAR), Yerevan, Armenia, Svetlana M. Minasyan, Ijevan Branch of Yerevan State University, Ijevan, Armenia, Lilit M. Manukyan Brusov State University (BSU), Yerevan, Armenia. 164-173

Reviews and Notes

ELEONORA DYUSENOVNA SULEIMENOVA, Professor, Doctor of Philological Sciences, Republic of Kazakhstan 174-175

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-6-12

УДК(UDC) 004.853

***Thomas R. Beyer, Jr.,
Middlebury College
Middlebury, Vermont, USA***

***Байер Томас Р.,
Миддлбери колледж,
Миддлбери, Вермонт, США***

***For citation: Thomas R. Beyer, Jr., (2025)
Why Should Americans Study Russian Today?
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol.10, Issue I (2025), pp. 6-12 (in USA)***

Manuscript received: 06/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

WHY SHOULD AMERICANS STUDY RUSSIAN TODAY?

ЗАЧЕМ АМЕРИКАНЦЫ ДОЛЖНЫ ИЗУЧАТЬ РУССКИЙ СЕГОДНЯ?

Abstract:

Over the past 75 years, there have been fluctuations in the study of the Russian language in higher education, primarily related to the impact of geopolitical events and shifting educational priorities. A surge of interest during the Cold War, driven by a desire for understanding and peaceful resolution of conflicts, was followed by a decline of interest after the fall of the Soviet Union. Currently there are challenges, including political tensions due to the Russia-Ukraine conflict, ethical concerns, and competition from STEM fields, that have limited opportunities for study in Russia and further reduced enrollments. Despite these difficulties, there is an enduring value for the study of Russian language skills. Motivations for studying Russian include its global reach, the cultural richness of the language and people, and potential for government and international careers. By maintaining a historical perspective, contextualizing the long-term cyclical nature of U.S.-Russia relations, and the ongoing importance of cultural understanding, access to diverse information, and the hope for renewed engagement in the future, there are ample reasons for continued investment in Russian studies to foster a balanced and necessary relationship between the two nations.

Keywords: Russian language study, ongoing interests, cultural appreciation, enrollment pressures

Аннотация:

За последние 75 лет наблюдались колебания в изучении русского языка в высшем образовании США, в основном связанные с влиянием геополитических событий и меняющихся приоритетов высшего образования. Во время холодной войны наблюдался всплеск интереса, обусловленный стремлением к пониманию и мирному

разрешению конфликтов, за которым последовал спад после распада Советского Союза. В настоящее время существуют проблемы, включая политическую напряженность из-за российско-украинского конфликта, этические соображения и конкуренцию со стороны STEM-областей, что ограничило возможности для обучения в России и еще больше сократило число студентов, желающих изучать русский язык. Несмотря на эти трудности, изучение русского языка сохраняет свою непреходящую ценность. Мотивации для изучения русского языка включают его глобальный охват, культурное богатство языка и народа, а также потенциал для карьеры в правительстве и международных организациях. Сохраняя историческую перспективу, контекстуализируя долгосрочную циклическую природу отношений между США и Россией, а также постоянную важность культурного понимания, доступа к разнообразной информации и надежды на возобновление взаимодействия в будущем, мы замечаем, что существует множество причин для продолжения инвестиций в изучение русского языка с целью поддержания сбалансированных и необходимых отношений между двумя странами.

Ключевые слова: изучение русского языка, понимание культуры, проблемы набора студентов

Introduction

There is always a temptation to consider the challenges of the day to be unique. There is little doubt that the study of Russian in the United States currently faces a number of serious and ongoing obstacles. Nonetheless one should not forget that over the past 75 years there have been any number of geopolitical, ethical, cultural situations that have impacted the study of Russian. I want to attempt an overview of this cyclical nature for those who teach and those who choose to study Russian as a second language, examining where we have been, where we are, and where we might be going as well as offering some words of encouragement.

It was in the 1960s at the height of the Cold War between United States and Western nations and the Soviet Union and the Eastern block nations that the study of Russian began to attract greater interest in secondary and higher education in the United States. These efforts were supported in part by the United States government with funding opportunities to open exchanges of teachers and by the mid 1960s exchanges of students, albeit very limited or occurring. The government investment was driven in large part by concern for Soviet technological advances, including space exploration. Universities and colleges began to augment or create new programs at both the undergraduate and graduate level and at one time there were more than 400 programs offering Russian language and studies across the United States. The Cold War era (1960s-1980s) marked the zenith of Russian language study in the U.S. Geopolitical competition with the Soviet Union, coupled with events like the space race, spurred significant federal funding through initiatives like the National Defense Education Act (NDEA), leading to a surge in enrollments. Russian was perceived as crucial for national security, diplomacy, scientific research, and understanding the ideological adversary.

Those of us who were studying Russian in the 1960s were driven, I believe, as it was in my case, by a firm conviction that only by finding a “common language” could we help to resolve many of the prevailing geopolitical crises that we were facing. That enthusiasm was also accompanied by an increased desire to study Russian both at home and in the Soviet Union, but such opportunities were severely limited. There were summer programs sponsored by the Council of International Educational Exchange (CIEE) that provided summer study in Leningrad for approximately 150 American students. It was only in the fall of 1968 that those summer opportunities expanded to include a semester of study in Russia. Here too the number of places, approximately 25 per semester, fell far below the desire of American students to participate. The 1970s did see an increase, although still rather modest, maybe as many as 200 additional places that opened up primarily for study at the Pushkin Russian Language Institute

in Moscow. Opportunities to work in the Soviet Union were largely constrained by the lack of economic possibilities and were limited to work with the United States government either with the State Department or on cultural exchanges that took place under the United States Information Agency (USIA).

It was only with the increase in economic activity in the late 1970s, in part the result of the Jackson-Vanik Amendment to the Trade Act of 1974, that opportunities arose for those who knew Russian to participate with American or other Western firms doing business in the Soviet Union itself. Here too geopolitical events intervened as this activity came to a halt with what was perceived from the Western perspective as the Soviet invasion of Afghanistan. The situation remained icy and limited by United States sanctions, a condition that continued until the gradual opening of business opportunities once again under the leadership of Mikhail Gorbachev in the mid 1980s. The fall of the Soviet Union and the economic turmoil in the 1990s was curiously accompanied not by a dramatic increase in Russian enrollment, but rather by a decrease. The economic opportunities did not seem to hold the same sway as the idealism of the 1960s and 1970s. Yet the agreements that were reached between both countries were in no small part due to the increased number of contacts that had been established between Russians and Americans over the course of the previous 25 years.

By 1990, nearly 44,500 students were studying Russian, driven by the need for experts in these critical fields. However, the collapse of the Soviet Union in 1991 dramatically altered the landscape. As the perceived threat diminished, so did interest in the language, resulting in a sharp decline in enrollments throughout the 1990s. This decline was further influenced by a shift in focus from strategic concerns to cultural and economic interests in the newly independent post-Soviet states. The economic turmoil of the 1990s in Russia, surprisingly, did not lead to a surge in enrollments, highlighting the complex interplay of factors beyond simple economic incentives. Students may have been hesitant to invest time and resources in a language whose future relevance seemed uncertain amidst the instability in Russia. As the database of the Modern Language Association indicates, a high point in enrollment in 1990 has never again been achieved.

[Back to MLA Home](#)

LANGUAGE ENROLLMENT DATABASE, 1958–2021

Note: In early MLA enrollments surveys, some languages were recorded in aggregate form only. Click [here](#) for additional information.

Language Enrollment Database, 1958–2021

Note: If drop-down icons appear, expand rows to see enrollments by state and institution. You can [revise your search](#), or you can [start over](#).

RUSSIAN

	2021 Fall	2016 Fall	2009 Fall	1998 Fall	1990 Fall	1980 Fall	1968 Fall	1958 Fall
Entire US	17,598	20,302	26,740	23,791	44,476	23,987	41,280	16,042

The decreases in enrollment that have been noted since 1990s have continued for the past 35 years. They are driven not only by political considerations, but by the overall situation in higher education in the United States, where the number of college students has decreased, the percentage of high school seniors choosing to go into high education has decreased, and demographically the actual number of high school aged seniors will decrease. “Changing Demographics Will Impact Higher Education for Years” points to the actual decrease in the number of college aged students. An additional factor is the decreasing percentage of high

school students choosing to pursue higher education. All of this was exacerbated by the isolation that we all experienced during the Covid. In addition to these democratic factors, shrinking government support for education has led to a severe restriction of the number of institutions that even offer Russian as a foreign language. The study of Russian like many of the humanities has fallen victim to the newfound enthusiasm for STEM subjects (science, technology, economics, and mathematics) that has appeared to prevail at least over the past decade.

The early 2000s saw a brief and modest resurgence driven by renewed geopolitical concerns related to terrorism and Russia's re-emergence on the world stage, as well as growing economic ties. This revival, however, proved short-lived. By 2016, enrollments began to decline again, a trend exacerbated by a confluence of factors. Russia's actions in Ukraine, including the annexation of Crimea, significantly impacted perceptions of the country and led some students to distance themselves from Russian studies due to ethical concerns. Simultaneously, shifting student interests towards other languages, particularly Asian languages like Chinese and Korean, further contributed to the decline. Institutional budget cuts, the overall decline in humanities enrollments across American universities, and the impact of the COVID-19 pandemic, which disrupted education globally, further compounded the problem. By 2024, Russian language enrollments had plummeted to approximately 13,600, a stark contrast to the over 46,000 students enrolled in 2002. This decline has been further intensified by the current political climate, with ethical concerns surrounding engagement with Russian culture and institutions deterring some potential students. The near-complete cessation of academic exchanges, a crucial motivator for many students, has also significantly impacted enrollments, depriving students of the immersive experience that is so vital for language acquisition. There is nothing on the horizon that leads one to believe that these numbers will be significantly reversed or even that the decline to be halted.

So to summarize the current challenges we see that Russian language studies currently face a multitude of interconnected challenges, including:

Declining Enrollments: This is the most pressing and fundamental issue, threatening the very existence of many Russian programs at universities. Low enrollments lead to program cuts, faculty reductions, and a diminished capacity to train future generations of Russian specialists.

Funding Constraints: Reduced institutional and government funding makes it difficult to maintain existing programs, develop new initiatives, and attract and retain qualified faculty. Competition for limited resources is fierce, and Russian programs often struggle to compete with larger, more established departments.

Perception Issues: Ethical concerns surrounding Russia's political actions, particularly the war in Ukraine, have deterred some potential students. The association of the Russian language with the current political climate creates a negative image for some, making it a less attractive option for study.

Competition from Other Languages: The rising popularity of other languages, especially Asian languages, which are often perceived as offering better career prospects, draws students away from Russian. Students are increasingly making strategic decisions about language study based on perceived career benefits.

Changing Academic Priorities: Reduced or eliminated foreign language requirements at many universities further diminish demand for language courses, including Russian. The emphasis on STEM fields and vocational training has led to a decline in support for humanities education in general.

Limited Study Abroad Opportunities: Current political tensions and logistical challenges have severely restricted opportunities for study in Russia, removing a key motivator for students and hindering their ability to develop advanced

language proficiency. The lack of immersive experiences makes it more difficult to achieve fluency and cultural understanding.

Faculty Attrition: As enrollments decline, universities may be forced to reduce faculty positions, leading to the loss of experienced and dedicated Russian language instructors. This attrition weakens programs and makes it more difficult to rebuild in the future.

In light of and despite these significant challenges, opportunities for growth and innovation exist:

Continued Geopolitical Relevance: Russia's ongoing role in global affairs, even amidst current tensions, ensures the continued importance of Russian language skills for diplomacy, intelligence, international relations, journalism, and national security. Understanding Russia's language, culture, and history is crucial for navigating the complex geopolitical landscape. Another reason for the study of Russian is, of course, the consideration for work inside the United States government with numerous opportunities for those who may be Russian language specialists in the area of security concerns, in the area of the justice department or commerce, and in any other positions where cooperation at the international level will call for people who both know Russian and understand Russians from a well informed cultural background and standpoint. While the economic sector at present is largely nonexistent, we have seen a seashore sway back-and-forth of the opening of opportunities subsequent sensation only to be followed by a newer set of opportunities for economic exchange and development.

Interdisciplinary Potential: Russian remains valuable in diverse and increasingly important fields like cybersecurity, energy policy, environmental studies (particularly related to the Arctic), and public health, offering opportunities for cross-disciplinary collaborations and attracting students from a wider range of academic backgrounds.

Cultural and Artistic Legacy: Russia's rich and globally recognized cultural heritage in literature, art, music, dance, and film continues to attract students interested in these fields. Exploring Russian culture through the lens of language study can be a powerful motivator. The Russian culture, Russian music, the great composers such as Tchaikovsky, the Russian ballet, which has enjoyed a well deserved. Well earned reputation for excellence in the arts also draws some towards the study of Russian. Even if currently our students are unable to study in Russia proper one needs to preserve a historical perspective that says that in a few years or a decade or even a generation that the situation may revert dramatically back to a time of a good relations when travel and exchanges will be possible and welcomed and supported by both sides.

Global Reach of the Russian Language: With an estimated 250 million speakers worldwide, a significant portion of whom reside outside of Russia in countries like Kazakhstan, Ukraine, and Belarus, the language remains a valuable tool for communication, cultural exchange, and understanding diverse perspectives. This global reach extends beyond the current political context. One of the primary reasons for studying Russian is its position as one of the most spoken languages in the world with the assumption being that there are some 250 million people who are conversant in Russian yet only 2/3 of that number are found in the Russian Federation as it is currently constituted leaving well over 100 million Russian speakers spread throughout the rest of the world. Russian has been a language of the arts, the sciences for the past 2 1/2 centuries and is likely to remain so regardless of political considerations, so there are opportunities to engage with the Russian language, either actively or passively through the reading of literature.

More than one student has decided to learn Russian in order to read Dostoevsky, Tolstoy, or Chekhov in the original.

Technological Advancements: New technologies offer innovative and engaging teaching methods, including virtual reality immersion, AI-powered language tutors, gamification, and online learning platforms, making Russian language learning more accessible and appealing to a broader student base. Already one can create an artificial interlocutor, tutor, conversation partner for practice in Russian. These opportunities are multiplying at a dizzying speed.

Growing Recognition of the Importance of Language Skills: In an increasingly interconnected world, there is a growing recognition of the importance of foreign language skills, including Russian, for global citizenship, international business, and cross-cultural understanding.

There are a number of existing initiatives along with a comprehensive blueprint for the future. Several initiatives are already working to promote Russian language studies, including government-sponsored programs like STARTALK, and others that provide funding for intensive language study and study abroad opportunities. University-led programs and initiatives, such as the Middlebury Summer Russian Intensive, offer immersive learning experiences and virtual instruction. These programs demonstrate a continued commitment to Russian language education. Their enrollments remain steady and with the disappearance of institutional and program abroad opportunities such programs have even flourished.

More work is needed, however, to revitalize and secure the future of Russian language studies, there should be a comprehensive and multifaceted strategy encompassing the following key areas:

1. **Emphasize Interdisciplinary Connections:** Actively seek partnerships and collaborations with other academic departments, such as computer science, international relations, business, environmental studies, and journalism, to demonstrate the practical applications and career relevance of Russian language skills. Develop joint programs and courses that integrate Russian language study with other disciplines.
2. **Leverage Technology for Enhanced Learning:** Integrate cutting-edge technology into Russian language instruction to create more engaging and effective learning experiences. Utilize virtual reality for immersive cultural experiences, AI-powered language tutors for personalized feedback, gamification to make learning more interactive, and online platforms for flexible and accessible learning.
3. **Expand Online and Hybrid Learning Options:** Develop high-quality online and hybrid programs to reach a broader student base, including those who may not have access to traditional classroom instruction. Offer flexible online courses, blended learning formats, and virtual exchange programs with Russian universities to accommodate diverse learning styles and schedules.
4. **Renew Focus on Career Relevance and Professional Development:** Actively promote the career benefits of Russian language skills by highlighting opportunities in government, international organizations, business, journalism, cybersecurity, and other fields. Organize career workshops, invite guest speakers from relevant professions, develop internship partnerships, and build strong alumni networks to connect students with potential employers.
5. **Promote Cultural Engagement and Appreciation:** Emphasize the rich and diverse aspects of Russian culture through film festivals, literary events, cultural celebrations, art exhibits, and discussions of contemporary Russian issues. Encourage students to explore Russian literature, music, film, and other forms of cultural expression to deepen their understanding and appreciation of the culture.
6. **Advocate for Institutional and Government Support:** Actively lobby for continued funding and support for Russian language programs at universities and from government agencies. Communicate the strategic importance of Russian language skills

to university administrators, policymakers, and the public. Highlight the need for continued investment in Russian language education to ensure national security and global competitiveness.

Going forward how do we convince 18-year-olds to either continue or to begin the study of Russian the first year university level? I would argue that perspective is key here to such discussions, a perspective that informs people of the long-standing history of ups and downs of relationship between our two nations and of the hope and indeed likelihood that at some point and a potential career span of some 45 years for these young individuals that opportunities to participate and engage in activities with Russians, can only increase from this point in time. Yes, we must continue to rely on those who are studying Russian for cultural reasons, who desire to read, appreciate that in one's own words to interact with the arts in Russia, both on the territory of the Russian Federation and abroad. To have access to the millions of writings by Russians on topics of shared interest and politically even from the simple ability to access new sources, etc., for an alternative vision to the news as it is presented in western outlets.

I think there's little that can be done to change the demographic situation or the ongoing pressures from college administrations other than to once again have them contextualize their focus. The fact that Russian studies have had ups and downs since well before their administration and are likely to continue well after their exit from the stage of administration; to make the case that the study of Russian is vital to our national interest. In moving forward it would be too easy to say that the reasons for studying Russian have essentially disappeared, to wash our hands and retreat in silence into oblivion. But too many of us have invested enormous amounts of time and energy to acquire a Russian expertise, to attempt to reach an understanding of the Russian soul and spirit, and the historical influences that have brought the country to this point in its history. Only such an enduring understanding offers hope for restoring a necessary and an enduring balance to the relationship between the United States and the Russian Federation.

References:

1. MLA Language Enrollment Database 1958-2021 <https://apps.mla.org/cgi-shl/docstudio/docs.pl?flsurvey_results> Accessed 3/1/2025
2. SRAS Survey of Enrollments in Russian Language Classes, 2024 <https://sras.org/educators/survey/2024-college-survey-of-enrollments-in-russian-language-classes/#Five_and_Ten_Year_Comparisons> Accessed 3/1/2025
3. "Changing Demographics Will Impact Higher Education for Years" <<https://www.bestcolleges.com/news/changing-demographics-will-impact-higher-education-for-years/>> Accessed 3/1/2025

Information about the Author:

Thomas R. Beyer, Jr., Ph.D., C.V. Starr Professor Emeritus of Russian and East European Studies, Middlebury College, Middlebury Vermont USA. Email: tom.beyer@middlebury.edu.

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-13-24

УДК (UDC) 81'23

*Igor V. Pustovoit,
Hofstra University, New York, USA
Пустовойт Игорь Владимирович,
Университет Хофстра, Нью Йорк, США*

*For citation: Pustovoit, Igor V., (2025).
The crisis in Foreign Language Study in American Colleges:
Causes and Lessons.
Cross-Cultural Studies: Education and Scienc,
Vol.10, Issue I (2025), pp. 13-24 (in USA)*

Manuscript received: 20/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

THE CRISIS IN FOREIGN LANGUAGE STUDY IN AMERICAN COLLEGES: CAUSES AND LESSONS

КРИЗИС В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В АМЕРИКАНСКИХ ВУЗАХ: ПРИЧИНЫ И УРОКИ

Abstract:

The information revolution has transformed the education system, turning skepticism towards digital technologies into their widespread acceptance and integration into the learning process. In addition to technical innovations, macroeconomic factors significantly influence the education system in the United States, including the rising cost of tuition, the erosion of the middle class, as well as rapidly growing labor automation, which reduces the accessibility of higher education and transforms the labor market. Geopolitical processes directly affect the quality and accessibility of higher education in the U.S., which is also facing rising costs and inequality in access, further exacerbating societal stratification: prestigious universities remain in demand, while accessible colleges lose ground, and students are forced to take on significant loans, hoping for a return on investment in their degree.

The rapid development of AI and automation has increased the demand for IT professionals, but universities fail to keep up with the demand. At the same time the humanities are undergoing a crisis, even though their role in the development of critical thinking and "soft skills" remains crucial for careers and self-fulfillment. The study of foreign languages in the U.S. is traditionally lower than European educational priorities, and the total number of students studying languages continues to drop, leading to cuts in educational programs.

Despite the decline in the total number of American students studying foreign languages, interest in strategically important languages gives some hope, but the university administrators are striving to optimize and consolidate programs, which further limits the availability of foreign language courses. Artificial intelligence and digital platforms are becoming a compromise solution, offering an individualized approach and convenience, while

yielding to traditional education in depth and cultural context. The future probably belongs to hybrid learning models that combine commercial digital technologies and academic environments.

Keywords: humanities education, social stratification, artificial intelligence (AI), hybrid learning, strategic languages, decolonization

Аннотация:

Информационная революция изменила систему образования, обратив скептицизм по отношению к цифровым технологиям в их повсеместное принятие и интеграцию в учебный процесс. Помимо технических инноваций, на систему образования в США существенно влияют макроэкономические факторы, включая рост стоимости обучения, размывание среднего класса, а также автоматизация труда, что приводит к снижению доступности высшего образования и переформатированию рынка занятости. Геополитические процессы напрямую затрагивают качество и доступность высшего образования в США, которое к тому же сталкивается с ростом стоимости и неравенством доступа, что только усугубляет стратификацию общества: престижные вузы остаются востребованными, тогда как доступные колледжи теряют позиции, а студенты вынуждены брать значительные кредиты, надеясь на окупаемость диплома.

Бурное развитие ИИ и автоматизации усилило спрос на IT-специалистов, заметно опережая адаптацию вузов к новым требованиям. В то же время гуманитарные дисциплины переживают кризис, хотя их роль в развитии критического мышления и «гибких навыков» остается существенной для карьеры и самореализации. Изучение иностранных языков в США традиционно уступало приоритетам Европы, и общее число студентов, изучающих языки, продолжает снижаться, что приводит к сокращению образовательных программ.

Несмотря на снижение общего числа американских студентов, изучающих иностранные языки, интерес к стратегически важным языкам дает определенные надежды, однако вузовские администраторы стремятся к оптимизации и консолидации программ, что еще больше ограничивает доступность курсов по иностранным языкам. Искусственный интеллект и цифровые платформы становятся компромиссным решением, предлагая индивидуализированный подход и удобство, но при этом уступая традиционному образованию в глубине и культурном контексте. Будущее, вероятно, за гибридными моделями обучения, сочетающими коммерческие цифровые технологии и академическую среду.

Ключевые слова: гуманитарное образование, социальная стратификация, искусственный интеллект (ИИ), гибридное обучение, стратегические языки, деколонизация

1. Введение: информационная революция

Информационная революция внесла тектонические изменения в американскую систему образования, и разговор о кризисе в изучении иностранных языков в американских вузах следует начинать с глубоких и фундаментальных изменений, приведших к пересмотру принципов образования, до сих пор считавшихся незыблемыми.

Среди доминирующих тенденций последних десятилетий в первую очередь следует назвать ускорение доступа к информации и большую гибкость в ее применении. Двадцать лет назад преподаватели скептически относились к появившейся в 2001 году свободной онлайн энциклопедии Википедия, не признавая ее достоверным источником в сфере академических исследований. К 2005 году по аккуратности предоставляемых данных Википедию уже сравнивали с Британской энциклопедией, а через пять лет использование Википедии как отправной точки в академических

исследованиях стало общим местом. То, что казалось слабостью, стало достоинством: общедоступность превратилась в коллективное редактирование, и авторитетные в той или иной области специалисты больше не считали зазорным курировать содержание соответствующих статей, что заметно снизило влияние мнений неспециалистов. Особенно заметно это на фоне хаоса в сфере медиа, когда любое мнение приобретает весомость только потому, что оно высказано с экрана. К 2020 году Википедия была полностью интегрирована в учебные планы вузов, и цифровая грамотность стала ключевым компонентом высшего образования.

Примерно в это же время началось широкое обсуждение принципов Искусственного Интеллекта (ИИ), до тех пор считавшимся экзотикой, доступной лишь узкому кругу специалистов. Первоначальный скептицизм в педагогической среде был вызван бытующим мнением, что ИИ слишком технологичен, плохо поддается масштабированию, и в нем отсутствует человеческий фактор, столь существенный в образовательном процессе. Поворотной точкой можно считать опубликованный в 2018 году доклад Организации Экономической Кооперации и Развития (ОЭСД) «Будущее образования и навыков: Образование в 2020» [1]. Доклад подчеркивает преобразующий потенциал ИИ в образовании, способствующий адаптивному обучению, контролю прогресса студентов и персонификации обучения.

Если всего лишь пару лет назад преподаватели и администрация нашего университета обсуждали, как обуздать использование студентами ChatGPT и других генеративных моделей, то в прошлом семестре администрация уже требовала от каждого преподавателя выставить оценку за владение навыками использования ИИ каждому отдельно взятому студенту, вне зависимости от конкретной дисциплины и специальности. Таким образом, траектория интеграции ИИ в образовательный процесс очень сходна с тем, как Википедия прошла путь от первоначального скептицизма к повсеместному принятию в академической и образовательной среде. В обоих случаях фокус внимания к настоящему времени переключился на этически оправданное, ответственное и эффективное использование достижений технического прогресса в образовательном процессе.

2. Макроэкономические факторы

Технические инновации – лишь один из факторов, постепенно меняющих ландшафт системы образования в США. Макроэкономические тренды США напрямую влияют на функционирование вузов, которые так или иначе являются коммерческими предприятиями, даже если финансируются из федерального бюджета, бюджета отдельного штата, или местной администрацией. Рост операционных расходов колледжей (зарплаты преподавательского состава, содержание кампуса, внедрение современных технологий) зачастую превосходят инфляцию. Администрация вынуждена перекладывать это на плечи студентов. Растущая стоимость обучения снижает привлекательность диплома и делает высшее образование менее доступным не только для малоимущих, но и для среднего класса.

К концу XX века стало очевидно, что пропасть между богатыми и бедными в США приобрела угрожающий характер. Причины многие видят в экономической политике времен Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, сторонников неолиберализма и экономики *laissez-faire*. На это наложился эффект глобализации, аутсорсинга рабочих мест, и использования офшоров, что в свою очередь привело к размыванию среднего класса и потере значительного числа рабочих мест, в особенности так называемых низкоквалифицированных некогнитивных должностей, которые не требуют длительной подготовки. Кроме того, настоящий крах рутинных должностей напрямую связан с внедрением технологий автоматического распознавания речи, сделавших компьютерно-опосредованную коммуникацию повсеместной. В бытовом плане, 10-15 лет назад любому американцу было заметно, как при телефонном обслуживании

клиентов все чаще можно слышать сильный иностранный акцент, нередко вызывавший раздражение у клиентов. С одной стороны, число подобных должностей неуклонно сокращалось, что вынуждало американцев искать другие сферы применения, а их места занимали недавние эмигранты, готовые на любую работу. Одновременно происходила формализация общения [2], при которой ограничивался выбор языковых средств, увеличивалась роль пошагового решения задач, и возрастала роль четкости формулировок. Так сочетание экономических и технологических факторов сыграло свою роль, а американцы, потеряв миллионы рабочих мест, постепенно перешли к компьютерно-опосредованному общению.

3. Последствия пандемии

Общим местом стало упоминание роли пандемии COVID-19, вызвавшей глобальный экономический шок, и оказавшей огромное влияние на рынок труда, на потребительский рынок, и, конечно же, на систему высшего образования, где в 2019 доминировали апокалиптические настроения. Однако, взглянув на проблему шире, становится очевидным, что не последнюю роль здесь сыграли демографические факторы. Неуклонное снижение рождаемости в США наблюдалось с 1950-х годов. Ситуация стала улучшаться в начале 2000-х, но Великая рецессия 2007-09 года обрушила все надежды.

По данным Национального студенческого информационно-исследовательского центра [3], число студентов в американских вузах неуклонно падало с 2012, за исключением 2022 и 2024, когда наблюдался рост в 2% и 4%, но при этом количество новых студентов все равно упало на 3.6% и 5% соответственно. Таким образом, возвращение в вузы студентов, сделавших перерыв на время пандемии, имело лишь краткосрочный эффект, и в целом мы имеем дело с неуклонной тенденцией, а пандемия лишь усугубила ситуацию: в 2020 году общее число студентов снизилось на 4.7%, а аспирантов – на 1.7%. Этот период стал самым значительным падением в наборе студентов в вузы за последние 50 лет.

По прогнозам Принстонского Обзора и Вашингтонского Фонда Сбережений на Колледж [4], ухудшившаяся экономическая ситуация должна была заставить молодых людей идти в государственные или двухгодичные общинные колледжи вместо частных, где образование стоит значительно дороже. Однако, частные вузы потеряли лишь 2.5%, в то время, как государственные университеты – 4.6%, а общественные колледжи, финансируемые из местного бюджета, до 10%. Логичным объяснением может служить то, что выходцы из менее обеспеченных семей вынуждены были отложить планы на образование и идти зарабатывать деньги. Многие студенты, не имеющие семейного опыта в высшем образовании, столкнулись с большими экономическими трудностями и увеличением обязанностей по уходу за семьей. Отток студентов, представляющих меньшинства, был намного значительней, чем белых. Переход на дистанционное обучение только подчеркнул неравенство в доступе к современным технологиям, когда малоимущие семьи не могли позволить себе необходимое техническое обеспечение.

С другой стороны, в этот период нередко наблюдалось неоправданное сокращение учебных программ и специальностей, не подкрепленное конкретными экономическими расчетами. Под эгидой экономии администрации сокращали, а то и вовсе ликвидировали в первую очередь гуманитарные и социально-научные программы, а также программы в сфере искусства и культуры. На фоне зачастую лишь предполагаемых финансовых трудностей устранялись программы в области музыки, театра, кино, и конечно же, иностранных языков. Широкий резонанс вызвало радикальное решение Университета Западной Виргинии в 2023 году полностью закрыть все программы по изучению иностранных языков [5]. Несмотря на многочисленные протесты и петиции по всей стране, администрация так не изменила

своего решения. В качестве компромисса было предложено сделать языки частью более широких курсов по культуре, литературе и международным отношениям. Кроме того, многие вузы оформляют партнерские отношения и предлагают конкретный иностранный язык в формате онлайн для студентов всех университетов и колледжей, участвующих в программе.

4. Роль иностранных студентов

Следует также упомянуть резкое сокращение числа иностранных студентов в американских вузах. Хотя пандемия сыграла здесь ключевую роль, тенденция к сокращению стала намечаться еще с 2016 года. Тем не менее, благодаря определенному географическому перераспределению, к 2019 году количество иностранных студентов в США достигло рекорда, составив 1.1 миллион, или 5.5% от общего числа студентов вузов. Основными поставщиками были традиционно были Китай, Индия, Южная Корея и Саудовская Аравия, но Китай и Индия ввели жесткие карантинные меры, а онлайн обучение не усаивало многих, поскольку устраняло проживание в стране как наиболее привлекательную часть студенческого опыта. Кроме того, переход на онлайн обучение вызывало трудности в получении студенческой визы F-1. В 2020-ом году Институт международного образования (IIE) сообщил о снижении общего числа иностранных студентов на 16%. Через год их число выросло на 4%, а в 2022 - еще на 12%, что позволяет говорить о восстановлении прежней привлекательности обучения в американских вузах [6]. При этом США всегда ощущали конкуренцию со стороны таких стран, как Канада, Великобритания, Австралия и Германия. Китай и Индия остаются крупнейшими поставщиками иностранных студентов, хотя их доля продолжает снижаться. Также на положение дел влияет нестабильная геополитическая ситуация. Война, развязанная Россией против Украины, усложнила жизнь не только для российских студентов, но и украинских, несмотря на общую поддержку со стороны американского правительства и общества в целом. Для украинских студентов, помимо визовых проблем и финансовых трудностей, характерна особая психологическая нагрузка, а для многих и посттравматический стресс. А российским студентам приходится сталкиваться с общей атмосферой токсичности во всем, что связано с Российской Федерацией и ее нынешним руководством.

Как преподаватель я регулярно сталкиваюсь с тем, что иностранные студенты, преимущественно из Индии и Китая, записываются на курс лишь для того, чтобы получить визовую поддержку, а добившись желаемого полностью игнорируют и не посещают занятия, даже не беспокоясь о неудовлетворительной оценке. Однако в отношении российских студентов, помимо традиционных визовых махинаций, наблюдается общая атмосфера подозрительности, поскольку широкую огласку получили случаи, когда россияне, оказавшиеся в США под видом студентов, занимались на самом деле шпионажем и подрывной деятельностью.

Так, раскрытая в 2010 году программа «Нелегалы» выявила сеть российских «спящих» агентов, действовавших под глубоким прикрытием. Некоторые из них поступили в американские университеты, чтобы создать легитимность и интегрироваться в общество, а основной задачей был сбор разведанных о политике США. Десять человек, связанных с этой программой, были арестованы, а затем обменены на лиц, отбывающих срок в России.

Мария Бутина в 2018 поступила в аспирантуру Американского университета в Вашингтоне, где изучала международные отношения, но при этом старалась проникнуть в политические организации, в том числе в Национальную стрелковую ассоциацию (NRA), чтобы влиять на политику США и собирать разведанные. Вскоре она была арестована и приговорена к 18 месяцам тюремного заключения.

Сергей Черкасов, выдавая себя за бразильского студента Виктора Мюллера Феррейра, поступил в Школу передовых международных исследований (SAIS)

Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне. В 2022 году он был арестован и идентифицирован как оперативник российской разведки.

5. Американский изоляционизм

Все эти скандалы вызвали бурную реакцию в обществе, и жанр триллера о русских шпионах обрел второе дыхание. Наиболее заметными стали телесериал «Американцы» (2013-18) и фильм «Красный воробей» (2018). Вдобавок, широкое освещение получили случаи кибератак и внешнего вмешательства в политические процессы США, включая выборы. Это послужило триггером для новой волны американского изоляционизма, чем не преминули воспользоваться как политики популистского толка, так и медиа, ориентированные прежде всего на рейтинги.

Изоляционизм в США имеет долгую историю. Доктрина Монро (1823), подразумевавшая невмешательство США в дела других стран, отказ от участия в Лиге Наций после Первой мировой войны, разочарование от войн во Вьетнаме, Ираке, и Афганистане, а в последние десятилетия - от глобализации и кризиса на южной границе, вызванного большим потоком мигрантов и беженцев. Во многом этот поток мигрантов переключил внимание общественности на внешние факторы с внутренних изменений на рынке труда, вызванных информационной революцией, развитием автоматизации и ИИ, и переходом к так называемой экономике знаний, делающей ставку на квалифицированных работников в сфере технологий и услуг, что часто требует образования и подготовки, которые недоступны многим в краткосрочной перспективе. Таким образом, иммигранты становятся козлом отпущения в обществе, хотя в большинстве случаев они берутся за те работы, которые сами американцы считают непривлекательными.

6. Рост стоимости обучения

Университеты и колледжи не всегда поспевают за требованиями рынка, но было бы ошибкой считать последние единственным критерием значимости высшего образования. В американских вузах отчетливо проявляется гуманитарная миссия, когда приоритет отдается развитию всесторонней личности, обладающей критическим мышлением, навыками коммуникации и качествами лидера. Студенты нередко меняют свою специализацию, ищут себя новых областях. Но это во многом выглядит как привилегия детей из обеспеченных семей: не всякий родитель станет терпеть такие зигзаги с непредсказуемым результатом при ошеломляющей стоимости вузовского обучения.

За последние 20 лет стоимость обучения только в государственных университетах выросла на 175%, а в изначально более дорогих частных университетах - на 116%, что примерно на 61% опережает инфляцию. Согласно данным Совета по делам колледжей [7], средняя годовая стоимость обучения и проживания в государственных университетах для резидентов конкретного штата составляет \$23.250, а для тех, кто приехал из других штатов \$40.550. Для частных университетов это уже \$53.430. Однако подобные среднестатистические выкладки во многом напоминают отчет о средней температуре по больнице. Как отец второкурсника частного университета в штате Нью-Йорк, я каждый семестр получаю счет за обучение примерно на \$28.000, плюс \$1000 в месяц за общежитие, плюс \$2500 в семестр за питание на кампусе и 1000 за пользование технологиями, спортивным комплексом и поликлиникой. И, как каждый отец студента, я помню, что Барак Обама смог выплатить свой студенческий долг лишь к тому времени, когда уже был действующим президентом США.

Общий студенческий долг в США составляет около 1.75 триллиона долларов, в среднем \$29.000 для бакалавров, а для окончивших магистратуру или докторантуру - \$70.000-\$100.000. Администрация президента Байдена продвигала план,

предусматривающий списание до \$20.000 для определенных категорий бывших студентов, но это предложение не было всеобъемлющим, что вызвало негативный общественный резонанс, и до претворения в жизнь дело так и не дошло. Разнообразные гранты и льготы для малоимущих лишь ненамного облегчают финансовое бремя высшего образования.

Таким образом, можно сделать два вывода. Во-первых, массовый отток студентов особенно во время пандемии, был вынужденной мерой, что не означает падение роли и престижа высшего образования в целом. Во-вторых, в большей степени пострадали именно доступные колледжи, в то время как престижные вузы отмечали стабильный или даже растущий интерес со стороны абитуриентов, убежденных, что престижный диплом гарантирует преимущество на рынке труда. Государственные и местные колледжи воспринимаются большинством абитуриентов как имеющие меньше ресурсов, менее развитые социальные сети выпускников, и низкую, по сравнению с элитными учреждениями, «отдачу от инвестиций» (ROI). Кроме того, над ними постоянно висит угроза сокращения государственного финансирования. Таким образом, стратификация учебных заведений отражает усиливающуюся стратификацию общества в целом, и качественные абитуриенты готовы идти на большие финансовые риски, чтобы успеть вскочить на уходящий поезд для богатых.

7. Вузы и требования рынка

Как уже было указано, современный рынок труда претерпевает значительные изменения из-за развития автоматизации и ИИ. Это значит, что каждый год растет потребность в IT-специалистах, таких как разработчики программного обеспечения, специалисты по обслуживанию баз данных, включая анализ больших данных, специалистах по блокчейн-технологиям, а также по кибербезопасности. В целом это напоминает взлет престижа программирования и формирование целой субкультуры программистов в 1990-е годы. Далеко не все из тех, кто выбрал эту профессию 30 лет назад, смогли удержаться на плаву, в первую очередь из-за постоянных изменений в языках программирования, платформах, операционных системах и интернет-технологиях, требующих от разработчиков постоянной адаптации. Те, кто преуспел в эпоху доткомов, создали множество стартапов, и стали основателями технологических компаний. Остальные сменили профессию. Сходным образом, сегодня наблюдается бум стартапов, прежде всего в сфере децентрализованных Web3-проектов, предлагающих прямое взаимодействие пользователей без посредников, а также в сфере финансовых технологий для автоматизации и улучшения финансовых услуг, таких как мобильные платежи, онлайн банкинг, инвестиционные платформы и децентрализованные финансы. Именно в этих ключевых областях вузовское образование не поспевает за требованиями рынка. Если программисты 90-х вынуждены были осваивать новые достижения самостоятельно, и общая атмосфера была во многом анархичной, сейчас IT-рынок стал более структурированным, но роль самообразования не снизилась: вузам все труднее конкурировать со стажировками, онлайн-курсами и буткемпами (англ. *bootcamp* - интенсивная программа по освоению конкретных IT-навыков). Оставив в стороне стоимость обучения, колледжи в целом ориентированы на классический IT, а новые технологии воспринимаются как рискованные, поскольку характеризуются волатильностью и регуляторными проблемами. Профессора не имеют опыта в новых достижениях, а компании все меньше требуют дипломы: важнее портфолио, сертификаты и опыт работы в проектах. При этом свежие разработки можно освоить за счет онлайн курсов, таких как Udemy, Coursera, freeCodeCamp, или просто через видео на Youtube.

На данном этапе складывается впечатление, что в извечном споре физиков и лириков последние окончательно потеряли голос. Гуманитарные дисциплины переживают глубокий кризис, и администрация вузов зачастую сама загоняет себя в

угол: пытаюсь поспеть за более динамичными моделями обучения за счет снижения доли общеобразовательных дисциплин, колледжи теряют в качестве образования, и все равно не поспевают за рынком. Мне лично довелось услышать от проректора предложение выучить еще какой-нибудь иностранный язык в дополнение к русскому и украинскому, чтобы помочь кафедре выжить. Для администрации освоение иностранного языка сродни новому языку программирования, а наличие электронного переводчика в смартфоне вообще устраняет необходимость изучать другой язык. По аналогии, наличие калькулятора должно позволить убрать математику из учебных программ.

Однако, далеко не все администраторы, даже отдавая предпочтение более практичным и прибыльным STEM-направлениям (англ. *science, technology, engineering, mathematics*), стараются делать это не за счет гуманитарных наук, развивающих широкий взгляд на мир, этику, критическое мышление и коммуникацию. Кроме того, такие престижные и высокооплачиваемые профессии, как юристы и врачи, требуют более длительной и тщательной подготовки, которую не заменишь краткосрочным курсом, поэтому даже в IT-среде все чаще поднимается вопрос о необходимости развития «гибких навыков» (англ. *soft skills*) для решения сложных социальных и этических задач. Технические специалисты, которые не развили вовремя навыки письменной речи, публичных выступлений, или этического анализа, сталкиваются с трудностями при переходе на управленческие и междисциплинарные роли. Здесь опять сказывается социальная стратификация: человек, который может потратить годы на разностороннее образование, находится в более привилегированном положении, чем тот, кто пытается сэкономить на образовании и ориентирован исключительно на получение работы, что оставляет мало времени на самореализацию и интеллектуальные поиски.

8. Место иностранных языков в гуманитарном образовании

Иностранные языки – лишь одна из составляющих гуманитарного образования, но она являлась константой с момента возникновения первых европейских университетов. При этом приходится признать, что в США языковое образование никогда не входило в число приоритетов. Особенно наглядно это проявляется при сравнении США и Европы. Согласно исследованию Исследовательского центра Пью [8], только 20% американских школьников проходят курс иностранного языка в начальных классах, в то время как это является обязательным для 92% европейских школьников. Такая диспропорция сохраняется на протяжении всего образования. Было бы неверно списывать такое отставание на культурное разнообразие Европы по сравнению с Америкой: в Манхеттене в течение получаса можно побывать в украинской деревне в Ист Виллидж, затем в Маленькой Италии, и наконец, в Китайском городе. С одной стороны, возможность прямого контакта с другими культурами, особенно в условиях мегаполиса, стимулирует изучение иностранных языков, с другой – снижает мотивацию, особенно если речь идет не об общем развитии индивидуума, а о профессиональном применении знаний. Здесь сказывается и американский изоляционизм, и практичность, и роль английского как доминирующего глобального языка, и поверхностное отношение к двуязычию, поддерживаемое медиа и популярной культурой. К примеру, каждый в США знает пару фраз на испанском из песен или фильмов, но это ни в коей мере не означает, что многие действительно стремятся овладеть испанским языком. К тому же, даже потратив годы на изучение иностранного языка, очень трудно конкурировать с теми, кто освоил его в двуязычной семье, а для страны, где почти 14% населения были рождены в других странах, такие случаи - не редкость.

С другой стороны, по данным Ассоциации иностранных языков (MLA), в последнее десятилетие наблюдался резкий скачок в изучении корейского и японского,

составивший примерно 200%. Это связано прежде всего с популярностью корейских музыкальных групп и телевизионных драм (K-pop, K-drama), а также японских манга, аниме и видеоигр. Будучи несомненно связанными с конкретными азиатскими культурами, все эти развлекательные жанры представляют стилизованную версию конкретной экзотической культуры и не дают всестороннего понимания ее истории, политики, и социальных процессов. И тем не менее, эти развлекательные форматы открывают портал к более глубокому и систематическому изучению языка и культуры, несмотря на всю сложность корейского и японского языков, имеющих, согласно шкале Госдепа США, высший IV рейтинг трудности для англофонов [9].

В целом же, по данным MLA, число студентов, изучающих иностранные языки в американских вузах, упало на 16.6% в период с 2016 по 2021. И опять налицо социальная стратификация: наиболее доступные двухгодичные общественные колледжи потеряли до 44%, государственные колледжи и университеты – 24.8%, а частные – 7.8% [10]. Тут срабатывает эффект домино: уменьшение числа студентов ведет к закрытию классов, оттоку преподавательского состава, и в результате, к перманентной потере языковых программ. Если в частном университете минимальное число студентов в классе составляет 8 человек, и слегка подкорректировав плату преподавателю можно сохранить класс даже с меньшим числом учащихся, то в государственных вузах минимум составляет 15-25 студентов, и корректировкой никто не будет заниматься.

По данным авторитетной американской организации MLA (Modern Language Association, Ассоциация Современных Языков), испанский неизменно лидирует среди иностранных языков, изучаемых в вузах. По данным 2021 года его выбрали 49.4% от общего числа студентов. Английский как иностранный в расчет не принимался. Далее идут французский (11.4%), американский язык жестов (9.1%), японский (5.6%), немецкий (4.5) и китайский (3.9%). Русский с 1.5% находится позади таких языков, как итальянский, арабский и корейский [11]. Интересно, что в 1974 году пять из пяти самых изучаемых языков были европейскими, а в 2021 - лишь три. Также следует упомянуть, что изучение библейского иврита осуществляется преимущественно кафедрами религиоведения, а не современных языков. Для сравнения, изучение арабского языка осуществляется на основе современного стандартного арабского, который отличается как от языка Корана, так и национальных вариантов арабского, и преподаватели нанимаются кафедрой иностранных языков, а не религии. Интересно, что библейский иврит не только не утратил позиции за последние годы, но напротив, набрал на 9.1% больше студентов.

9. Русский язык: центробежные и центростремительные тенденции

Хотя список основных причин, побудивших студентов к изучению того или иного иностранного языка, во много схож для каждого конкретного языка, иерархия мотиваций может существенно отличаться. Как уже было сказано, поп-культура стала решающим мотиватором для японского и корейского. Для китайского, арабского и русского это прежде всего геополитический интерес и практические причины: госдеп США включил эти языки в число так называемых критических языков и предлагает государственные стипендии для их изучения [12]. Интересно, что японский и корейский также входят в данный список критических языков, но развлекательная миссия поп-культуры остается более сильным мотиватором, чем карьерные возможности. Для французского на первом месте общий престиж культуры, для испанского – практическое применение, учитывая огромное количество испаноязычных американцев, а для немецкого - семейная история, поскольку исторически немцы являются одной из крупнейших этнических групп в США, примерно 13-14% населения США в настоящий момент заявляют о немецких корнях.

Обсуждение роли и места так называемых *эритажников* (heritage learners) остается в центре внимания преподавателей иностранных языков не первое десятилетие, но при всей значимости тех, кто изучает семейное наследие, следует также упомянуть о причинах и мотивациях, не лежащих на поверхности. К примеру, португальский язык предлагает лишь небольшое количество вузов, поэтому выходцы из семей, где говорят по-португальски, скорее всего в колледже будут изучать испанский. Несмотря на огромное число билингвов с родным английским и домашним польским, польский язык намного менее распространен в американских колледжах, и студенты из польских семей выбирают русский как родственный язык.

Однако, в последнее время все более заметны центробежные тенденции, ведущие к потере позиций русского за счет других славянских языков. К примеру, Йельский университет за последние годы потерял 40% от общего числа изучающих русский язык, в то время как польский и украинский отметили существенный приток студентов [13]. Университет Беркли в Калифорнии впервые в своей истории предложил украинский, и первый набор студентов составил треть от давно устоявшейся русской программы. В целом по стране с начала войны наблюдался 78% рост числа студентов, изучающих украинский, и это при общем уменьшении числа студентов, изучающих иностранные языки. Шесть колледжей объявили об открытии новых программ по украинскому. Большинство из студентов, выбравших украинский, объясняют свое решение желанием тем или иным способом помочь Украине, а 15% студентов указали, что их спонсорами стали специальные программы, связанные с обороной и безопасностью. Преподаватели отмечают, что война в Украине не только привела к увеличению числа предлагаемых курсов по украинскому языку в целом по стране, но и способствовала общей тенденции к деколонизации курсов по русской литературе, истории и культуре. Однако, если в случае последних происходит смещение акцентов преподавания, то в отношении иностранных языков не все университеты могут позволить себе расширить выбор иностранных языков. Как правило, это достигается за счет адъюнкт-преподавателей, которым не гарантирован стабильный заработок. К тому же намного труднее найти квалифицированных носителей того или иного языка вдали от мегаполисов, а до 80% американских колледжей функционируют как кампусы, и лишь немногие из них расположены в черте города. В большинстве же случаев администрация вуза вынуждена ограничивать выбор языков, и в результате студенты идут на тот язык, который, по их мнению, потребует меньше усилий. Относительная легкость подталкивает выходцев из Ирана к изучению арабского, а датчан и голландцев – немецкого. В случае же с русским на постсоветском пространстве это не обязательно лингвистическая близость, а скорее схожесть культурного бэкграунда, основанная на совместном имперском прошлом, формирующая «языковой советский союз».

Это, по крайней мере частично, позволяет объяснить, почему русский потерял меньше студентов, по сравнению с другими языками. Уже упоминавшийся отчет MLA указывает, что общее число студентов, изучающих иностранные языки в американских вузах, в период с 2016 по 2021 упало на 16.%. Для русского эта цифра составила лишь 13.1%, в то время, как немецкий потерял 33.6%, французский - 23.1%, арабский - 27.4%, а китайский - 14.3% [14]. Помимо «языкового советского союза» и значительно большей распространенности русского как иностранного, по сравнению с языками бывших республик, исследователи указывают, что ухудшающиеся международные отношения с Россией и Китаем привлекают американских студентов к этим языкам. В этом нет ничего парадоксального, поскольку пиковые периоды в изучении русского языка в американских вузах последовали за Карибским кризисом 1962 года и распадом СССР в 1991.

В целом по США, лишь 11.4% университетов, принявших участие в опросе, указали что иностранный язык входит в числе обязательных предметов. При этом, из 171 университетов, в которых есть русские программы, 35.1% считают иностранный

язык обязательным. Таким образом, университеты с обязательным изучением иностранного языка в три раза чаще предлагают русский как иностранный, чем в среднем по стране.

Ключевую роль играет здесь консолидация языковых программ в сочетании с гибкостью и адаптивностью. Привлечение студентов осуществляется за счет онлайн-курсов, объединения программ с другими колледжами, интенсивных летних курсов, специальных курсов для эритажников, а также междисциплинарных программ, например, русского языка в сочетании с международными отношениями, кибербезопасностью, или бизнесом.

И тем не менее, обнадеживающих новостей довольно мало. После шока, связанного с уже упомянутой отменой всех языковых программ в Университете Западной Виргинии, продолжает поступать информация о закрытии все новых курсов и целых программ. Проводимые опросы не дают полной картины, поскольку не все вузы принимают в них участие, не желая афишировать свои текущие трудности. Из 226 вузов, так или иначе предлагавших русский, четверть никак не отреагировали на последний запрос, а из остальных 21 вуз объявил о закрытии русских программ до конца 2024. Пять программ закрылись только в 2024, еще семь ожидают закрытия в ближайших три года.

10. Заключение

Таким образом, растущий интерес к изучению иностранных языков на постсоветском пространстве не находит взаимности со стороны американских вузов, где владение иностранным языком по большей части воспринимается как факультативное. Здесь налицо две противоборствующие тенденции. С одной стороны, очевидно административное давление, ведущее к оптимизации предлагаемых курсов за счет сужения выбора и консолидации программ. С другой, налицо растущий интерес к менее распространенным языкам, связанный с геополитическими сдвигами и возникающими конфликтами. Таким образом, расширение кругозора студентов наталкивается на сужение возможностей вузов. Единственным компромиссом здесь видится уже упомянутый искусственный интеллект, который позволяет индивидуализировать изучение иностранного языка, создает обстановку максимального комфорта, снимает напряжение прямого общения с преподавателем и другими студентами. Это подтверждается популярностью таких программ по изучению иностранных языков, как DuoLingo, число пользователей которой продолжает неуклонно расти с момента ее появления на рынке в 2012 году. Каждый студент проводит много времени со смартфоном, и хотя использование голосовых функций может быть ограничено по ряду причин не только технического характера, устная коммуникация на иностранном языке в целом так же доступна, как и письменная. Доступность DuoLingo, Memrise, Babbel, и других онлайн-платформ, их гибкость и игровая форма обучения повышают мотивацию студентов. Безусловно, при этом теряется академическая глубина, живое общение и культурный контекст, но прогресс не стоит на месте, и будущее, очевидно, за гибридными формами обучения, сводящими воедино традиционное классное образование и цифровые платформы.

References:

1. <https://www.oecd.org/en/about/projects/future-of-education-and-skills-2030.html> (accessed February 20, 2025)
2. Пустовойт, И.В. *Категория лингвистической нечеткости и человеческое общение в цифровую эпоху*. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Нур-Султан, Казахстан, 2019, 97-101.

3. <https://nscresearchcenter.org/> (accessed February 20, 2025)
4. <https://www.cnbc.com/2020/04/22/students-consider-starting-out-at-community-college-amid-coronavirus.html> (accessed February 20, 2025)
5. <https://www.axios.com/2023/08/30/west-virginia-university-foreign-language-classes> (accessed February 20, 2025)
6. <https://www.iie.org/publications/fall-2024-snapshot-on-international-educational-exchange/> (accessed February 20, 2025)
7. <https://research.collegeboard.org/trends/college-pricing/highlights> (accessed February 20, 2025)
8. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/08/06/most-european-students-are-learning-a-foreign-language-in-school-while-americans-lag/> (accessed February 20, 2025)
9. <https://2009-2017.state.gov/m/fsi/sls/orgoverview/languages/> (accessed February 20, 2025)
10. <https://www.mla.org/Resources/Guidelines-and-Data/Reports-and-Professional-Guidelines/Enrollments-in-Languages-Other-Than-English-in-United-States-Institutions-of-Higher-Education> (accessed February 20, 2025)
11. <https://www.mla.org/Resources/Guidelines-and-Data/Reports-and-Professional-Guidelines/Enrollments-in-Languages-Other-Than-English-in-United-States-Institutions-of-Higher-Education> (accessed February 20, 2025)
12. <https://clscholarship.org/languages> (accessed February 20, 2025)
13. <https://www.insidehighered.com/news/2022/09/15/enrollment-russian-drops> (accessed February 20, 2025)
14. <https://sras.org/educators/survey/2023-college-survey-of-enrollments-in-russian-language-classes/> (accessed February 20, 2025)

Information about the Author:

Pustovoit Igor V. (Hempstead, NY, USA) - Doctor of Arts, Professor of Russian Language and Literature at the Department of Comparative Literature, Languages, and Linguistics of Hofstra University. Spent twelve years at Kiev University prior to coming to the US in 1992. Research interests include cognitive linguistics, metaphor, formality, vagueness, linguistic identity, linguistic imperialism, as well as foreign-language methodology, and Russian as a foreign language. E-mail: Igor.V.Pustovoit@hofstra.edu Acknowledgements: The author is grateful to the reviewers Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, Armenia Contribution of the author: The work is solely that of the author.

Acknowledgements: *The author would like to sincerely thank Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, Istanbul, for her feedback and assistance on this paper.*

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-25-39

УДК (UDC) 372.881.1

*Koryun M. Ohanyan,
Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan,
Yerevan, Armenia
Оганян Корюн Мурадович,
Армянский государственный педагогический университет
(АГПУ) имени Х. Абовяна,
Ереван, Армения*

*For citation: Ohanyan Koryun M., (2025).
Interference as a Determinant of Phonological and
Graphic Substitution in Bilinguals.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 25-39 (in USA)*

Manuscript received 26/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

INTERFERENCE AS A DETERMINANT OF PHONOLOGICAL AND GRAPHIC SUBSTITUTION IN BILINGUALS

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ СУБСТИТУЦИИ У БИЛИНГВОВ

Abstract:

This study explores the impact of phonetic and graphic interference on the acquisition of the Russian language by Armenian bilinguals, particularly during the stages of reading and writing development. The analysis focuses on common errors arising under the influence of the native language, such as the substitution of Russian sibilant sounds, difficulties with vowel reduction, errors in the articulation of soft consonants, and confusion between Russian and Armenian letters. The mechanisms underlying these errors and their connection to the phonetic and graphic systems of the Armenian language are examined.

Special attention is given to identifying effective strategies for minimizing interference. The study substantiates the necessity of applying contrastive linguistic analysis, phonetic training, the substitution method, and targeted exercises designed to enhance phonemic awareness and orthographic accuracy. The proposed methodological approaches undergo empirical evaluation, allowing for an assessment of their effectiveness.

The scientific novelty of the study lies in its comprehensive examination of the relationship between interference and substitution in bilingual language acquisition, as well as in the development of a methodology aimed at correcting interference-induced errors in Armenian students.

The findings of the study can be applied in the methodology of teaching Russian as a foreign language, in the educational practice of Armenian schools, and in the development of bilingual programs aimed at enhancing students' linguistic competence and literacy.

Keywords: interference, phonological substitution, graphic substitution, bilingualism, Armenian students, phonetic errors, Armenian language, Russian language, teaching methodology

Аннотация:

Статья посвящена изучению влияния фонетической и графической интерференции на процесс освоения русского языка армянскими билингвами, особенно на этапах обучения чтению и письму. Анализируются типичные ошибки, возникающие под воздействием родного языка: замена русских шипящих звуков, сложности с редукцией гласных, ошибки в передаче мягких согласных, а также путаница русских и армянских букв. Исследуются механизмы возникновения этих ошибок и их связь с особенностями фонетической и графической систем армянского языка.

Особое внимание уделяется поиску эффективных способов минимизации интерференции. В работе обосновывается необходимость применения контрастивного анализа языковых систем, фонетических тренировок, метода субституции, а также специальных упражнений, направленных на развитие фонематического слуха и орфографической зоркости. Представленные методические решения проходят эмпирическую проверку, результаты которой позволяют оценить их эффективность.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении взаимосвязи интерференции и субституции в процессе билингвального обучения, а также в обосновании методики, направленной на коррекцию интерференционных ошибок у армянских школьников.

Результаты исследования могут быть применены в методике преподавания русского языка как иностранного, в образовательной практике армянских школ, а также в разработке программ для билингвов с целью повышения их языковой компетенции и грамотности.

Ключевые слова: интерференция, фонологическая субституция, графическая субституция, билингвизм, армянские школьники, фонетические ошибки, армянский язык, русский язык, методика обучения

Введение

Изучение процессов билингвального освоения языков приобретает особую актуальность в условиях глобализации и увеличения количества полилингвальных образовательных сред. В этом контексте особое внимание уделяется влиянию интерференции родного языка на изучение второго языка, особенно в области фонетики и графики.

Актуальность темы исследования

Интерференция является одним из главных факторов, влияющих на процесс освоения русского языка армянскими билингвами. Ошибки в произношении и письме, обусловленные особенностями родного языка, затрудняют формирование устойчивых орфоэпических и орфографических норм. Исследование механизмов фонетической и графической интерференции, и разработка эффективных методов её минимизации актуальны для современной лингводидактики. Применение новых методик, таких как фонетико-графическая субституция, контрастивный анализ языковых систем и специализированные фонетические тренировки, может способствовать повышению уровня владения русским языком у армянских школьников.

Цель исследования

Выявить влияние интерференции на формирование фонологической и графической субституции у армянских школьников и определить способы её минимизации.

Задачи исследования:

- Охарактеризовать понятие интерференции и её виды.
- Выявить типичные фонетические и графические ошибки у армянских билингвов.
- Определить взаимосвязь между интерференцией и субституцией.
- Предложить методы коррекции фонетической и графической интерференции в процессе обучения.

Объект исследования

Процесс освоения русского алфавита армянскими школьниками.

Предмет исследования

Фонологическая и графическая интерференция как детерминирующий фактор формирования субституции у билингвов.

Гипотеза исследования

Если интерференция оказывает значительное влияние на фонологическую и графическую субституцию, то её осознание и целенаправленная коррекция позволят минимизировать ошибки в процессе освоения русского алфавита.

Методы исследования

- Сопоставительный анализ фонетических и графических систем русского и армянского языков.
- Экспериментальное изучение ошибок армянских школьников.
- Анализ письменных и устных работ обучающихся.
- Методы педагогического наблюдения и статистический анализ ошибок.

Научная новизна

Работа впервые рассматривает взаимосвязь интерференции и субституции в процессе освоения русского алфавита армянскими школьниками, предлагая комплексную методику минимизации интерференционных ошибок, а также использование метода субституции как инструмента обучения.

Теоретическая значимость

Исследование углубляет понимание механизмов фонетической и графической интерференции и расширяет теоретическую базу билингвальной лингводидактики.

Практическая значимость

Выводы и рекомендации, предложенные в работе, могут быть использованы в преподавании русского языка армянским школьникам, разработке учебных пособий и методических рекомендаций по коррекции интерференционных ошибок, а также для разработки программ и курсов повышения квалификации учителей.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И СУБСТИТУЦИИ

1.1. Определение и сущность метода фонетико-графической субституции

Метод фонетико-графической субституции представляет собой подход к обучению чтению, основанный на постепенной замене звуков и букв родного языка на звуки и буквы изучаемого языка в контексте знакомого текста. В рамках образовательного процесса учитель направляет учащихся на усвоение новых графических и фонетических единиц, опираясь на их существующие знания [7, с.3].

Термин "субституция" (от лат. substitutio – подстановка, замена) в данной методике обозначает замену как на уровне графики (буквы), так и на уровне фонетики (звуки). Этот процесс играет важную роль в освоении письменной и устной речи билингвами, помогая им адаптироваться к особенностям изучаемого языка [1,с.297].

В контексте **армяно-русского билингвизма** метод субституции проявляется **двояко**:

- **Осознанная субституция (педагогический инструмент):**

Как было описано ранее, метод субституции может использоваться как педагогический инструмент для обучения русскому алфавиту. Учитель осознанно заменяет армянские буквы на русские в знакомом ученикам тексте, помогая им установить связи между двумя алфавитами [7, с.10].

- **Неосознанная субституция (проявление интерференции):**

Однако, субституция проявляется и как неосознанный процесс, обусловленный интерференцией родного языка. Армянские школьники, особенно на начальном этапе обучения, интуитивно заменяют русские буквы на армянские аналоги, опираясь на визуальное сходство или фонетическое подобие.

Данное явление является естественным проявлением интерференции, когда графические и фонетические привычки родного языка переносятся на изучаемый язык.

Это приводит к ошибкам в чтении и письме, так как русские и армянские буквы, несмотря на внешнее сходство ($p \rightarrow p/n$; $ш/щ \rightarrow ш$; $n \rightarrow n/p$; $u \rightarrow u$; $Д - \acute{a}$; $y \rightarrow g$) могут обозначать разные звуки.

Например, ученики могут заменять русскую букву «и» на армянскую букву «и», так как они визуально похожи. Или заменять буквосочетание (глагольное окончание инфинитива) «ТЬ» на армянскую букву «Թ», так как они ориентируются на *слышимое*.

Таким образом, субституция проявляется не только как метод обучения, но и как естественный процесс, отражающий влияние интерференции на процесс освоения русского языка армянскими школьниками [7, с.6].

1.2. Виды интерференции и их влияние на билингвальное обучение

Согласно У. Вайнрайху, **интерференция** — это неизбежный спутник многоязычия, отмечая сложность одновременного следования множеству норм и возможность "вторжения" норм одной системы в другую [2, с. 9]. Интерференция проявляется в различных аспектах языкового усвоения, в частности, в фонетике и графике. Основные виды интерференции включают:

1.2.1. Фонетическая интерференция

Фонетическая интерференция — это отклонение от норм произношения изучаемого языка под влиянием фонетической системы родного языка. В билингвальной среде она проявляется как **искажение звуков и интонационных особенностей** второго языка. Иными словами, родной язык оказывает влияние на просодику речи билингва (табл.1). Примеры у армянских билингвов:

Отсутствие мягкости согласных в армянском языке, где нет противопоставления мягких и твердых согласных, может привести к *неосознанной замене* русских мягких согласных на твердые. Этот процесс можно рассматривать как *субституцию звуков*, когда привычная артикуляция родного языка «подменяет» артикуляцию изучаемого (например, *тигр* → *тьигр*) [5, с.16]. **Оглушение звонких согласных** на конце слова также связано с *неосознанной субституцией*, когда армянские билингвы, привыкшие к отсутствию звонких согласных в определенных позициях, автоматически заменяют их на глухие (например, «гриб» → [грип]).

Замена русских шипящих [ж], [ш], [щ] на армянские аналоги, например, «щука» → [ш' укь] → «счука» и «ложь» → [лош] → «лож», происходит из-за неосознанной *субституции артикуляционных укладов*. Армянские билингвы, привыкшие к определенным способам произношения шипящих, «подменяют» русские шипящие на близкие армянские звуки.

Нарушение редукции гласных заключается в неправильном произношении безударных «о» и «е», например, «молоко» → [молокó] вместо [м'ьлакó]. Это может быть результатом *неосознанной субституции гласных* звуков, когда армянские билингвы, привыкшие к определенной артикуляции гласных, «подменяют» русские

редуцированные гласные на более отчетливые армянские. Гласные армянского языка не становятся более краткими при артикуляции, в отличие от русских [6, с.2].

Фонетическая интерференция затрудняет понимание русской устной речи и приводит к проблемам с грамотностью, так как ошибки в произношении переходят в ошибки в письме. Учащиеся также испытывают трудности с восприятием иноязычной фонетики, поскольку слуховая база сформирована под влиянием армянского языка.

Особенности передачи йотированных гласных

Одним из специфических проявлений графической интерференции в армяно-русском билингвизме является затруднение при передаче русских йотированных гласных Юю, Яя, Ёё. В армянском алфавите присутствует только йотированная гласная «Ее», что создает прецедент для отдельного написания йотированных звуков.

• Графическое расщепление:

➤ На основе сопоставительного анализа фонетических систем учащиеся начальных классов, сталкиваясь с незнакомыми графемами Юю, Яя, Ёё, склонны к их графическому расщеплению, опираясь на уже знакомую модель «Ее». Это приводит к тому, что они записывают слова, содержащие йотированные гласные, в виде двух букв: «йубка», «йаблоко», «йолка», «Колйа».

Данное явление можно рассматривать как проявление неосознанной графической субституции, когда ученики, опираясь на привычную графическую модель армянского языка, «подменяют» русские

йотированные гласные на сочетание «й» и соответствующей гласной (рис.1).

Фонетическое влияние заключается в том, что при произнесении йотированных гласных действительно слышатся два звука: [й] и соответствующий гласный, что подкрепляется фонетическим восприятием. Однако в русской орфографии эти звуки передаются одной буквой, например, «люю» → «люу», «пять» → «пйать». **Графическое расщепление** вызывает орфографические ошибки, поскольку учащиеся переносят отдельное написание на письменную речь.

Типы фонетической интерференции, выявленные в ходе анализа русско-армянского билингвизма, полностью соответствуют классификации, предложенной С. И. Тресковой в её труде «Принципы и методы социолингвистических исследований» [9, С.171-182]. В частности, такие явления, как недодифференциация, свёрхдифференциация, фонетическая субституция и реинтерпретация, наблюдаемые в речи армянских билингвов, отражают общие закономерности фонетической интерференции, описанные С. И. Тресковой.

Табл.1 Сравнительная таблица согласных звуков армянского и русского языков

Признак	Армянский язык	Русский язык
Количество согласных фонем	30 согласных	36–45 согласных (в зависимости от классификации)
Наличие палатализации	Отсутствует различие по твердости-мягкости	Четкая оппозиция твердых и мягких согласных
Глухие и звонкие	Двоичная оппозиция только в группе щелевых	Парная оппозиция по звонкости-глухости во всех группах
Типы согласных	Смычные, щелевые, аффрикаты, сонорные	Смычные, щелевые, аффрикаты, сонорные, вбранты
Аффрикаты	6 аффрикат: /ts ^h , ts, dʒ, tʃ ^h , tʃ, dʒ/	2 аффрикаты: /ts, tʃ/

Придыхательные согласные	Есть глухие придыхательные: /p ^h , t ^h , k ^h , ts ^h , tʃ ^h /	Отсутствуют
Гортанные звуки	Есть /h/ и /ʁ/	Отсутствуют
Шипящие звуки	Мягче русских, апикально-дорсальная артикуляция	Твердость/мягкость различается
Губные звуки	/p, b, m, f, v/ совпадают с русскими	/p, b, m, f, v/
Переднеязычные звуки	Часть совпадает, но некоторые ближе к среднеязычным	Разделение на зубные и небные
Заднеязычные звуки	/k, g, x/ более передние, чем в русском	/k, g, x/
Сонорные согласные	/m, n, l, r, j/	/m, n, l, r, j/
Вибранты	/r/ без палатализации	/r/ с палатализованным вариантом [r']
Дистрибуция согласных	Возможны звонкие на конце слова	Обязательное оглушение звонких в конце слова
Сочетания согласных	Ограничены, произносятся с нейтральным гласным	Более свободное сочетание согласных
Влияние на билингвов	Возможна гиперкоррекция в русском	Возможна интерференция при заимствованиях в армянский

Сходства между русским и армянским языками включают наличие смычных, щелевых, аффрикат и сонорных согласных, совпадение губных и некоторых переднеязычных согласных, а также наличие звуков /p, b, m, t, d, n, k, g, f, v, s, z, r, j/, близких по артикуляции. **Различия** заключаются в том, что в русском языке есть оппозиция твердых и мягких согласных, чего нет в армянском; в армянском есть придыхательные согласные, а в русском — нет; армянский язык содержит больше аффрикат (6 против 2); в русском языке звонкие согласные в конце слова оглушаются, а в армянском — нет; в армянском языке есть гортанные согласные, которых нет в русском; армянская система сочетаний согласных более ограничена, в то время как в русском их больше [6, с.5], [10], [5].

1.2.2 Интонационная интерференция.

В русском языке интонация выражает эмоции и смысл, тогда как в армянском её модели отличаются, что может делать речь билингвов монотонной или с неправильными акцентами. Вопросительные предложения в русском имеют восходящую интонацию, а в армянском — более ровную, из-за чего вопросы билингвов могут звучать как утверждения. Также в армянском языке вопросительный знак ставится над ударной гласной ключевого слова, что влияет на восприятие интонации. В данном случае так же, происходит *неосознанная субституция интонационных моделей*. Такие реализации учащимися русских фонем, когда в результате отклонения от произносительных норм русского языка нарушается смысл сказанных слов, называют «звукосмысловыми» отклонениями [13, с.127-130].

Ритм: русская речь характеризуется разнообразием ритмических рисунков, в то время как армянская речь может быть более ритмически однообразной. Это может проявляться в том, что армянские билингвы говорят по-русски с более ровным и монотонным ритмом, не делая пауз и не выделяя ударные слоги. В данном случае происходит *неосознанная субституция ритмических моделей*.

Ударение: в русском языке ударение может падать на любой слог слова, а в армянском языке чаще всего — на последний [5, с.17]. Это приводит к тому, что армянские билингвы могут неправильно ставить ударение в русских словах, например:

«солнце» вместо «солнцЕ»). В данном случае происходит *неосознанная субституция акцентных моделей*.

1.2.3. Графическая и орфографическая интерференция

Графическая интерференция — это перенос правил письма родного языка на изучаемый язык. В армяно-русском билингвизме она проявляется **через подстановку визуально схожих, но фонетически неверных букв**. Примеры у армянских школьников:

Замена русских букв, не имеющих аналогов в армянском языке, проявляется, например, в замене «ы» на «и» (например, «мышь» → «миш_») и «е» на «э» (например, «лето» → «лэто», и наоборот, «это» → «ето»). Анализ письменных работ и сопоставительный анализ графических систем показывают, что армянские школьники часто заменяют русскую «ы» на «и» (миш_ вместо мышь).

Путаница похожих букв проявляется в том, что ученики часто путают визуально схожие буквы в русском и армянском алфавитах, что приводит к появлению *армянских букв-аналогов* в русских словах. Например, слово «ишак» может быть написано как «ишак» или «ишиц», где армянская буква «и» (с) заменяет русскую «и». Это явление усугубляется тем, что после замены буквы ученики пытаются адаптировать оставшуюся часть слова под новую графическую модель, что ведет к дальнейшим искажениям. Такое явление демонстрирует, как неосознанная субституция может вызвать *цепную реакцию ошибок*. Это происходит неосознанно, так как ученики переносят привычную им графическую модель на русский язык. Это «*визуальная субституция*» или «*графическая субституция по визуальному сходству*».

Непонимание функций мягкого и твёрдого знака проявляется в замене этих знаков, например, в словах «вьюга» → «виуга» и «подъезд» → «подиезд_подйезд_подезд». Анализ письменных работ показывают, что отсутствие мягкого и твёрдого знаков в армянском языке приводит к *неосознанной замене* этих знаков в русских словах.

Ошибки в флексиях, такие как неправильное написание **окончаний** прилагательных и местоимений с буквосочетаниями «ый-ий», «ые-ие», «ая-яя», «ое-ее» и т.д., возникают из-за отсутствия такой вариативности окончаний в армянском языке. Ученики испытывают трудности в выборе правильного варианта, что приводит к ошибкам, например: «красивый → красиви, красивый», «красивая → красивайа», «красивее → красивээ, красивэйэ», «синяя → синаа, синайа» и т.д. Это связано с *неосознанной заменой* окончаний из-за различий в грамматике.

Трудности с йотацией возникают из-за отсутствия в армянском языке аналогов для смягчения согласных перед гласными. Ученики, ориентируясь на слышимое, заменяют сочетание «ть» в инфинитивах на армянский звук, близкий к «ц-д» или «дз-д», что приводит к написанию «читад», «читац». Также замена «Д» на «ДЗ» в словах, таких как «дятел», «дядя», приводит к написанию «дзийатэл», «айатэл» и множеству других вариаций, так как ученики пытаются записать то, что они слышат. Это также является примером *неосознанной субституции*.

Орфографическая интерференция — это ошибки в правописании, связанные с переносом графических и фонетических правил родного языка на изучаемый язык. Примеры у армянских школьников:

Неосознанная субституция и орфографические ошибки проявляются в нескольких аспектах: неправильное написание безударных гласных, например, «вода → вада», «корова → карова», что связано с переносом правил произношения армянских гласных на русский; ошибки в обозначении звонкости-глухости, такие как «дуб → дуп», «гриб → грип», вызванные трудностями различения звонких и глухих согласных в конце слова; ошибки в приставках, например, «рассказать → разсказат»,

из-за переноса грамматических правил армянского языка, где приставки не изменяются перед звонкими/глухими согласными.

Орфографические ошибки, вызванные графической субституцией, возникают из-за путаницы визуально схожих букв армянского и русского алфавитов. Например, замена русской «и» на армянскую «ու» в слове «ишак» (с написанием «**ишак**») демонстрирует *неосознанную графическую субституцию*. Ученики, опираясь на *визуальное сходство* букв, переносят армянские буквы в русские слова, что приводит к ошибкам, так как слова пишутся по аналогии с армянским алфавитом, а не по правилам русского языка.

Влияние на обучение проявляется в следующих аспектах: проблемы с правильным чтением русских слов, ошибки в письме, которые затрудняют развитие орфографической зоркости, сниженная скорость чтения из-за трудностей в расшифровке русских буквенных сочетаний и проблемы с написанием диктантов и изложений, поскольку учащиеся автоматически применяют армянские орфографические правила.

В современной лингводидактике выделяют конструктивную (положительную) и деструктивную (отрицательную) интерференцию. Конструктивная интерференция, как отмечает А. С. Журина, способствует переносу знаний с одного языка на другой, используя схожие явления в грамматике, лексике и фонетике. Однако в русско-армянском билингвизме мы не обнаружили значительных примеров конструктивной интерференции из-за *значительных* различий в фонетических и графических системах языков. Поэтому основное внимание уделяется преодолению деструктивной интерференции с помощью контрастивного анализа и метода субституции, направленных на исправление ошибок, вызванных влиянием родного языка [4, с.44].

1.3 Иллюстрация ошибок с помощью субституции

Замена букв, йотированные гласные и инфинитивы — все эти ошибки возникают из-за неосознанной субституции, когда армянские буквы «подменяют» русские. Например:

- **Замена букв:** «мышь» (рус.) → «իշիշ» (арм.) → «мишш» (субституция), «лето» (рус.) → «լէտո» (арм.) → «лэто» (субституция). Это помогает ученикам увидеть, как армянские буквы замещают русские, приводя к ошибкам.

- **Йотированные гласные:** «юбка» (рус.) → «յուբկա» (арм.) → «йубка» (субституция), «яблоко» (рус.) → «յաբլոկո» (арм.) → «йяблоко» (субституция). Учащиеся часто расщепляют йотированные гласные, что создает ошибки в написании.

- **Инфинитивы:** *читать* (рус) → *լիրդիլ* (арм) → читад (субституция). Ученики, перенимая армянскую букву «Ծ», ошибочно заменяют русское глагольное окончание инфинита-ТЬ.

Для измерения степени интерференции в речи армянских билингвов можно использовать понятие «**интерферема**», предложенное Р.И. Хашимовым. Интерферема — это минимальная единица, отражающая отклонение от норм русского языка. Слабая степень интерференции проявляется в простых интерферемах, часто встречающихся у более опытных говорящих, например, замена звука [ы] армянским [ը], русского [р] армянским [ր] мягким, или [ը] *вибрирующим*, твёрдым (*вибрант*). Сильная степень характерна для начальной стадии обучения и включает разноуровневые, синкретические и множественные интерферемы, например, ошибку, которая сочетает фонетическую, лексическую и грамматическую ошибки (см. таблицу2). Классификация интерферем помогает диагностировать ошибки и выбирать методы коррекции [12, с.86-92].

Таблица 2. Соотношение степени интерференции и видов интерферем.

Степень интерференции \ Вид интерферемы	Слабая	Умеренная	Сильная
Простая	+	+	-
Сложная	-	+	-
Синкретическая	-	-	+
Разноуровневая	-	-	+
Множественная	-	-	+

2.

МЕТОДЫ МИНИМИЗАЦИИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ

2.1. Алгоритм минимизации интерференции в обучении. Фонетические методики.

Для эффективного преодоления фонетической интерференции у армянских школьников необходимо использовать комплексный подход, включающий следующие методики:

I. Диагностика фонетических проблем

Цель: выявить основные затруднения у учеников.

Первичная проверка

- **Чтение пар слов с противопоставлением мягких и твёрдых согласных:**

Пример: Ученики читают пары слов: «угол – уголь», «пыл – пыль», «нос – нёс», выделяя различия в произношении.

- **Анализ ошибок в произношении** (например, замена мягких согласных на твёрдые).
- **Упражнения на различение ударных и безударных гласных в словах.**

Например, вода – воды, молоко – молочный [3, с.31].

- **Использование минимальных пар слов в контексте предложений:** *Пример:* «В лесу живет лиса» vs «Лиса живет в лесу» – ученики определяют смысловую разницу и произносят правильно.

Выявление фонетической интерференции

- Сравнение артикуляционных баз русского и армянского языков.
- Определение индивидуальных проблем (редукция гласных, интонация, ударение). **Использование транскрипции для наглядного представления редукции гласных.** *Пример:* для следующих слов «вода», «огонь», «окно» представлены транскрипции [вада], [агон’], [акно], что помогает визуально зафиксировать изменение гласных [3, с.28].

II. Этап исправления

Цель: формирование правильных артикуляционных навыков.

Развитие артикуляционного аппарата

- **Артикуляционные упражнения, направленные на развитие подвижности языка и корректного произношения мягких согласных:** *Пример:* Упражнение «качели» – язык поднимается к верхним альвеолам и опускается к нижним, имитируя движения качелей. Это упражнение помогает развить подвижность языка, необходимую для правильного произношения мягких согласных.

- **Произношение слов с осознанным выделением твёрдых и мягких согласных звуков:**

Пример: Учитель произносит слово «мель», а ученики хором повторяют, подчёркивая мягкость согласного [л’]. Затем учитель произносит слово «мел», а ученики повторяют, подчёркивая твёрдость согласного [л] [11, с.9].

Развитие слуховой дифференциации

- **Аудирование слов с редуцированными гласными и их последующее воспроизведение.** *Пример:* Ученикам даётся список слов: «молоко», «вода», «золото», «серебро». Они слушают аудиозапись с правильным произношением и повторяют вслух.

- **Использование упражнений, направленных на развитие фонематического слуха:**

Пример: Ученики слушают ряд звуков (например, [ж], [ш], [ф]) и определяют, какой звук «лишний». Также можно использовать игру «Найди звук в слове», когда ученики определяют позицию заданного звука в слове (начало, середина, конец).

- **«Найди пару».** Игры на слуховое различение слов, отличающихся одной фонемой:

Пример: Ученики слушают пары слов («балка → палка», «крыса → крыша») и должны определить, чем они различаются. Также можно использовать карточки с картинками, чтобы визуальным образом подкрепить звуковые различия.

Произносительные упражнения

- Чтение с осознанным выделением мягких и твёрдых согласных. **Использование скороговорок и чистоговорок, содержащих противопоставление мягких и твёрдых согласных:** *Пример:* «Марина Мальвину кормила малиной», «Клади в угол уголь» – ученики повторяют и акцентируют внимание на правильном произношении.

- **Использование ритмических стихотворений и скороговорок для закрепления навыка правильного произношения редуцированных гласных.** *Пример:* «Коси коса, пока роса», «Сорок сорок – сорок морок» – учащиеся повторяют текст с правильной артикуляцией.

- **Использование диктантов, включающих слова с фонетическими трудностями:**

Пример: Учитель зачитывает слова «подъезд», «вьюга», «объявление», «приезжаю» ученики записывают их, обращая внимание на правильное использование твёрдого и мягкого знаков, а также буквосочетания «жж» или «жжж», которые произносятся как двойное мягкое [жжж].

III. Этап автоматизации

Цель: доведение навыка до бессознательного владения.

Игровые методики

- **Игры на различение слов с мягкими и твёрдыми согласными:** *Пример:* «Цепочка слов» – первый ученик называет слово с твёрдым согласным, следующий – слово с мягким согласным, и т.д. Например: «кот → кит, лось → лён» [11, с.8].

- **Использование карточек со словами, в которых нужно определить ударный и безударный слоги.** *Пример:* Ученики получают карточки со словами «река», «озеро», «школа», «очки» и ставят ударение в каждом слове [8].

- **Интерактивные упражнения в приложениях (например, вставка гласных в слова).** **Игры на запоминание последовательности слов или фраз:** *Пример:* В игре «Снежный ком» первый ученик произносит слово, второй повторяет его и добавляет своё, и так далее. Например: «кот → кот, дом → кот, дом → лес».

Работа с текстами и аудированием

- **Повторение услышанных фраз и предложений с акцентом на сложные для билингвов звуки:** *Пример:* Учитель читает предложение «В чаще леса живут ежи», ученики повторяют, делая акцент на звуках [щ] и [ж]. Можно использовать шёпотное проговаривание для концентрации на сложном звуке [8].

- **Аудирование и повторение предложений с правильной интонацией.** **Работа с текстами, содержащими большое количество слов с редуцированными гласными.** *Пример:* В лесу росла сосна. Под сосной сидела лиса.

Ритмические техники

- Чтение стихотворений с чёткими фонетическими паттернами. **Использование песен и стихов с чёткой артикуляцией ударных гласных и редуцированием безударных.** *Пример:* Песня «В лесу родилась ёлочка» помогает закрепить различие в произношении гласных в разных позициях.

IV. Контроль и коррекция

Цель: оценить прогресс, скорректировать ошибки.

Фонетические диктанты

- Чтение слов, предложений, аудиофрагментов с самопроверкой.
- **Использование упражнений на различение интонационных моделей:** *Пример:* Учитель читает предложение «Он уехал» с разной интонацией (удивление, сожаление, радость), ученики определяют эмоциональную окраску предложения [3, с.104].
- **Диалоги и ролевые игры:** Контроль за интонацией и произношением в разговорной речи.
- **Индивидуальная коррекция:** Дополнительные упражнения для учеников с выраженными трудностями.

Для преодоления фонетической интерференции можно использовать **метод контрастного анализа**, который помогает выявить различия и сходства в фонетических системах армянского и русского языков. Также эффективен **метод имитации**, заключающийся в повторении слов и фраз за диктором для улучшения произношения. Важным инструментом являются технические средства, такие как **аудио- и видеозаписи**, а также **компьютерные программы**, которые способствуют правильному отработке произношения и улучшению слухового восприятия.

2.2. Графические методики. Алгоритм развития графических навыков.

I. Диагностика графических проблем

Цель: выявление проблем в написании и распознавании русских букв.

Определение проблемных букв

- **Анализ ошибок в написании.** Сравнение русских и армянских букв, вызывающих путаницу.
- **Тестирование навыков чтения и письма:** Использование интерактивных тетрадей с возможностью аудиосопровождения для правильного произношения букв. *Пример:* На странице тетради изображены русская буква «И» и армянская буква «Ս». При нажатии на изображение русской буквы воспроизводится звук [и], а при нажатии на армянскую — звук [с]. Ученик слушает звуки и сравнивает их, наблюдает за артикуляцией на видео.

Выявление интерференции

- Определение ошибок, вызванных влиянием армянского алфавита.
- Анализ графических особенностей и сходства букв.

II. Этап исправления

Цель: формирование правильных графических навыков.

Обучение различению букв: Использование заданий на раскрашивание и выделение различий между буквами. *Пример:* На странице тетради изображены русские буквы «З» и «Р», а также армянские буквы «Յ» и «Բ». Ученику предлагается раскрасить одинаковые элементы букв одним цветом, а различающиеся — другим.

Упражнения на написание

- Пропись проблемных букв. **Включение упражнений на написание слов, содержащих буквы, которые часто путают.** *Пример:* Упражнение «**Вставь пропущенную букву**»: даны слова «м_шь», «л_д», «_оле», «ко_ка», «м_р» в которых пропущены буквы «ы», «ё», «п», «ш», «и». Ученик должен вставить правильные буквы, выбирая из предложенных вариантов (и, э, о, а) [11, с.6].

Пространственные упражнения

- Написание букв в воздухе. *Пример:* Учитель показывает, как писать русскую букву «Д» в воздухе, и просит учеников повторить. Затем ученики разбиваются на пары и по очереди пишут буквы на спине друг друга.

- **Включение упражнений на транслитерацию слов с армянского на русский и наоборот.** *Пример:* В таблице даны армянские слова, записанные русскими буквами (транслитерация). Ученик должен написать эти слова на русском языке, используя таблицу для нахождения соответствий. Например, армянское слово «գիրք» (*гирк*) транслитерировано как «гирк». Ученик должен написать «книга». И наоборот.

III. Этап автоматизации

Цель: закрепление правильного написания букв и слов.

Игровые методики

- **Игры на составление слов из магнитных букв или кубиков.** *Пример:* Ученикам даются магнитные буквы, и они должны составить русские слова, используя только русские буквы, или составлять слова из кубиков, на гранях которых изображены русские буквы.

- Добавить игру «Снежный ком» с буквами. *Пример:* Первый ученик называет русскую букву, второй повторяет ее и добавляет свою, и так далее. Например: «Д», «до», «дом».

Интерактивные упражнения

- Использование карточек с буквами для составления слов по таблице. *Пример:* На большой таблице изображены русские и армянские буквы в соответствующих ячейках. Ученику даются карточки с русскими буквами, и он должен составить слово, находя соответствующие буквы в таблице и выкладывая карточки в правильном порядке. Например, слово «дом».

- **Использование интерактивных таблиц с возможностью прослушивания звуков, соответствующих буквам.** *Пример:* На интерактивной доске отображается таблица с русскими и армянскими буквами. При нажатии на ячейку с буквой воспроизводится соответствующий звук. Ученик может прослушать звуки и сравнить их, а также повторить их вслух.

Кроссворды и ребусы

Включение кроссвордов и ребусов, содержащих слова с фонетическими и графическими трудностями. *Пример:* Кроссворд с буквами «ы» и «и» или ребус, зашифрованный с помощью картинок. *Пример:* Кроссворд, в котором нужно разгадать слова, содержащие буквы «ы» и «и», например: «м_шь», «р_ба», «кн_га». Или ребус, в котором зашифровано слово «подъезд» с использованием картинок и символов.

IV. Контроль и коррекция

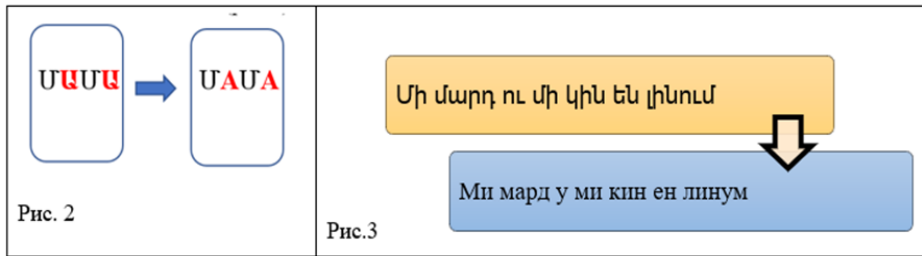
Цель: оценка прогресса и устранение ошибок.

Графические диктанты включают написание букв и слов по диктовке, что позволяет ученикам закрепить правильное написание и выявить проблемы в графике. Важным элементом является самопроверка, когда ученики анализируют свои ошибки с учителем, что способствует осознанию и исправлению неточностей. Дополнительные занятия направлены на коррекцию индивидуальных проблем, помогая каждому ученику преодолеть трудности и улучшить навыки письма. Регулярный мониторинг успеваемости и коррекция методики способствуют эффективной проверке и закреплению навыков. Использование технических средств, таких как компьютерные программы, интерактивные доски и проекторы, способствует улучшению образовательного процесса.

2.3 Использование субституции как инструмента обучения. Статистический анализ ошибок

Метод посимвольной замены букв (субституция) заключается в изготовлении карточек с армянскими словами и их «субституированными» русскими вариантами. Ученикам предлагается сравнить эти варианты и выявить ошибки (рис.2).

Также эффективна **работа со знакомыми текстами**: используя короткие

армянские тексты, дети могут заменить армянские буквы на русские, а затем сравнить результат с правильным русским текстом, что позволяет наглядно увидеть влияние субституции на орфографию (рис.3). Дополнительно можно использовать **игры и упражнения**, например, создать игру «**Найди ошибку**», где детям показывают слово с ошибкой, возникшей в результате субституции, и предлагают найти и исправить ее.

Важно подчеркнуть, что метод субституции не является универсальным и имеет ограничения. Объяснить, что не все армянские буквы имеют прямые аналоги в русском алфавите, и что фонетические различия могут приводить к ошибкам.

Статистический анализ ошибок в процессе освоения русского алфавита учениками 2-4 классов армянских школ, доказывающий эффективность метода субституции.

Цель исследования: Оценка влияния метода субституции на снижение количества ошибок при освоении русского алфавита армянскими школьниками.

Методология исследования включает 30 учеников 2-4 классов армянских школ, изучающих русский как иностранный язык, в течение 3 месяцев.

Методы исследования включают предварительный тест на знание русского алфавита, который проводится до применения метода субституции, затем обучение с использованием этого метода, заключающееся в замене армянских букв на русские в знакомых текстах. После применения метода проводится финальный тест на знание русского алфавита, а результаты анализируются с помощью статистического метода, что позволяет сравнить количество ошибок до и после применения субституции и оценить эффективность данного подхода.

Результаты:

Тип ошибки	Среднее количество ошибок до применения метода	Среднее количество ошибок после применения метода	Статистическая значимость (p-value)
Замена букв	7,5	2,1	< 0,001
Йотированные гласные	4,2	1,3	< 0,001
Окончания инфинитивов	3,8	0,9	< 0,001
Всего	15,5	4,3	< 0,001

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что интерференция родного языка оказывает значительное влияние на освоение русского языка армянскими билингвами, особенно в аспектах фонетики и графики. *Фонологическая и графическая субституция*

являются основными проявлениями *интерференции*, приводящими к устойчивым ошибкам в чтении, письме и устной речи.

Основные выводы исследования:

1. **Фонетическая интерференция** выражается в подмене русских звуков армянскими аналогами, что затрудняет формирование правильного произношения. Наиболее распространённые ошибки связаны с заменой мягких согласных на твёрдые, оглушением звонких согласных и неправильной редукцией гласных.
2. **Графическая интерференция** проявляется в замене русских букв визуально схожими армянскими символами, расщеплении йотированных гласных и неверном употреблении мягкого и твёрдого знаков.
3. **Методы минимизации интерференции**, основанные на контрастивном анализе языков, фонетических тренировках и использовании метода субституции, позволяют значительно снизить количество ошибок и улучшить восприятие русской речи армянскими школьниками.

Практическая значимость работы заключается в разработке комплекса методик, направленных на коррекцию интерференционных ошибок, что подтверждается статистическим анализом, демонстрирующим эффективность метода субституции. Результаты анализа показывают значительное снижение среднего количества ошибок у учеников 2-4 классов по всем категориям. Статистически значимое снижение общего количества ошибок подтверждает гипотезу исследования о том, что осознанная и целенаправленная коррекция интерференции минимизирует ошибки в процессе обучения, что делает данные рекомендации полезными для преподавателей, методистов и специалистов в области билингвального образования. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение роли конструктивной интерференции, разработку адаптированных учебных пособий и изучение долгосрочного влияния метода субституции.

References:

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. - M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. – 448 s.
2. Vaynraykh U. *Odnoznachiye i mnogozychiye // Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Т. 3. М., 1999.—352 s.
3. Grigoryeva, E. M. *Proiznosheniye, udarenie, intonatsiya v russkom yazyke: uchebnoye posobiye / E. M. Grigoryeva, Yu. V. Kovalev, L. A. Safaraliev*. – Moskva: RUDN, 2014. – 234 s.
4. Zhurlina A. S. *Ispol'zovaniye konstruktivnoy i preodoleniye destruktivnoy interferentsii pri izuchenii vtorogo inostrannogo yazyka // Yaroslavskiy ped.vestnik*. – 2015. – № 4. – S. 42–45.
5. Markosyan, A. S. (2004). *Uchebnik-samouchitel' armyanskogo yazyka [Armenian language selfstudy textbook]*. Ballas
6. Matveyeva, E. V., & Kiselev, V. V. (2012). *Kontrastivnyy analiz consonantizma russkogo i armyanskogo yazykov (po literaturnym istochnikam)*. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki, (58), 62-66.
7. Ohanyan K. M. *Effektivnost' metodiki fonetiko-graficheskoy substiutsii v protsesse osvoyeniya alfavita v nachal'nykh klassakh RKI* *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, vol. 9, no. 2, 2024.— pp. 38-53.

8. Prakticheskiye uprazhneniya po fonetike russkogo yazyka: [Elektronnyy resurs]. URL: <https://is.muni.cz/do/ped/kat/KRus/fonetika/index.html>. (Data obratyeniya: 28.02.2025)
9. Printsipy i metody sotsiolingvisticheskikh issledovaniy: kollektivnaya monografiya / S. I. Tresskova i dr. M.: Nauka, 1989. 200 s.
10. Sovremennyy russkiy yazyk: Uchebnik / pod red. N.S. Valginoĭ. – Izd. 6-e, perer. i dop. – M.: Logos, 2002.—528 s.
11. Foneticheskiye uprazhneniya po russkomu yazyku: Metodicheskiye ukazaniya dlya studentov-inostrantsev. / Sost. T.A. Snegurova. – Kh.: NTU "KPI", 2013. – 36 s.
12. Khashimov R. I. Interferentsiya i yeye edinitsy / R. I. Khashimov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. - 2003. - № 4. - S. 86-92.
13. Shchyerba L. V. Yazykovaya sistema i recheskaya deyatelnost': sbornik rabot / pod red. L. R. Zinder, M. I. Matusevich. M.: URSS, 2004. 432 s.

Information about Author:

Ohanyan Koryun M. (Yerevan, Armenia) is a first-year PhD student (doctoral candidate), a Russian language and literature teacher at Primary School No. 1 in the Republic of Armenia, Aragatsotn Region, V. Bazmaberd, and at the Secondary School named after H. Hovhannisyan in the Aragatsotn Region, N. Sasnashen. ORCID 0009-0005-2352-0302 Contact email: ohanyankoryun3@gmail.com.

Acknowledgment:

The author of this paper extends deep appreciation to Professor Minasyan Svetlana Michaelovna, PhD in Pedagogy, Chair of Foreign Languages Department at the Ijevan Branch of Yerevan State University. Her valuable insights and support significantly contributed to the conduct of this research. The author is grateful for her professional expertise, which has greatly enhanced the quality of this study.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-40-60

УДК (UDC) 81-11 81'44

*Mitsushi Kitajo,
Kyoto Sangyo University,
Kyoto, Japan
Мицусу Кумадзэ,
Киото Сангё Университет,
Киото, Япония*

*For citation: Kitajo Mitsushi, (2025).
The Combination of Verbs and Infinitives in Russian
Literary Works from the end of the 18th to the end of the 20th century.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 40-60 (in USA)*

Manuscript received 19/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

THE COMBINATION OF VERBS AND INFINITIVES IN RUSSIAN LITERARY WORKS FROM THE END OF THE 18-th TO THE END OF THE 20-th CENTURY

СОЧЕТАНИЕ ГЛАГОЛОВ И ИНФИНИТИВОВ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XVIII - КОНЦА XX ВЕКА

Abstract:

Previous studies of the strength of the combination of verbs and infinitives in Russian are conducted only in semantic relations, without relying on criterion that is based on form. This paper clarified the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives when they are used as compound predicate, by looking at the frequency with which a word (words) appears (appear) between verbs and infinitives in 46 literary works from the end of the 18th to the 20th century. We analyzed 8098 verb-infinitive combinations. The analysis revealed that the strength of verb-infinitive combinations is in the following hierarchy:

phase verbs > verbs combining abstract lexical meanings with a clearly expressed evaluative connotation > verbs with the meaning of attempt to implement, verbs with the meaning of thought and desire, verbs with the meaning of possibility and ability.

(‘>’ means ‘connects with infinitives more strongly than’)

And this hierarchy then reflects the restrictive and expansive relationships between verbs and infinitives in the distribution of their usage.

Keywords: "verb + infinitive", compound predicate, inserting a word (words) into "verb + infinitive", the hierarchy of the strength of the combination, polarity, aspect

Аннотация:

Предыдущие исследования силы сочетания глагола и инфинитива в русском языке проводились только в семантических отношениях, без опоры на критерий,

основанный на форме. В настоящей статье была выяснена иерархия силы сочетания глагола и инфинитива при их использовании в качестве составных глагольных сказуемых путем рассмотрения частоты, с которой слово (слова) появляется (появляются) между глаголами и инфинитивами в 46 литературных произведениях с конца XVIII по XX век. Мы проанализировали 8098 сочетаний глагола и инфинитива. Результаты нашего анализа показывают, что сила связи между основным глаголом и инфинитивом находится в следующей иерархии:

фазовые глаголы > глаголы, сочетающие в себе абстрактные лексические значения с ярко выраженным оценочным оттенком > глаголы со значением попытки осуществить, глаголы со значением мысли и желания, глаголы со значением возможности и умения.

(«>» означает «связывается с инфинитивом сильнее, чем»)

И эта иерархия затем отражает ограничительные и расширительные отношения между глаголами и инфинитивами в распределении их использования.

Ключевые слова: «глагол + инфинитив», составное глагольное сказуемое, вставка слова (слов) в «глагол + инфинитив», иерархия силы сочетания, полярность глагола, вид инфинитива

1. Introduction

The verb-infinitive combinations (hereafter abbreviated as "verb + infinitive") refers to adjunction, in which the dependent word (i.e., infinitive) is unchangeable, isolated from the case system due to its part-of-speech affiliation, and the dependence on the main word (i.e., verb) is expressed semantically. "verb + infinitive" constitutes compound predicates as shown below (The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.):

(1) Simoj **prodolzhal stojat'**. (*Voskresenie*, L.N. Tolstoj)

Simoj continued stand-INF.

[Simoj continued to stand.]

(2) Ja **staralsja voobrazit'** sebe kapitana. (*Kapitanskaja dochka*, A. S.

Pushkin)

I tried imagine-INF myself captain

[I tried to imagine the captain.]

(3) Ej **pridetsja terpet'**. (*Aptekar'*, V. V. Orlov)

her must endure-INF

[She will have to endure.]

(4) Ja bol'she ne **khochu zhit'**. (*Khozhdenie po mukam*, A.N.Tolstoj)

I anymore not want live-INF

[I don't want to live anymore.]

(5) My ne **mogli vspominat'** vslux. (*Zavtra byla vojna*, B. L. Vasil'ev)

we not could remember-INF out loud

[We couldn't remember out loud.]

2. Previous studies

Previous studies of the strength of the combination of verbs and infinitives in Russian are conducted only in semantic relations, without relying on a specific formal criterion and were done based on a lexical analysis of the first component (the verb) of the predicate – the conjugated form of the verb. Let's look at some previous studies.

N. Ju. Shvedova (1970,1980) divides "verb + infinitive" into complement relationships and object relationships based on the semantic relationship between verbs and infinitives.

According to Shvedova, a) phase verbs (*nachat'* (start), *prodolzhat'* (continue), *perestat'* (stop), etc.), b) verbs with the meaning of predisposition, attempt to implement (*starat'sja* (try), *smet'* (dare), *sobirat'sja* (get ready), etc.), c) verbs combining abstract lexical meanings with a clearly expressed evaluative connotation (*prijtis'* (must), *izvolit'* (deign), *sledovat'* (should), etc.) with infinitives form complementary relationship; d) verbs with the meaning of thought, intellectual state, perception, desire (*khotet'* (want), *zhelat'* (wish), *ljubit'* (love), etc.) e) verbs with the meaning of possibility and ability (*umet'* (can), *moch'* (can), *uspet'* (succeed), etc.) with infinitives form object relationship. And Shvedova writes that when verbs and infinitives form complementary relationships and object relationships, they are strongly linked. However, she makes no mention of differences in the strength of the combination of verbs and infinitives across groups of verbs.

A.A. Bojko (1982) statistically investigates the frequency of use of perfective and imperfective infinitives, which are added to verbs according to their semantic differences. However, she does not discuss the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives.

R. D. Van Valin Jr. and W. A. Foley (1984), including "verb + infinitive" in the transformation into the serial form of the verb (verb serialization), define its syntactic bondedness hierarchy and intercausal semantic relations hierarchy. But they do not pay attention to the relationship between the degree of strength of the combination of verbs and infinitives and the distribution of "verb + infinitive" usage.

B.O Kambarova (2009) enumerates the differences in usage between Russian and Kyrgyz by dividing the verbs forming "verb + infinitive" according to their lexical meaning but does not discuss the differences in strength of the combination of verbs and infinitives due to differences in their lexical meaning.

M. A. Kholodilova (2015) writes about the auxiliary features of Russian verbs (*moch'* (can) and *khotet'* (want)) in the compound verb predicate but does not consider the hierarchy of strength of the combination of verbs and the infinitives.

V.V. Shigurov (2020) mentions the modal function of "verb + infinitive" (*khotelos' by znat'*) (I would like to know) used as parenthesis but says nothing about the hierarchy of strength of the combination of verbs and infinitives.

Z. G. Gebekov (2022) refers to the transitivity of the verbs in "verb + infinitive" but does not clarify the hierarchy of strength of the combination of verbs and infinitives.

As described above, it cannot be said that sufficient study has been done on the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives.

3. Purpose of the article

Our aim is to elucidate, using criterion that is based on form rather than on meaning, that tangibly represent the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives when they are used as compound predicate. We examine the strength of the combination of verbs and infinitives by the frequency with which a word (words) enters (enter) between the verb and the infinitive in "verb + infinitive". This criterion was proposed by M. Kitajo (2015) to clarify the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives in "verb + infinitive" used in all A.P. Chekhov's works. In this paper, we use this criterion to apply it to the works of other writers and elucidate the universality of the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives.

Let us briefly explain what it means to insert a word between a verb and an infinitive.

In examples (6) and (7) there is no intervening word between verbs (*khotel' / nachala*) and infinitives (*prodolzhit' / rasskazyvat'*) that make up compound predicates. (The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.):

(6) Mark Aleksandrovich **khotel prodolzhit'** доклад. (*Deti Arbat*, A. Rybakov)

Mark Alexandrovich wanted continue-INF report

[Mark Alexandrovich wanted to continue the report.]

- (7) Dar'ja Mikhajlovna **nachala rasskazyvat'** o kakoj-to neobyknovennoj sobake ee druga.
 Dar'ja Mikhajlovna began talk-INF about some extrsordinary dog her friend
 (Rudin, I. S. Turgenev)
 [Dar'ja Mikhajlovna began to talk about some extraordinary dog of her friend.]

But in example (8) and (9) there is an insertion of the word (dal'she / emu) between verbs (khotel / nachala) and infinitives (prodolzhat'/rasskazyvat').

- (8) Ivan Petrovich **khotel dal'she prodolzhat'**. (*Chtenie*, A.P. Chekhov)
 Ivan Petrovich wanted further continue-INF
 [Ivan Petrovich **wanted to continue** further.]

- (9) Dar'ja Mikhajlovna **nachala emu rasskazyvat'** o sebe. (*Rudin*, I. S. Turgenev)
 Dar'ja Mikhajlovna began him tell-INF about herself
 [Daria Mikhailovna began to tell him about herself.]

In relation to the frequency of word(s) between a verb and an infinitive, we consider the following: the more frequently a word (words) is (are) placed between the verb and the infinitive, the weaker the combination between the verb and the infinitive, and the less frequently a word (words) is (are) placed between a verb and an infinitive, the stronger the combination between the verb and the infinitive.

4. Material

We selected 46 literary works written in Russian from the late 18th century to the late 20th century. We then analyzed these works by dividing them into four periods: the late 18th century to the mid-19th century (Table 1), the second half of the 19th century (Table 2), the first half of the 20th century (Table 3), and the second half of the 20th century (Table 4). The rightmost capital letter in each Table indicates the abbreviation of the name of the work.

Table 1. 12 works from the late 18th century to the mid-19th century

[POD] <i>Pochta dukhov (Spirit Mail) (I. A. Krylov, 1789)</i>
[PPM] <i>Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu (Travel from St. Petersburg to Moscow), A. N. Radishchev, 1790)</i>
[CPD] <i>Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomyslenijakh (A sincere confession of my deeds and thoughts) (D. I. Fonvizin, 1791)</i>
[BEL] <i>Bednaja Liza (Poor Lisa) (N. M. Karamzin, 1792)</i>
[MPN] <i>Marfa-posadnitsa, ili pokorenie Novagoroda (Marfa the Mayor, or the Conquest of Novgorod) (N. M. Karamzin, 1803)</i>
[PFM] <i>Pis'ma iz Frantsii k odnomu vel'mozhe v Moskvu (Letters from France to a nobleman in Moscow) (D. I. Fonvizin, 1806)</i>
[PID] <i>Pikovaja dama (The queen of spades) (A. S. Pushkin, 1834)</i>
[NOS] <i>Nos (nose) (N. V. Gogol', 1836)</i>
[KAD] <i>Kapitanskaja dochka (The Captain's Daughter) (A. S. Pushkin, 1836)</i>
[GNV] <i>Geroj nashego vremeni (Hero of Our Time) (M. Yu. Lermontov, 1840)</i>
[MED] <i>Mertvyje dushi (vol. 1) (Dead Souls) (N. V. Gogol', 1842)</i>
[KTV] <i>Kto vinovat? (Who is guilty?) (A. I. Gertsen, 1846)</i>

Table 2. 12 works from the second half of the 19th century

[DET] <i>Detstvo (Childhood) (L.N. Tolstoj, 1852)</i>
[RUD] <i>Rudin (Rudin) (I. S. Turgenev, 1856)</i>

[SEK]	<i>Semejnaja khronika (Family Chronicle) (S. T. Aksakov, 1856)</i>
[OBL]	<i>Oblomov (part 1) (Oblomov) (I. A. Goncharov, 1859)</i>
[OBO]	<i>Obojdennye (circumvent) (N. S. Leskov, 1865)</i>
[PIN]	<i>Prestuplenie i nakazanie (part.1-2) (Crime and punishmen) (F.M. Dostoevskij, 1866)</i>
[OBY]	<i>Obryv (The cliff) (I.A. Goncharov, 1869)</i>
[GOG]	<i>Gospoda Golovlevy (Gentlemen Golovlevs) (M. E. Saltykov-Shchedrin, 1880)</i>
[CEM]	<i>Chernyj monakh (The black monk) (A.P. Chekhov, 1894)</i>
[ZAI]	<i>Za ikonoj (Behind the icon) (V. G. Korolenko, 1895)</i>
[VOS]	<i>Voskresenie (Resurrection) (L.N. Tolstoj, 1899)</i>
[DAS]	<i>Dama s sobachkoj (The lady with the little dog) (A.P. Chekhov, 1899)</i>

Table 3. 11 works from the first half of the 20th century

[SKR]	<i>Shtabs-kapitan Rybnikov (Staff Captain Rybnikov) (A. I. Kuprin, 1905)</i>
[MAT]	<i>Mat' (part 1) (Mother) (M. Gor'kij, 1906)</i>
[KPM]	<i>Khozhdenie po mukam (book 1)(The Road to calvary) (A.N.Tolstoj, 1920)</i>
[MY]	<i>My(We) (E. I. Zamjatin, 1924)</i>
[ZHP]	<i>Zheleznyj potok (Iron Stream) (A. Serafimovich, 1924)</i>
[TSE]	<i>Tsement (Cement) (F. V. Gladkov, 1925)</i>
[MIM]	<i>Master i Margarita (The Master and Margarita) (M.A. Bulgakov, 1928)</i>
[CHE]	<i>Chelovek-amfibija (Amphibian Man) (A. Beljaev. 1928)</i>
[POT]	<i>Podnjataja tselina (vol. 1) (Virgin Soil Upturned) (M.A.Sholokhov, 1932)</i>
[KLS]	<i>Kladovaja solntsa (Pantry of the Sun) (M.M. Prishvina, 1945)</i>
[PER]	<i>Pervye radosti (Early Joys) (K.A. Fedin, 1945)</i>

Table 4. 11 works from the second half of the 20th century

[DOZ]	<i>Doktor Zhivago (book 1) (Doctor Zhivago) (B. Pasternak, 1957)</i>
[DIN]	<i>Dinka (Dinka) (V. A. Oseeva, 1959)</i>
[TIP]	<i>Teni ischezajut v polden' (Shadows disappear at midday) (A. S. Ivanov, 1963)</i>
[LJU]	<i>Ljubaviny (Lubavin's) (V. Shukshin, 1965)</i>
[PAS]	<i>Paslednij srok (Deadline)(V.G. Rasputin, 1970)</i>
[RAK]	<i>Rakovyj korpus (book 1) (Cancer ward) (A.I. Solzhenitsyn, 1966)</i>
[DEA]	<i>Deti Arbata (part 1) (Children of the Arbat) (A.N. Rybakov, 1984)</i>
[ZBV]	<i>Zavtra byla vojna (Tomorrow was war) (B. L. Vasil'ev, 1984)</i>
[APT]	<i>Aptekar' (Pharmacist) (V. V. Orlov, 1988)</i>
[SLP]	<i>Shest'sot let posle binvy (Six hundred years after the battle) (A.A. Prokhanov, 1990)</i>
[UKS]	<i>Ukradennyj son (Stolen Sleep) (A. Marinina, 1994)</i>

5. Analysis of materials

5-1. The rate of word insertion into "verb + infinitive" according to the lexical meanings of the verb

Rather than randomly selecting and analyzing "verb + infinitive" from among the 46 works, we selected and analyzed "verb + infinitive" that were used uniformly throughout the 46 works. This is because the frequency of use of some verbs can change drastically over a period of around 200 years, making it difficult to perform a uniform statistical analysis of these. We divided verbs consisting of "verb + infinitive," which have been used relatively stable as compound predicates in literary works over the past 200 years, into five lexical-semantic groups (ABCDE), and extracted three frequently used verbs from each group.

A) phase verbs

nachat' (start), *prodolzhat'* (continue), *perestat'* (stop)

B) verbs with the meaning of attempt to implement

starat'sja (try), *smet'* (dare), *sobirat'sja* (get ready)

C) verbs combining abstract lexical meanings with a clearly expressed evaluative connotation

prijtis' (must), *izvolit'* (deign), *sledovat'* (should)

(There is no auxiliary verb in Russian: *prijtis'*, *izvolit'* and *sledovat'* are all verbs.)

D) verbs with the meaning of thought and desire

khotet' (want), *zhelat'* (wish), *ljubit'* (love)

E) verbs with the meaning of possibility and ability

umet' (can), *moch'* (can), *uspjet'* (succeed)

We look at the frequency of use of "verb + infinitive" and the frequency of a word (words) being inserted between verbs and infinitives in four periods from the late 18th century to the late 20th century for each lexical group of verbs.

Our tables 5 through 24 have the following structure:

The letters in the top row of the table indicate the titles of literary works, and the leftmost vertical column indicates the verbs that form "verb + infinitive". The numerator of the figure indicates the number of examples in which a word (words) is (are) inserted between the verb and the infinitive in "verb + infinitive" and the denominator indicates the total number of examples of "verb + infinitive". The fraction indicates the degree to which a word (words) is (are) inserted between the verb and the infinitive.

A) phase verbs

nachat' (start), *prodolzhat'* (continue), *perestat'* (stop)

Let us explain the numbers written on each table. For example, 5/16 written next to *nachat'* on the left side of Table 5 indicates that "*nachat'* + infinitive" is used 16 times in the work POD, and a word (words) is (are) inserted into "*nachat'* + infinitive" 5 times. And the number 165 on the right side of the row for *nachat'* represents the total number of times "*nachat'* + infinitive" is used in the 12 works, and the number 33 represents the total number of times a word (words) is (are) inserted into "*nachat'* + infinitive". The other fractions are like this and indicate the number of times that each work uses the verbs and the number of times that a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive".

Table 5. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>nachat'</i>	5/16	4/20	2/11	0/1	2/3	0/1	0/2	1/6	3/11	4/30	6/24	6/40	33/165
<i>prodolzhat'</i>	1/4	0	0	0	0	0	0	0/1	0	0/2	1/4	0/2	2/13
<i>perestat'</i>	2/3	0/6	0/1	0	0	0	1/4	0	1/1	0/1	0/3	1/4	5/23
Total	8/23	4/26	2/12	0/1	2/3	0/1	1/6	1/7	4/12	4/33	7/31	7/46	40/201

Table 6. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>nachat'</i>	2/14	4/22	8/27	4/22	8/42	8/38	4/22	2/6	0/1	0/4	6/26	1/2	47/226
<i>prodolzhat'</i>	2/15	0/3	2/17	0/7	3/13	5/17	0/2	5/17	0/2	0/2	5/16	0/2	22/113
<i>perestat'</i>	1/12	1/6	0/9	0/3	4/14	5/13	0/8	1/5	0/2	0	3/25	0/2	15/99
Total	5/41	5/31	10/53	4/32	15/69	18/68	4/32	8/28	0/5	0/6	14/67	1/6	84/438

Table 7. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>nachat'</i>	0/1	6/33	2/36	0/1	1/3	0	2/17	14/83	4/11	0/3	3/20	32/208
<i>prodolzhat'</i>	0/1	1/2	3/17	0/1	0/2	0/3	0/1	6/31	1/1	0	2/8	13/67

<i>perestat'</i>	0/1	0/4	3/11	0/5	0/4	0/2	1/9	2/15	0/1	0/6	0/7	6/65
Total	0/3	7/39	8/64	0/7	1/9	0/5	3/27	22/129	5/13	0/9	5/35	51/340

Table 8. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>nachat'</i>	1/11	5/13	8/35	2/26	2/9	4/14	2/3	3/17	1/11	0/8	6/19	34/166
<i>prodolzhat'</i>	3/20	0	0/4	1/8	0/5	1/6	0/6	1/8	0	0/8	3/5	9/70
<i>perestat'</i>	2/16	0/5	2/14	0/8	0/1	2/5	0/2	2/9	1/6	0/4	2/9	11/79
Total	6/47	5/18	10/53	3/42	2/15	7/25	2/11	6/34	2/17	0/20	11/33	54/315

Here are some examples of "phase verb + infinitive" with a word (words) inserted (The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.):

(10) Ona **nachala** vse smlee **naskakivat'** na oratorov. (DOZ)

she started more boldly attack-INF to speakers

[She began to attack the speakers more and more boldly.]

(11) Posle etogo on **prodolzhal** s ulybkoj **privetstvovat'** Meshkova na ulitse. (PER)

after this he continued with smile greet-INF Mashkov on street

[After that he continued to greet Meshkov on the street with a smile.]

(12) Ja totchas zhe **perestaju** tebjja sestroj **schitat'**. (PIN)

I immediately stop you sister consider-INF

[I immediately stop considering you as a sister.]

Looking at the total number of verbs written on the right side of each table, the number of uses of "*prodolzhat'* + infinitive" (13 times (Table 5)) and "*perestat'* + infinitive" (23 times (Table 5)) is low in works from the late 18th century to the mid-19th century, but in other periods they are used relatively frequently ("*prodolzhat'* + infinitive": 113 times (Table 6), 67 times (Table 7), 70 times (Table 8); "*perestat'* + infinitive": 99 times (Table 6), 65 times (Table 7), 79 times (Table 8)). On the other hand, "*nachat'* + infinitive" is consistently used frequently (165 times (Table 5), 226 times (Table 6), 208 times (Table 7), 166 times (Table 8)) in works from the late 18th century to the late 20th century.

The numbers in the bottom right of each table indicate the total number of verbs used. The frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" of this group of verbs in works from four periods is as follows:

In works from the late 18th century to the mid-19th century (Table 5), the verbs (*nachat'*, *prodolzhat'*, *perestat'*) are used a total of 201 times. A word (words) is (are) inserted into the verb-infinitive combination 40 times. So, the insertion rate of a word (words) in this case is 19.9%. Similarly, when the insertion rate of a word (words) in "verb + infinitive" was calculated for other periods, the results are as follows:

19.2% (84/438) in works from the second half of the 19th century (Table 6),

15.0% (51/340) in works from the first half of the 20th century (Table 7),

17.1% (54/315) in works from the second half of the 20th century (Table 8).

The frequency (15.0%) of inserting a word (words) into "verb + infinitive" in works from the first half of the 20th century is lower than in other periods (19.9%, 19.2%, 17.1%).

Summing up these figures, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs belonging to Group A in works from the late 18th century to the late 20th century is 17.7% (229 (= 40+84+51+54)/1294 (= 201+438+340+315)).

Next, let us look at the frequency with which a word (words) are inserted into "verb + infinitive" formed by verbs with the meaning of attempt to implement.

B) verbs with the meaning of attempt to implement

starat'sja (try), *smet'* (dare), *sobirat'sja* (get ready)

First, let's explain each table in the same way as we explain the verbs. For example, 11/26 written next to *starat'sja* on the left side of Table 9 indicates that "*starat'sja* + infinitive" is used 26 times in the work POD, and a word (words) is (are) inserted into "*starat'sja* + infinitive" 11 times. And the number 80 on the right side of the row for *starat'sja* represents the total number of times "*starat'sja* + infinitive" is used in the 12 works, and the number 28 represents the total number of times a word (words) is (are) inserted into "*starat'sja* + infinitive". The other fractions are like this and indicate the number of times that each work uses verbs and the number of times that a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive".

Table 9. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>starat'sja</i>	11/26	2/7	0/3	0/4	0/1	3/4	0	0	3/12	2/6	7/14	0/3	28/80
<i>smet'</i>	1/5	5/5	1/2	1/2	0/1	0/1	1/1	0	3/13	2/7	0	8/21	22/58
<i>sobirat'sja</i>	0	0	0	0	1/1	0	0	0	1/2	0/1	1/3	2/4	5/11
Total	12/31	7/12	1/5	1/6	1/3	3/5	1/1	0	7/27	4/14	8/17	10/28	55/149

Table 10. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>starat'sja</i>	3/25	3/14	9/20	2/10	10/30	13/17	3/9	7/21	0/3	0/1	3/11	0	53/161
<i>smet'</i>	1/3	1/3	5/17	1/1	3/9	7/16	1/2	2/4	0	0	0/2	0	21/57
<i>sobirat'sja</i>	0/1	1/4	0/3	0/2	1/5	1/5	1/2	2/4	0	0	0/3	0	6/29
Total	4/29	5/21	14/40	3/13	14/44	21/38	5/13	11/29	0/3	0/1	3/16	0	80/247

Table 11. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>starat'sja</i>	1/1	9/22	0/8	0/1	2/8	0/4	3/6	5/22	0	2/6	5/15	27/93
<i>smet'</i>	1/1	0/1	1/4	0/3	0/2	0/1	0	2/5	0	0	1/2	5/19
<i>sobirat'sja</i>	0/1	2/3	0/2	0	0/1	0	0/6	3/15	0/4	1/1	1/2	7/35
Total	2/3	11/26	1/14	0/4	2/11	0/5	3/12	10/42	0/4	3/7	7/19	39/147

Table 12. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>starat'sja</i>	0/11	4/10	3/10	4/8	6/15	8/15	1/3	2/6	1/4	2/10	0/7	31/99
<i>smet'</i>	1/1	1/2	0	0	1/1	1/2	0	0/5	0	0/2	1/2	5/15
<i>sobirat'sja</i>	2/12	4/5	1/7	0/3	4/11	1/4	1/3	1/5	5/8	1/3	2/8	22/69
Total	3/24	9/17	4/17	4/11	11/27	10/21	2/6	3/16	6/12	3/15	3/17	58/183

Here are some examples of "verb + infinitive" with the insertion of a word (words). The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.

(13) Zemnye zhiteli i **staralis'** menja **bespokoit'**. (POD)

earthly inhabitants and tried me disturb-INF

[The earthly inhabitants tried to disturb me.]

(14) Nikto ne **smel** blizko **podkhodit'** k nim. (SEK)

nobody not dared close approach-INF to them

[No one dared to come close to them.]

(15) Sal'vator ne **sobiralsja** etogo **delat'**. (CHE)

Sal'vator not get ready this do-INF

[Sal'vator had no intention of doing this.]

The total number of verbs is written on the right-hand side of each table. "*sobirat'sja* + infinitive" is used infrequently (11 times (Table 9)) in works from the end of the 18th century to the mid-19th century, but its frequency of use increases in works after that (29 times (Table 10), 35 times (Table 11), 69 times (Table 12)). On the other hand, "*smet'* + infinitive" remains 58 times (Table 9) and 57 times (Table 10) in frequency from the end of the 18th century to the end of the 19th century, but its frequency of use decreases dramatically from the beginning of the 20th century to the end of the 20th century (19 times (Table 11), 15 times (Table 12)). Unlike *sobirat'sja* and *smet'*, "*starat'sja* + infinitive" is consistently used frequently (80 times (Table 9), 161 times (Table 10), 93 times (Table 11), 99 times (Table 12)) in works from the late 18th century to the late 20th century.

Calculating the insertion rate of a word (words) in "verb + infinitive" formed by this group of verbs in the same way as for aspectual verbs, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" of this group of verbs in works from four periods is as follows:

- 36.9 % (55/149) in works from the late 18th century to the mid-19th century (Table 9),
- 32.4% (80/247) in works from the second half of the 19th century (Table 10),
- 26.5% (39/147) in works from the first half of the 20th century (Table 11),
- 31.7% (58/183) in works from the second half of the 20th century (Table 12).

Comparing the frequency of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" in works from the four time periods, the frequency of insertion (26.5%) is lower in works from the first half of the 20th century than in the others (36.9 %, 32.4%, 31.7%).

Summing up these figures, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs belonging to Group B in works from the late 18th century to the late 20th century is 32.0% (232 (=55+80+39+58)/726(=149+247+147+183)).

Next, let us look at the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs in Group C.

C) verbs combining abstract lexical meanings with a clearly expressed evaluative connotation

prijtis' (must), *izvolit'* (deign), *sledovat'* (should)

The way to read the table is the same as explained above. For example, 0/11 written next to *izvolit'* on the left side of Table 13 indicates that "*izvolit'* + infinitive" is used 11 times in the work POD, and a word (words) is (are) not inserted into "*izvolit'* + infinitive". And the number 66 on the right side of the row for *izvolit'* represents the total number of times '*izvolit'* + infinitive' is used in the 12 works, and the number 11 represents the total number of times a word (words) is (are) inserted into "*izvolit'* + infinitive". The other fractions are like this and indicate the number of times that each work uses verbs and the number of times that a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive".

Table 13. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>prijtis'</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0/2	0/5	2/7	0/1	2/15
<i>izvolit'</i>	0/11	0/3	2/2	0	0	0/4	1/1	0/3	6/21	0/2	1/7	1/12	11/66
<i>sledovat'</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1/4	0/2	1/6
Total	0/11	0/3	2/2	0	0	0/4	1/1	0/3	6/23	0/7	4/18	1/15	14/87

Table 14. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>prijtis'</i>	1/1	1/2	2/3	1/1	0/3	2/7	0/1	2/11	0/1	0	0/1	0	9/31
<i>izvolit'</i>	0/6	0/4	2/5	2/4	0	7/35	0/1	0/1	0	0	0/1	0	11/57
<i>sledovat'</i>	0/1	2/4	2/5	0/3	2/5	2/6	1/1	3/9	0	0	0/3	0	12/37
Total	1/8	3/10	6/13	3/8	2/8	11/48	1/3	5/21	0/1	0	0/5	0	32/125

Table 15. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>prijtis'</i>	0	0/1	1/5	1/9	0	0/1	4/9	11/43	0	0/2	0/1	17/71
<i>izvolit'</i>	0/1	0	1/1	0/1	0	0	0/1	0/2	0	0	0/1	1/7
<i>sledovat'</i>	0/1	0	0	0/1	0	0	0/4	1/4	0	0	1/1	2/11
Total	0/2	0/1	2/6	1/11	0	0/1	4/14	12/49	0	0/2	1/3	20/89

Table 16. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>prijtis'</i>	3/12	1/4	5/7	2/4	7/19	1/8	0/1	1/6	4/12	0	4/12	28/85
<i>izvolit'</i>	0/1	0	0/1	0	0	0	0	0	0	0	0	0/2
<i>sledovat'</i>	0/1	0	0	0/1	0/4	0	1/5	1/4	0/1	0/3	0/2	2/21
Total	3/14	1/4	5/8	2/5	7/23	1/8	1/6	2/10	4/13	0/3	4/14	30/108

Here are some examples of "verb + infinitive" with the insertion of a word (words). The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.

(16) **Pridetsja** Mikhailu **davat'** ej eshch odnu telegrammu. (PAS)

must Mikhail give-INF her more one telegram

[Mikhail will have to give her another telegram.]

(17) Ot kogo, batjushka, ty **izvolil** eto **slyshat'** ? (KAD)

from whom father you deigned this hear-INF

[From whom, father, did you hear this?]

(18) Tebe **sleduet** tak vechno **stranstvovat'**. (RUD)

You should like forever wander-INF

[You should wander like this forever.]

Looking at the total number of verbs written on the right side of each table, overall, the number of uses of "verb + infinitive" for this group of verbs is not very high.

The number of uses of "*prijtis'* + infinitive" is low (15 times (Table 13)) in works from the late 18th century to the mid-19th century, but since the mid-19th century has been increasing (31 times (Table 14), 71 times (Table 15), 85 times (Table 16)) since the mid-19th century. In contrast to *prijtis'*, *izvolit'* retains some frequency (66 times (Table 13), 57 times (Table 14)) in works from the late 18th century to the end of the 19th century, but its use has declined sharply (7 times (Table 15), 2 times (Table 16)) in works from the 20th century onwards. And the number of uses of "*sledovat'* + infinitive" is generally low (6 times (Table 13), 37 times (Table 14), 11 times (Table 15), 21 times (Table 16)) in works from the late 18th century to the late 20th century.

Calculating the rate of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" formed by verbs in Group A and Group B using the same method, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" of this group of verbs in works from four periods is as follows:

16.1 % (14/87) in works from the late 18th century to the mid-19th century (Table 13),

25.6% (32/125) in works from the second half of the 19th century (Table 14),

22.5% (20/89) in works from the first half of the 20th century (Table 15),

27.8% (30/108) in works from the second half of the 20th century (Table 16).

Comparing the frequency of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" in works from the four time periods, the frequency of insertion (16.1%) is lower in works from the late 18th century to the mid-19th century than in the others (25.6 %, 22.5%, 27.8%).

Summing up these figures, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs belonging to Group C in works from the late 18th century to the late 20th century is 23.5.0% (96 (=14+32+20+30)/409 (=87+125+89+108)).

Next, let's look at the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs in Group D.

D) verbs with the meaning of thought and desire

khotet' (want), *zhelat'* (wish), *ljubit'* (love)

The way to read the table is the same as explained above. For example, 31/65 written next to *khotet'* on the left side of Table 17 indicates that "*khotet'* + infinitive" is used 65 times in the work POD, and a word (words) is (are) inserted into "*khotet'* + infinitive" 31 times. And the number 379 on the right side of the row for *khotet'* represents the total number of times "*khotet'* + infinitive" is used in the 12 works, and the number 150 represents the total number of times a word (words) is (are) inserted into "*khotet'* + infinitive". The other fractions are like this and indicate the number of times that each work uses verbs and the number of times that a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive".

Table 17. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>khotet'</i>	31/65	13/32	1/6	7/11	2/31	1/7	3/6	3/9	24/39	18/61	24/66	23/46	150/379
<i>zhelat'</i>	9/31	7/21	3/4	0	4/8	0/1	1/3	1/4	1/3	3/7	5/16	2/10	36/108
<i>ljubit'</i>	0/6	0	0	0/1	0/1	0/1	0	2/3	1/2	2/8	3/15	2/9	10/46
Total	40/102	20/53	4/10	7/12	6/40	1/9	4/9	6/16	26/44	23/76	32/97	27/65	196/533

Table 18. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>khotet'</i>	6/22	15/35	21/44	5/27	34/118	40/72	15/60	29/74	1/3	0	6/22	0	172/477
<i>zhelat'</i>	5/14	7/23	2/12	0/1	1/6	12/20	1/1	7/12	0/2	0	8/32	0	43/123
<i>ljubit'</i>	2/4	0/6	1/2	1/5	2/7	2/14	5/13	9/20	0/1	0	0	0/1	22/73
Total	13/40	22/64	24/58	6/33	37/131	54/106	21/74	45/106	1/6	0	14/54	0/1	237/673

Table 19. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>khotet'</i>	0/7	6/26	12/36	9/26	1/9	3/9	2/11	26/123	12/23	0/2	11/53	82/325
<i>zhelat'</i>	0	1/10	2/6	0/1	0/1	1/2	0/3	1/16	0	0/1	1/5	6/45
<i>ljubit'</i>	0	0/1	0/1	0	0	0	0	3/8	0/1	0	1/6	4/17
Total	0/7	7/37	14/43	9/27	1/10	4/11	2/14	30/147	12/24	0/3	3/64	92/387

Table 20. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>khotet'</i>	2/48	15/54	15/35	13/53	16/35	23/44	11/31	7/42	14/29	7/27	8/26	131/424
<i>zhelat'</i>	1/7	3/5	1/1	0/1	0	1/2	2/4	0/4	1/10	0/14	0/1	9/49
<i>ljubit'</i>	0/4	6/13	0/2	2/4	4/8	2/10	1/4	3/14	3/3	0/1	4/9	25/72
Total	3/59	24/72	16/38	15/58	20/43	26/56	14/39	10/60	18/42	7/42	12/36	165/545

Here are some examples of "verb + infinitive" with the insertion of a word (words). The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.

(19) Ja **khotel** uze **postavit'** tochku. (MY)

I wanted already put-INF dot

[I wanted to put an end to this already.]

(20) Ne **zhelaju** chasti tela vsem **pokazyvat'** (DOZ)

not wish parts body everyone show-INF

[I don't want to show my body parts to everyone.]

(21) On **ljubil** dazhe **provodit'** vremja s rebjatihkami (OBL)

he loved even spend-INF time with kids
 [He even loved spending time with the kids.]

In terms of the total number of verbs listed on the right side of each table, "zhelat' + infinitive" maintained a certain degree of frequency of use (108 times (Table 17), 123 times (Table 18)) in works from the end of the 18th century to the end of the 19th century, but its frequency of use has become extremely low (45 times (Table 19), 49 times (Table 20)) in works from the 20th century onwards. And, compared to works from other time periods (46 times (Table 17), 73 times (Table 18), 72 times (Table 20)), the frequency of use of "ljubit' + infinitive" is very low (17 times) in works from the first half of the 20th century (Table 19). On the other hand, "khotet' + infinitive" is used with high frequency (379 times (Table 17), 477 times (Table 18), 325 times (Table 19), 424 times (Table 20)) in works from the late 18th century to the late 20th century.

Calculating the rate of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" formed by verbs in groups A, B, C using the same method, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" of this group of verbs in works from four periods is as follows:

- 36.8 % (196/533) in works from the late 18th century to the mid-19th century (Table 17),
- 35.2% (237/673) in works from the second half of the 19th century (Table 18),
- 23.8% (92/387) in works from the first half of the 20th century (Table 19),
- 30.3% (165/545) in works from the second half of the 20th century (Table 20).

Comparing the frequency of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" in works from the four time periods, the frequency of insertion is lower (23.8%) in works from the first half of the 20th century than in the others (36.8 %, 35.2%, 30.3%).

Summing up these figures, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs belonging to Group D in works from the late 18th century to the late 20th century is 32.3.% (690 (=196+237+92+165)/2138 (=533+673+387+545)).

Next, let's look at the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs in Group E.

E) verbs with the meaning of possibility and ability

umet' (can), *moch'* (can), *uspet'* (succeed)

The way to read the table is the same as explained above. For example, 6/24 written next to *umet'* on the left side of Table 21 indicates that "*umet'* + infinitive" is used 24 times in the work POD, and a word (words) is (are) inserted into "*umet'* + infinitive" 6 times. And the number 120 on the right side of the row for *umet'* represents the total number of times "*umet'* + infinitive" is used in the 12 works, and the number 36 represents the total number of times a word (words) is (are) inserted into "*umet'* + infinitive". The other fractions are like this and indicate the number of times that each work uses verbs and the number of times that a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive".

Table 21. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>umet'</i>	6/24	3/20	2/2	1/3	0/5	1/1	0/1	1/1	2/3	3/10	7/19	10/31	36/120
<i>moch'</i>	23/123	39/100	11/28	8/25	11/4 2	14/27	6/23	7/25	10/26	13/38	36/126	48/99	226/682
<i>uspet'</i>	0	0/5	0	0/1	0	0	1/3	0/1	6/15	4/6	7/19	5/11	23/61
Total	29/147	42/125	13/30	9/29	11/4 7	15/28	7/27	8/27	18/44	20/54	50/164	63/141	285/863

Table 22. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>umet'</i>	3/7	5/14	11/30	5/8	7/37	4/9	2/7	1/5	0	0	0/2	0	38/119
<i>moch'</i>	15/58	42/104	49/134	15/40	68/174	79/208	12/31	66/145	1/6	2/12	22/67	1/6	372/985

<i>uspel'</i>	1/3	3/11	8/21	3/12	3/6	18/46	4/13	10/23	0	2/10	4/8	0	56/153
Total	19/68	50/129	68/185	23/60	78/217	101/263	18/51	77/173	1/6	4/22	26/77	1/6	466/1257

Table 23. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>umet'</i>	0/2	2/7	1/4	0/1	0/1	2/7	0/2	2/17	0	0	1/1	8/42
<i>moch'</i>	3/9	9/34	27/60	24/65	1/14	17/51	13/29	54/258	10/21	7/18	18/61	183/620
<i>uspel'</i>	2/3	1/5	0	2/3	1/4	3/5	2/10	4/18	4/14	0	0/7	19/69
Total	5/14	12/46	28/64	26/69	2/19	22/63	15/41	60/293	14/35	7/18	19/69	210/731

Table 24. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>umet'</i>	0/3	3/10	0/1	4/9	4/7	4/9	1/7	3/11	1/1	3/5	2/7	25/70
<i>moch'</i>	25/91	23/60	8/21	16/44	0	37/95	14/40	0	12/52	9/24	26/68	170/495
<i>uspel'</i>	1/20	3/7	3/13	6/15	5/20	3/10	0/4	1/12	0	0/5	3/9	25/115
Total	26/114	29/77	11/35	26/68	9/27	44/114	15/51	4/23	13/53	12/34	31/84	220/680

Here are some examples of "verb + infinitive" with the insertion of a word (words). The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.

(22) On **umel** lovko **vertet'** na turnike «solntse». (ZBV)

he could skillfully spin-INF on horizontal bar sun

[He could skillfully spin the "sun" on the horizontal bar.]

(23) Ja ne **mogu** s toboj **razgovarivat'**. (LJU)

I not can with you talk-INF

[I can't talk to you.]

(24) Eshche smekh ne **uspel** sovershenno **sbezhat'** s litsa. (MED)

yet laughter not succeeded completely left from face

[The laughter had not yet completely left his face.]

As the total number of verbs written on the right side of each table indicates, "*umet'* + infinitive" is used frequently in works from the late 18th century to the late 19th century (120 times (Table 21), 119 times (Table 22)), but its frequency of use has decreased in works from the 20th century onwards (42 times (Table 23), 25 times (Table 24)). Meanwhile, "*moch'* + infinitive" is used consistently and very frequently in all works (682 times (Table 21), 985 times (Table 22), 620 times (Table 23), 495 times (Table 24)). And although the frequency of use of "*uspel'* + infinitive" varies depending on the year, it remains relatively stable and frequently used in all works (61 times (Table 21), 153 times (Table 22), 69 times (Table 23), 115 times (Table 24)).

Calculating the rate of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" formed by verbs in groups A, B, C, D using the same method, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" of this group of verbs in works from four periods is as follows:

33.0 % (285/863) in works from the late 18th century to the mid-19th century (Table 21),

37.1% (466/1257) in works from the second half of the 19th century (Table 22),

28.7% (210/731) in works from the first half of the 20th century (Table 23),

32.4% (220/680) in works from the second half of the 20th century (Table 24).

Comparing the frequency of insertion of a word (words) into "verb + infinitive" in works from the four time periods, the frequency of insertion is lower (28.7%) in works from the early 20th century to the mid-20th century than in the others (33.0 %, 37.1%, 32.4%).

Summing up these figures, the frequency with which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" formed by verbs belonging to Group E in works from the late 18th century to the late 20th century is 33.4.% (1181 (=285+466+210+220)/3531 (=863+1257+731+680)).

Table 25 summarizes the percentage of words inserted into "verb + infinitive" for the above five lexical semantic groups. The leftmost vertical column of this table represents the five verb groups. The numbers in the horizontal columns indicate the rate at which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" for each group used in works from the four periods. The rightmost vertical column of the table indicates the total rate at which a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive" for each group.

Table 25. The insertion rate in works from the late 18th century to the late 20th century

	Late 18th century -mid-19th century	the second half of the 19th century	the first half of the 20th century	the second half of the 20th century	Total
A	19.9% (40/201)	19.2% (84/438)	15.0% (51/340)	17.1% (54/315)	17.7% (229/1294)
B	36.9% (55/149)	32.4% (80/247)	26.5% (39/147)	31.7% (58/183)	32.0% (232/726)
C	16.1% (14/87)	25.6% (32/125)	22.5% (20/89)	27.8% (30/108)	23.5% (96/409)
D	36.8% (196/533)	35.2% (237/673)	23.8% (92/387)	30.3% (165/545)	32.3% (690/2138)
E	33.0% (285/863)	37.1% (466/1257)	28.7% (210/731)	32.4% (220/680)	33.4% (1181/3531)

$$\chi^2=6.09064. v=16. p<0.995$$

A: phase verbs

B: verbs with the meaning of attempt to implement

C: verbs combining abstract lexical meanings with a clearly expressed evaluative connotation

D: verbs with the meaning of thought and desire

E: verbs with the meaning of possibility and ability

The following can be noted from this table:

When comparing the rate of word insertion into "verb + infinitive", the five groups can be divided into three. First, groups B, D, and E have very close insertion rates (32.0% (B), 32.3% (D), 33.4% (E)), so they are combined into a single group. And regarding the rate of word insertion into "verb + infinitive," there is a large difference between groups B, D, E and two groups (Group A (17.7%) and Group C (23.5%)), so we distinguish between groups B, D, E and groups A and B. The remaining Group A (17.7%) and Group C (23.5%) have a difference in their insertion rates, so they are distinguished separately.

Based on these three classifications, the rate of word insertion into "verb + infinitive" is as follows: the rate of word insertion into "verb + infinitive" is highest in (B, D, E), followed by C, and then A, the lowest. Expressed mathematically, this is (B, D, E) > C > A. ('>' means that the rate of word insertion into "verb + infinitive" is higher than)

As already mentioned, the frequency of word insertion into "verb + infinitive" is considered as follows: the more frequently a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive", the weaker the connection between the verb and the infinitive; conversely, the less frequently a word (words) is (are) inserted into "verb + infinitive", the stronger the connection between the verb and the infinitive.

Based on our criteria, the strength of the strength of the combination of the verb and the infinitive can be expressed mathematically as A > C > (B, D, E). ('>' means 'connects with the infinitive more strongly than')

N. Ju. Shvedova (1970,1980) states that groups A, B, and C form complementary relations with infinitives, Group D and Group E form object relations with infinitives, and verbs and infinitives that form complementary and object relations can be called strong combinations. However, she discusses the strength of the combination only in terms of the semantic relationship between verbs and infinitives and does not present criterion that is based on form. Because of this, Shvedova is unable to prove that the 'strong combination' she refers to has different degrees of strength. Our proposed criteria reveal that the connections between the five verb groups and infinitives are not all in one category but have three levels.

What factors are related to the difference in the strength of the combination between verbs and infinitives depending on the verb? Next, let us consider this question from the perspective of polarity in the verb and aspect in the infinitive.

5-2. The rate of word insertion into "verb + infinitive" according to the perspective of polarity and aspect

As clarified in the previous chapter, verb groups can be divided into three groups based on the strength of the combination between verbs and infinitives: 1) Group A, 2) Group C, and 3) groups B, D, E. From each of these groups, we extract "verb + infinitive" that is most used and is used uniformly in works from the late 18th century to the late 20th century and examine the distribution of its use from polarity in the verb and aspect in the infinitive.

Let's start by looking at Group A, which has the lowest rate of word insertion into "verb + infinitive" (i.e., the strongest combination between the verb and the infinitive). As shown in Tables 5, 6, 7, and 8, *nachat'* (*start*) is the most used verb in Group A.

Table 5. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>nachat'</i>	5/16	4/20	2/11	0/1	2/3	0/1	0/2	1/6	3/11	4/30	6/24	6/40	33/165

Table 6. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>nachat'</i>	2/14	4/22	8/27	4/22	8/42	8/38	4/22	2/6	0/1	0/4	6/26	1/2	47/226

Table 7. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>nachat'</i>	0/1	6/33	2/36	0/1	1/3	0	2/17	14/83	4/11	0/3	3/20	32/208

Table 8. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>nachat'</i>	1/11	5/13	8/35	2/26	2/9	4/14	2/3	3/17	1/11	0/8	6/19	34/166

We pay attention to the fractions on the far right side of each table. The denominator represents the total number of uses of "*nachat'* + infinitive", and the numerator represents the number of word insertion into "*nachat'* + infinitive". As can be seen from these four tables, the total number of *nachat'* combined with infinitives is 765 (= 165+226+208+166), of which the number of word insertion into "*nachat'* + infinitive" is 146 (= 33+47+32+34). In other words, the rate of word insertion into "*nachat'* + infinitive" is 19.1% (146/765). Taking this into consideration, we analyze "*nachat'* + indefinite" from the perspective of polarity and aspect.

Table 26 summarizes the distribution of usage of "*nachat'* + infinitive" in terms of affirmative and negative verbs form and perfective and imperfective infinitives.

Table 26. The distribution of "*nachat'* + infinitive" usage in terms of polarity and aspect

<i>nachat'</i> + infinitive	Perfective infinitive	Imperfective infinitive
Affirmative verb form	0 (0%)	762 (99.6%)
Negative verb form	0 (0%)	3 (0.4%)

From this table we can see the following (The relevant example sentences are given. The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for infinitive.):

- 1) There is no *nachat'* connected with perfect infinitive in affirmative sentences.
- 2) 762 times *nachat'* relates to imperfect infinitive in affirmative sentence.

(25) Секретар' тотчас же **nachal chitat'** opisaniye vnutrennego osmotra. (VOS)
 secretary immediately started read-INF description internal examination
 [The secretary immediately began reading the description of the internal examination.]

(26) Vlasova **nachala bystro stirat'** slezy. (MAT)
 Vlasova started quickly wipe-INF tears
 [Vlasova began to quickly wipe away her tears.]

- 3) There is no *nachat'* connected with perfect infinitive in negative sentences.
- 4) 3 times *nachat'* relates to imperfect infinitive in negative sentence.

(27) Poka nejasen, no ved' versiju eshch ne **nachali otrabatyvat'**. (UKS)
 while unclear but after all version yet not started work-INF
 [It's not clear yet, but they haven't started working on the version yet.]

Thus, the use of "*nachat'* + infinitive" is unusually concentrated (99.6%) in affirmative sentences where the infinitive is imperfective. Of the four boxes in this table, the use of "*nachat'* + infinitive" is concentrated in only one box. In other words, there is a strong bias towards the use of "*nachat'* + infinitive" with a low rate of word insertion (15.2%).

Next, let us look at Group C, which has the second lowest rate of word insertion into "verb + infinitive" (i.e., the second strongest combination between the verb and the infinitive). As shown in Tables 13, 14, 15 and 16, the use of *prijtis'* (*must*) is relatively stable and frequent in Group C.

Table 13. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>prijtis'</i>	0	0	0	0	0	0	0	0	0/2	0/5	2/7	0/1	2/15

Table 14. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>prijtis'</i>	1/1	1/2	2/3	1/1	0/3	2/7	0/1	2/11	0/1	0	0/1	0	9/31

Table 15. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MAT	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>prijtis'</i>	0	0/1	1/5	1/9	0	0/1	4/9	11/43	0	0/2	0/1	17/71

Table 16. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>prijtis'</i>	3/12	1/4	5/7	2/4	7/19	1/8	0/1	1/6	4/12	0	4/12	28/85

We look at these tables in the same way as we looked at the "*nachat'* + infinitive" tables.

The total number of "*prijtis'* + infinitive" is 202 (= 15+31+71+85), of which the number of word insertion into "*prijtis'* + infinitive" is 56 (= 2+9+17+28). In other words, the rate of word insertion into "*prijtis'* + infinitive" is 27.7% (56/202). With this in mind, we analyze "verb + indefinite" from the perspective of polarity and aspect.

Table 27 summarizes the distribution of usage of "*prijtis'* + infinitive" in terms of affirmative and negative verbs form and perfective and imperfective infinitives.

Table 27. The distribution of "*prijtis'* + infinitive" usage in terms of polarity and aspect

<i>prijtis'</i> + infinitive	Perfective	Imperfective infinitive
------------------------------	------------	-------------------------

	infinitive	
Affirmative verb form	105 (52.0%)	83 (41.0%)
Negative verb form	8 (4.0%)	6 (3.0%)

This table shows us the following (The relevant example sentences are given. The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.):

1) 105 times *prijtis'* relates to perfect infinitive in affirmative sentence.

(28) V takom sluchae mne **pridetsja udalit'sja** iz doma. (KPM)
 in that case me must leave-INF from house
 [In that case, I'll have to leave the house.]

(29) Tot, komu **pridetsja** pervomu **vstretit'** neprijatel'skij ogon', stanet na samom uglu.
 that whom must first meet-INF enemy fire stand at very corner
 [The one who has to meet the enemy fire first will stand at the very corner.] (GNV)

2) 83 times *prijtis'* relates to imperfect infinitive in affirmative sentence.

(30) No tebe **pridetsja ee govorit'**. (MIM)
 but you must it say-INF
 [But you'll have to say it.]

(31) Vsjakomu davat' na vodku, tak samomu skoro **pridetsja golodat'**. (KAD)
 everyone give to vodka so oneself soon must starve-INF
 [If you give money to everyone for vodka, you yourself will soon have to go hungry.]

3) 8 times *prijtis'* relates to perfect infinitive in negative sentence.

(32) Emu nikogda ne **pridetsja uvidat'**. (MED)
 him never not must see-INF
 [He will never have to see.]

(33) Ne tol'ko nikogda teper' ne **pridetsja emu uspet'** nagovorit'sja. (PIN)
 no only never now not must him be in time-INF talk
 [Not only will he never have time to talk enough,]

4) 6 times *prijtis'* relates to imperfect infinitive in negative sentence.

(34) Tebe ne **pridetsja za nego stydit'sja**. (DOZ)
 you not must for him be ashamed
 [You won't have to be ashamed of him.]

(35) Zdes' byli mjagkie podushki, ne **prishlos' vezti** iz domu svoju. (RAK)
 here were soft pillows not had to bring-INF from home own
 [There were soft pillows here, I didn't have to bring my own from home.]

"*nachat'* + infinitive" is extremely frequently combined with imperfective infinitives in affirmative sentences, but as Table 27 shows, "*prijtis'* + infinitive" is combined with perfective infinitive in affirmative sentences almost equally often (52.0%) and with imperfective infinitive in affirmative sentences (41.0%), and together they account for 93% of the total usage. The number of uses of "*prijtis'* + infinitive" is concentrated in two of the four boxes in this table. In other words, the distribution of usage of "*prijtis'* + infinitive", which

has the word insertion rate of 27.7% , does not show the extreme bias of "*nachat*' + infinitive", but rather a slightly more gradual bias.

Finally, let us look at groups B, D, E, which have the highest rate of word insertion into "verb + infinitive" (i.e., the weakest combination between the verb and the infinitive). As shown in Tables 21, 22, 23, and 24, *moch*' (*can*) is the most used word in groups B, D, E.

Table 21. The insertion rate in works from the late 18th century to the mid-19th century

	POD	PPM	CPD	BEL	MPN	PFM	PID	NOS	KAD	GNV	MED	KTV	Total
<i>moch</i> '	23/123	39/100	11/28	8/25	11/4 2	14/27	6/23	7/25	10/26	13/38	36/126	48/99	226/682

Table 22. The insertion rate in works from the second half of the 19th century

	DET	RUD	SEK	OBL	OBO	PIN	OBY	GOG	CEM	ZAI	VOS	DAS	Total
<i>moch</i> '	15/58	42/104	49/134	15/40	68/174	79/208	12/31	66/145	1/6	2/12	22/67	1/6	372/985

Table 23. The insertion rate in works from the first half of the 20th century

	SKR	MA T	KPM	MY	ZHP	TSE	MIM	CHE	POT	KLS	PER	Total
<i>moch</i> '	3/9	9/34	27/60	24/65	1/14	17/51	13/29	54/258	10/21	7/18	18/61	183/620

Table 24. The insertion rate in works from the second half of the 20th century

	DOZ	DIN	TIP	LJU	PAS	RAK	DEA	ZBV	APT	SLP	UKS	Total
<i>moch</i> '	25/91	23/60	8/21	16/44	0	37/95	14/40	0	12/52	9/24	26/68	170/495

We look at these tables in the same way as we look at the "*nachat*' + infinitive" and the "*prijtis*' + infinitive" tables.

The total number of *moch*' combined with infinitives is 2782 (= 682+985+620+495), of which the number of word insertion between *moch*' and the infinitive is 951 (=226+372+183+170). In other words, the rate of word insertion into "*moch*' + infinitive" is 34.2% (951/2782).

Table 28 summarises the distribution of usage of "*moch*' + infinitive" in terms of the affirmative and negative verbs form and perfective and imperfective infinitives.

Table 28. The distribution of "*moch*' + infinitive" usage in terms of polarity and aspect

<i>moch</i> ' + infinitive	Perfective infinitive	Imperfective infinitive
Affirmative verb form	982 (35.3%)	484 (17.4%)
Negative verb form	729 (26.2%)	587 (21.1%)

$$\chi^2=38.97713. v=1. p<0.005$$

As shown by Table 28 (The relevant example sentences are given. The bold parts represent "verb + infinitive". INF stands for an infinitive.), the following can be pointed out.

1) 982 times *moch*' relates to perfect infinitive in affirmative sentence.

(36) Vy **mozhet**e **ugadat**' tri karty srjadu. (PID)

you can guess-INF three card in a row
[You can guess three cards in a row.]

(37) Oblomov **mog** dvazhdy **zavernut**'sja v nego. (OBL)

Oblomov could twice wrap oneself-INF in it
[Oblomov could wrap himself in it twice.]

2) 484 times *moch*' relates to imperfect infinitive in affirmative sentence.

(38) Teper' ja **mogu** **uteshat**' vas! (MPN)

now I can comfort-INF you
[Now I can comfort you!]

(39) Skol'ko ona **mogla** iz etogo doxoda **tratit'** ? (GOG)

how much she could from this income spend-INF
[How much could she spend from this income?]

3) 729 times *moch'* relates to perfect infinitive in negative sentence.

(40) Bezrukij ne **mozhet ujazvit'** nikogo. (PPM)

armless man not can hurt-INF nobody
[An armless man cannot hurt anyone.]

(41) Izmuchennaja devushka ne **mogla** bol'she **vynesti**. (KTV)

exhausted girl not could more bear-INF
[The exhausted girl could not bear any longer.]

4) 587 times *moch'* relates to imperfect infinitive in negative sentence.

(42) Voobshche ni odin pisatel' ne **mozhet terpet'** drugogo. (PFM)

in general no one writer not can tolerate-INF another
[In general, no writer can tolerate another.]

(43) Kovrin ne **mog** dal'she **chitat'**. (CEM)

Kovrin not could further read-INF
[Kovrin could not read further.]

The following can be noted from Table 28:

"*moch'* + infinitive" is related almost evenly to perfect and imperfect infinitives in both affirmative and negative sentences, and it is not strongly related to imperfect infinitive in affirmative sentences as in "*nachat'* + infinitive", nor is it strongly related to the perfect infinitive in affirmative sentence and imperfect infinitive in affirmative sentence as in "*prijtis'* + infinitive".

In other words, as can be seen from the following three tables (Tables 26, 27, and 28), the rate of word insertion into "*moch'* + infinitive" (34.2%) is much higher than that of "*nachat'* + infinitive" (19.1%) and "*prijtis'* + infinitive" (27.7%), and "*moch'* + infinitive" has a more open and widespread distribution of usage than "*nachat'* + infinitive" and "*prijtis'* + infinitive".

Table 26. The distribution of "*nachat'* + infinitive" usage (the insertion rate:19.1%)

nachat'+ infinitive	Perfective infinitive	Imperfective infinitive
Affirmative verb form	0 (0%)	762 (99.6%)
Negative verb form	0 (0%)	3 (0.4%)

Table 27. The distribution of "*prijtis'* + infinitive" usage (the insertion rate:27.7%)

prijtis' + infinitive	Perfective infinitive	Imperfective infinitive
Affirmative verb form	105 (52.0%)	83 (41.0%)
Negative verb form	8 (4.0%)	6 (3.0%)

Table 28. The distribution of "*moch'* + infinitive" usage (the insertion rate:34.2%)

moch' + infinitive	Perfective infinitive	Imperfective infinitive
Affirmative verb form	982 (35.3%)	484 (17.4%)
Negative verb form	729 (26.2%)	587 (21.1%)

$$\chi^2=955.18607. v=5. p<0.005$$

The higher the rate of word insertion into "verb + infinitive" (i.e., the weaker the combination between the verb and the infinitive), the wider the distribution of "verb +

infinitive" usage, but the lower the rate of word insertion into "verb + infinitive" (i.e., the stronger the combination between the verb and the infinitive), the narrower the distribution of "verb + infinitive" usage.

In this way, it became clear that the strength of the combination of verbs and infinitives in "verb + infinitive" is related to whether "verb + infinitive" has closed or open characteristics. Limited relationships tend to be more strongly connected than extensive relationships.

6. Conclusion.

Previous studies of the degree of strength of the combination of verbs and infinitives in Russian are conducted only in semantic relations, without relying on criterion that is based on form and have not revealed the hierarchy of the strength.

This paper uncovered the hierarchy of the strength of the combination of verbs and infinitives when they are used as compound predicates, by looking at the frequency with which a word (words) appears (appear) between the verb and the infinitive in 46 literary works from the end of the 18th to the 20th century. We analyzed 8098 verb-infinitive combinations. Our investigation demonstrates the following scale of the strength of the combination of verbs and infinitives in terms of word insertion into "verb + infinitive":

phase verbs > verbs combining abstract lexical meanings with a clearly expressed evaluative connotation > verbs with the meaning of attempt to implement, verbs with the meaning of thought and desire, verbs with the meaning of possibility and ability.

(‘>’ means ‘connects with infinitives more strongly than’)

And this hierarchy then reflects the restrictive and expansive relationships between verbs and infinitives in the distribution of their usage.

Finally, we would like to point out that the criteria we have proposed are also applicable to teaching Russian to foreigners.

Ja. D. Luk’janova (2019) compares "verb + infinitive" used as compound predicate in English and Russian and shows that there are cases where the verbs are used as an auxiliary verb and cases where they retain their original meanings as verbs, but she does not mention the difference in the frequency with which word (words) is (are) inserted between verbs and infinitives.

In general, it is difficult for English speakers to understand that a word (words) can be inserted into "verb + infinitive" used as compound predicate. For example, in Russian "Я хочу больше учиться.", ‘больше (more)’ is inserted between the first-person singular verb ‘хочу (want)' and the infinitive ‘учиться (study)’. However, when this is translated into English, it becomes "I want to study more." For English speakers, inserting ‘more’ between ‘want’ and ‘to study’ is unacceptable. Therefore, it would be useful to teach foreigners learning Russian that a word (words) can easily be inserted between verbs with the meaning of desire and the infinitive.

References:

1. Bojko A. A. (1982) *Upotreblenie vidov glagola v forme infinitiva v sovremennom russkom jazjke* [The use of verb types in the infinitive form in modern Russian]. Leningrad. Dissertatsija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk.
2. Gebekova Z. G. (2022) *Glagol’nye slovosochetanija v avarskom i anglijskom jazjkakh* [Verb phrases in Avar and English languages.]. ISSN 2410-3489 *Ezhekvaral’nyj retsenziruemyj, referiruemyj nauchnyj zhurnal «Vestnik AGU»*. Vypusk 3 (302) 2022 pp. 21-30
3. Kambárova, B.O. (2009) *Infinitiv v sintaksise slovosochetanija russkogo i kirgizskogo jazikov* [Infinitive in the syntax of phrases in Russian and Kyrgyz languages]. *American University of Central Asia, AUCA Academic Review* 2009 (1) pp. 155-162.

4. Kholodilova M. A. (2015) Grammatikalizatsija russkikh modal'nykh glagolov [Grammaticalization of Russian modal verbs]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN XI, 1, 2015. Sankt-Peterburg. pp.369-399.
5. Kitajo M. (2015) Stepen' sochetaemosti slovosochetanija glagola s infinitivom i vid infinitiva [The degree of binding between verbs and infinitives and aspect of infinitive]. Aspektual'naja semanticheskaja zona: tipologija sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitija. Sbornik statej V Mezhdunarodnoj konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Universitet Kyoto Sangyo. Japan. 2015. pp.94-101.
6. Luk'janova Ja.D. (2019) Strukturnaja kharakteristika sostavnogo glagol'nogo skazuemogo v anglijskom i ruskom jazjkakh [Structural characteristics of the compound verbal predicate in English and Russian]. Sovremennaja nauka: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovatsii. Sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. Izdatel'stvo: Nauka i Prosveshchenie (IP Guljaev G.YU.) (Penza). 2019. pp. 149-152
7. Shigurov V.V. (2020) Infinitiv v zone vzaimodejstvija glagolov i vvodno-modal'nykh slov i vyrazhenij [Infinitive in the zone of interaction of verbs and introductory-modal words and expressions]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2020, № 3, pp. 230–236
8. Shvedova N.Ju. (1970) Podchinitel'nye svjazi slov i slovosochetanija [Subordinating connections of words and phrases]: Kn. Grammatika sovremennogo literaturnogo jazyka. ANSSSR. M., 1970. s. 486-540, s. 513-515
9. Shvedova N.Ju. (1980) Podchinitel'nye svjazi slov i slovosochetanija [Subordinating connections of words and phrases]: Kn. Russkaja grammatika II. ANSSSR. M., 1980. pp.41-42, pp.13-82.
10. Van Valin Jr. R. D., Foley W. A. (1984) Functional syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. pp.256-272

Information about the Author:

Kitajo Mitsushi (Kyoto, Japan) – Ph.D. The owner of the Medal of Pushkin (Russian Federation National Award), professor, Head of the department of European languages, Faculty of foreign studies, Kyoto Sangyo University.
e-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers. Special thanks to Professor Elena Ciprianová, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-61-71
УДК (UDK) 81.353

Jan Gallo,
Constantine the Philosopher University in Nitra,
Nitra, Slovak Republic
Ян Галло,
Университет Константина Философа в Нитре,
Нитра, Республика Словакия

*For citation: Gallo, Jan, (2025).
To Some Features of Slovak Eastern Gemer Dialects
with Emphasis on Vlachovo Dialects in the Slanská Valley.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10., Issue I (2025), pp. 61-71 (in USA)*

*Manuscript received: 26/01/2025
Accepted for publication: 25/03/2025
The author have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

TO SOME FEATURES OF SLOVAK EASTERN GEMER DIALECTS WITH EMPHASIS ON VLACHOVO DIALECTS IN THE SLANÁ VALLEY

К НЕКОТОРЫМ ОСОБЕННОСТЯМ СЛОВАЦКИХ ВОСТОЧНО- ГЕМЕРСКИХ ДИАЛЕКТОВ С АКЦЕНТОМ НА ВЛАХОВСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СЛАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Abstract:

The paper deals with the issue of some features of Slovak Eastern dialects focusing the attention on Vlachovo dialects in the Slaná Valley. The research of this article is based on the previous knowledge of the leading Slovak linguist and dialectologist Štefan Tóbič, as well as the resident of the village Vlachovo and promoter of its local culture, Juraj Kováč. In the introduction the importance of Slovak dialects for the research and reconstruction of the earliest history of the Slovak language is presented. It is also discussed the non-inclusion of the Gemer dialects in the past always into the Slovak language, as well as the fact that these dialects were not always considered Slovak. The first part of the article highlights several peculiarities of the dialects of Eastern Gemer (Eastern Gemer dialects) with an accent on the Slanská Valley (Slansko-Dolinské dialects). In the second part, a brief description and characteristics of a smaller dialect group in the north of the Slanská Valley – the Vlachovo dialect, also supplemented with exemplary material with forms of contemporary literary Slovak with translation equivalents in Russian, are given. Both parts are filled in the exemplification material supplemented with forms of contemporary standard Slovak with translation equivalents in Russian. In conclusion there is given a summary of investigated problems.

Key words: dialect, dialects of Gemer, dialect in Slanská valley, dialect in Vlachovo, Gemer, Eastern Gemer dialects, Slanská valley, Slovak dialects, Vlachovo

Введение

Словацкие диалекты имеют особое значение для исследования и реконструкции древнейшей истории словацкого языка с X по XV вв. Это период в истории словацкого

языка (и других славянских языков), в котором на протяжении шести столетий произошли все важнейшие изменения в древнесловацком языке, в результате которых словацкий язык сформировался как отдельный славянский язык со специфическим набором фонологических, морфологических, синтаксических и лексико-семантических явлений. К сожалению, от этого важнейшего периода развития словацкого языка не сохранилось никаких связных языковых памятников, на основе которых можно было бы реконструировать древнейшую историю языка. Сохранились лишь отдельные слова, имена собственные (топонимы и антропонимы) в памятниках, написанных на латинском языке.

Только современная лингвистика, опираясь на основные принципы структурализма и используя новые методы исследования в языкознании, такие как внутренняя реконструкция языка, метод сравнительной хронологии и лингвистическая география, построила реконструкцию древнейшей истории словацкого языка на исследовании словацких диалектов. Таким образом, развитие словацкого языка основано на анализе словацких диалектов, и эта методологическая процедура базируется на внутреннем обосновании возникновения каждого изменения.

Языковые характеристики определяют характер или природу диалекта. Целью лингвистической характеристики определенного диалектного ареала является более точное выявление его диалектов и последующая их более тесная интеграция в другие диалекты национального языка.

В прошлом гемерские диалекты не всегда и недвусмысленно включались в словацкий язык из-за их слабой изученности и общей неразвитости словацкой диалектологии и не всегда считались словацкими диалектами. Например, сам М. М. Ходжа объявлял их по форме **-mo** в таких формах, как **žijemo** (žijeme/живём), согласно **tot** (ten/тот), **kodi** (kedy/когда), **todi** (vtedy/тогда), **kobi** (keby/если бы), **kotor** (ktorý/который), которые до сих пор в сербском, украинском и русском языках воспринимаются скорее украинскими, или русинскими, или русскими, чем словацкими. Сегодня гемерские диалекты однозначно считаются переходными диалектами между центральными и восточными макроареалами.

Из богатой мозаики словацких диалектов мы в нашей статье представим несколько особенностей диалектов восточного Гемера (восточногемерские диалекты) с акцентом на Сланскую долину (диалекты Сланской долины), а в рамках этого мы дадим краткое описание и особенности небольшой диалектной группы на севере Сланской долины – влаховского диалекта. Дополняем иллюстративный материал формами современного литературного словацкого языка с переводными эквивалентами на русском языке. В своём исследовании мы опираемся на труды ведущего словацкого лингвиста и диалектолога Штефана Тобика (1957, 2018), а также на труд жителя села Влахово и популяризатора его местной культуры Юрая Ковача (2016).

1 Избранные особенности восточногемерских диалектов Сланской долины (Сланскодолинские диалекты)

По словам Ш. Тобика восточно-гемерские диалекты встречаются только в Сланской долине, поэтому их можно также назвать Сланскодолинские диалекты. Однако Сланская долина относительно длинная, поэтому ареал этих диалектов довольно велик по площади и количеству муниципалитетов, но всегда меньше, чем была площадь среднего или юго-западного Гемера. Автор добавляет, что в диалектном отношении Сланская долина является одним из самых разнообразных и богатых регионов с необычайно дифференцированными диалектами. В целом, это диалекты, которые демонстрируют генетическую связь с диалектами соседнего Среднего Гемера на западе, а также с диалектами соседнего Спиша на востоке, причём среднесловацкие элементы несомненно преобладают над восточнословацкими. Таким образом, автор приходит к выводу, что это переходные **среднесловацкие и восточнословацкие**

диалекты (Tóbič, 2018, с. 108). Э. Паулини допускает возможность рассматривать их как диалекты сланского языка или особого сланского ареала, который, вероятно, простирался до Спиша и имел в целом переходный характер между средне- и восточнословацкими языками. Он также делает этот вывод на основе таких случаев, как общие слова **večier** (večer/вечер), **zamietat** (zamietat'/подметать) и на основе результатов старых интонационных и количественных отношений обеих соседних областей, а также на основе статуса **rat-/rot-**, особенно на гемерской стороне (Pauliny, 1963). По мнению Ш. Тобики, можно было бы включить в эти слова, кроме преувеличенного количества, особенно на Сланской стороне, в типах **vešier** (večer/вечер), **počoj** (pokoj/покой, спокойствие), **duóm** (dom/дом), **hnvoj** (hnoj/навоз), **plux** (pluh/плуг), **dál** (dal/(он) отдал), **mál** (mal/имел), **xlapuóm** (chlapom/мужчинам), **zo ženó** (so ženou/с женой), **májié** (máje => mladé brezy alebo javory na jar/молодые берёзы или клёны весной), **gulié** (gule/шары), также и сланскодолинское **ket** (ked'/когда), **kebi** (keby/если бы), **kedi** (kedy/когда), **ftedi** (vtedy/тогда) по сравнению с **tot** (ten/этот) а **koter/kotri** (ktoři/какой) а **mámo** ((my) máme/у нас есть). Автор продолжает, что в данную группу можно также включить по сути восточнословацкий результат сокращения праславянского **dobroje** > **dobré** (хорошее), из которого оно далее образовалось путем дифтонгизации **dobrijé** (dobré/хорошее), **dobrijého** (dobrého/хорошего), **dobrijému** (dobrému/хорошему), простирающийся до Муранской долины в среднем Гемере, а затем, конечно, также отсутствие слогового **r – l** в Сланской долине и его проникновение в соседнюю Штитницкую долину, или даже более мелкие явления, такие как родительный падеж множественного числа типа **xlapox** (chlapov/мужчин), **ženox** (žien/женщин), **mestox** (miest/городов) и конструкция **pät koruni** (päť kórún/пять крон), **pät roki** (päť rokov/пять лет) и ряд других более или менее изолированных явлений (**pšola** (včela/пчела), **sleboda** (sloboda/свобода, **calkom** (celkom/полностью, целиком) (Tóbič, 2018, с. 108).

Сланская долина, согласно Ш. Тобику, характерна единой диалектной областью, главным образом, вышеупомянутыми общими чертами среднесловацких диалектов, из которых, в частности, следует отметить следующие:

а) изоглосса среднесловацкого **rat-** в словах **rázvora** (stredová os na konskom voze/дорога) а **rásoxa** (rázsocha, rozdvojená vetva/развилина ветки) s простирается вплоть до границы Гемера и Спиша, за которой уже находится восточнословацкое **rot-**. На северо-западе Сланской долины находится **rot-** только в деревне Рейдова.

б) изоглосса южно-среднесловацко гемерских чередующихся звуков на праславянское **jeru** и особенно **o** в **tot** (ten/тот) а **kotri** (ktoři/который) также во всей Сланской долине, в центральной и южной части против **ket** (ked'/когда), **kedi** (kedy/когда), **ftedi** (vtedy/тогда), **kebi** (keby/если бы), но в северо-западной части уже только **kot** (ked'/когда), **kodi** (kedy/когда), **ftodi** (vtedy/тогда), **kobi** (keby/если бы).

в) изоглосса гемерского **-mo** в **žijemo** (bývame/(мы) живём), **romo** (pod'me/давайте идём) во всей Сланской долине.

г) изоглосса северо-среднесловацкого периферийного **ä – ä**, которая присутствует везде, за исключением рейдовской группы, и которая представляет собой более позднюю валашскую колонизацию.

д) изоглосса среднесловацкого **ie** или здесь **ié** не только в обиходном **biéli** (biely/белый), **biéda** (bieda/бедность), **viéra** (vera/вера, уверенность), **dobrié slová** (pekne slová/приятные слова), но также **dobrié slovo** (pekne slovo/приятное слово), **dobriého slova** (pekneho slova / приятного слова), а также во многих случаях, таких как **vešier** (večer/вечер), **pohriep** (pohreb/похороны), или **gulié** (gule/шары), **majié máje** => mladé brezy alebo javory na jar/молодые берёзы или клёны весной), **duchnijé** (duchny/перинь), а также **kúpiéu/kúpiél** (kúpil/(он) купил). Это **ié** распространяется в случае как **vešier** (večer/вечер), **čier** (fučka/картофельное пюре) и на более северный Спиш вокруг Грановницы, но не на непосредственно соседнюю Гнилецкую долину.

е) изоглосса среднесловацкого **uo** в обыкновенных случаях, таких как: **múoj** (môj/мой), **múožem** (môžem/могу), **po múoc** (pomoc/помощь), **puojd'em/puojdem** (pôjdem/пойду), **puojt** (pôjd/чердак), **spuocob** (spôsob/способ), **buop** (bôb/боб), **Puosní vešier** (pôstný večer/ постный вечер); но есть также **ruóh** (roh/угол), **ruóra** (rúra/труба), **huóra** (hora/гора), **hnuój** (hnoj/навоз).

ж) изоглосса среднесловацкого **ou/ov**, напр. **rovní** (rovný/прямой, ровный), **ovca/ovce** (ovca/ovce/овца/овцы), **šes xlapou** (šest' chlapov/шесть мужчин); и на юге больше **šes xlapoh** (šest' chlapov/шесть мужчин), **s tou dobrou našou ženou** (s tou dobrou našou ženou/ с этой хорошей нашей женой), **bratov sin** (bratov syn/сын брата), **bratovho sina** (bratovho syna/сына брата), **Kobelärou** (Kobeliarovo (název obce v okr. Rožňava)/Кобелярово (название деревни в районе Рожнява), **dloú i dluó** (dole/вниз).

з) изоглосса среднесловацкого, но также и восточнословацкого **ej**, напр. **s tej našej dobrej zemi** (s tej našej dobrej zeme/с этой нашей хорошей земли); **velej** (veľa/много), **delej** (ďalej/дальше), **menej** (menej/меньше); но на юге также **s tie našie dobríe zemi** (s tej našej dobrej zeme/с этой нашей хорошей земли).

и) изоглосса среднесловацкого **d' – t' – st'** или отверделого на **d – t – st**, напр. **d'eŕi** (deti/дети) и **deti** (deti/дети), **plat'it'** (platiť/платить) и **platiť** (platiť/платить), **od zlost'i** (od zlosti/от злости, со зла), в деревне Гемерска Полома (район Рожнява) **od zlost'i** (od zlosti/от злости, со зла) и в других местах **od zlosti** (od zlosti/от злости, со зла); т. е. уже не среднегемерское изменение **d' > ž, t' > č, st' > šč**, ни восточнословацкое **dzekanie** и **sekanie**.

й) изоглосса общего среднегемерского изменения **č > š** везде, кроме деревень Рейдова, Вышна Слана и Нижна Слана с **č**.

к) изоглосса среднесловацкого **-ok** в случаях **predok** (predná časť, напр. domu/передняя часть, напр. дома), **stromšok** (stromček/деревце, **xlapšok** (chlapček/мальш, мальчишка).

л) изоглосса среднесловацкого суффикса **-iška** в типе **laviška** (lavička/скамейка, скамеечка) против восточнословацкому **lavečka** (lavička/скамейка, скамеечка).

м) изоглосса более мелких среднесловацких явлений, таких как: общегемерские краткие формы типа **skia** (odkiaľ/откуда), **t'a** (tadiaľ/вон туда, в ту сторону), **šia** (všade/езде, повсюду) вокруг деревни Рейдова и **skä** (odkiaľ/откуда), **tä** (tadiaľ/вон туда, в ту сторону), **fšä** (všade/езде, повсюду) в других местах также против **skad'e** (odkiaľ/откуда), **stad'e** (odtiaľ/оттуда), **fšad'e** (všade/езде, повсюду); **dloú** (dole/вниз) и местами **dluó** (dole/вниз).

н) изоглосса среднесловацких гемерских слов: **huóra** (hora/гора) či **hvora** (hora/гора), **podat** (podat'/подать), **podá** (podá'/подаёт), **siat'a** или **säte** (kamenie, skálie/камни); **ojo** (oje/дышло, оглобля), **rudaš** (kopa sena/стог сена), **piklet** (vstupná časť do pivnice, domu, predizba/передняя, прихожая), **tá pec** (táto pec/эта печь), **tá obišäj** (táto obyčaj/этот обычай), **halúški** (halušky/галушки), **detelina** (ďatelina/клевер), **izba** (izba, miestnosť, no aj ako dom/комната, помещение, но также и изба) (там же, с. 109 – 110).

Единство всей Сланской долины создают также некоторые типично восточнословацкие явления и их изоглоссы:

а) изоглосса абсолютного восточнословацкого отсутствия слогового **r – l**, и поэтому во всей Сланской долине только **verx** (vrch/корса/вершина холма), **perví** (prvý/первый), **velna** (vlna/волна) i **volna** (vlna/волна).

б) изоглосса родительного падежа единственного числа и других падежей типа **palšok** (palček/пальчик), **palška** (palčeka/пальчика), **palšku** (palčeku/пальчику), **palški** (palčeku/пальчики), **palškom** (palčekom/пальчикам), которая простирается даже до соседней Штитницкой долины.

в) изоглосса звательного падежа единственного числа типа **ženo** (в литературном словацком языке исчезло/в русском языке исчезло), **Zuzo** (Zuzi/в русском языке исчезло), которая простирается вплоть до Муранской долины.

г) изоглосса множественного числа **sinove** (synovia/сыновья), **ocove** (otcovia/отцы), также **ľud'e/lude** (ľudia/люди), которая распространяется на весь центральный и весь северо-западный Гемер.

д) изоглосса множественного числа типа **horáre** (horáři/лесничие), **muráre** (muráři/каменщики), которая простирается вплоть до Муранской долины.

е) изоглосса именительного падежа типа **ojo** (oje/дышло, оглобля), **polo** (pole/поле), **serco** (srdce/сердце), которая глубоко проникает в остальную часть Гемера.

ж) изоглосса **mojo deti** (moje deti/мои дети), **husi** (husi/гуси), **domi** (domy/домá), которая глубоко проникает в остальную часть Гемера.

з) изоглосса **dobrie slovo** (dobré slovo/приятное слово) уже как смешанная среднесловацко-восточнословацкая форма доходит до Муранской долины, хотя фонетически в форме **dobria slovo** (dobré slovo/приятное слово).

и) изоглосса восточнословацкого **nesem** (nesiem/несу), **vezem** (veziem/(я) везу), **kladem** (kladnem/(я) кладу), простирающаяся вплоть до Муранской долины.

й) изоглосса восточнословацкого инфинитива **stanút** (vstať/встать), **vezmút** (vziať/взять), здесь везде и потом в соседней Штитницкой долине

к) изоглосса восточнословацкой формы причастия прошедшего времени на – **l** **búl** (bol/был) – **bu** (bol/был) – **bú** (bol/был) распространяется на весь средний Гемер и северную часть юго-западного Гемера и, таким образом, также в типе **spadnúl** (spadol/упал) – **spadnú** (spadol/упал) – **spadnuu** (spadol/упал).

л) изоглосса более мелких явлений, таких как: **ňi** (nie/нет), **bars** (príliš/слишком, чересчур), **ňebars** (nie príliš/ не совсем), **calkom** (celkom/полностью, целиком), **sleobodno** (voľno/свободно), **cuker** (cukor/сахар), **Ander** (Ondrej/Андрей), **pšola** (včela/пчела), **daxto** (niekto/кто-то), **xto** (kto/кто), **lepši** (lepšie/лучше) иногда распространяются на всю область Гемера, другие как **xolem** (aspoň/по крайней мере, хоть бы), **das** (asi/около, приблизительно) кроме Сланской долины также и в Штитницкую долину.

м) изоглоссы некоторых восточнословацких слов, таких как **trímat (-ť, -č)** (držať/держатъ), **keľo** (koľko/сколько), **teľo** (toľko/столько) встречаются почти во всём Гемере, другие как **grúle** (zemiaky/картошка), **pencuráki** (huby => kozáky, ale aj víanočná karusnica/подберёзовики, подосиновики, но также щи или суп из квашенной капусты на католическое Рождество), **sluxat** (počúvať/слушать), **opcat** (bozkať/целовать), **stukat** (ťažkať si, naiekať/жаловаться) только здесь и в Штитницкой долине.

3 Влаховский диалект в Сланской долине: характеристика и некоторые особенности

Для влаховского диалекта в деревне Влахово ниже города Добшина характерно согласно Ю. Ковачу использование кратких и долгих широких гласных **ä, à** вместо **a, ia** в корнях и суффиксах слов после согласных: **robà** (robia/ делают), **xodà** (chodia/ ходят), **vidà** (vidia/ видят), **vàc** (viac/больше), **màzga** (miazga, šťava v rastlinách/ сок), **vàcéj** (viacej/ больше), **dvà** (dvaja/ двое), **žàl** (žiaľ/ печаль, горе), **šàpka** (čiapka/ шапка, колпак), **žàba** (žaba/лягушка), **kràjec** (krajec/ломоть, кусок), **Jàno** (Jano/ Ян – собственное имя), **okràj** (okraj, hrana/край, грань), **jàma** (jama/яма), **vojàk** (vojak/солдат), **vozà** (vozia/возят), **kosà** (kosia/ косят), **jàzik** (jazyk/ язык), **pät** (päť/пять), **jàbuko** (jablko/яблоко), **làt** (liať/лить), **na làde** (na ľade/на льду), **tvojà** (tvoja/твоя), **našà** (naša/наша), **na konà** (na koňa/ на лошадь), **skàt** (skade, odkiaľ/откуда), **sàká** (siaka/сморкается), ... **veléj šťastà, zdravà** (... veľa šťastia, zdravia/ ... здоровья и удачи) и др. (Kováč, 2016, с. 163)

Ю. Ковач дальше добавляет, что из **дифтонгов** влаховский диалект знает только два – **ie** и **ô**, в обоих случаях знает только их долгие варианты:

ie: **šetiéren** (voda, studňa/ вода, колодец), **planié** (plané/плохие), **dobrié** (dobré/хорошие), **domácie** (domáce/домашние), **veselié** (veselé/весёлые), **smutnié** (smutné/грустные), **ščiépat** (štiepať/ колоть, напр. дрова) и др.

ô (uó): **kuón** (kôň/лошадь), **stuól** (stól/стол), **vuól** (vôl/вол), **muóže** (môže/может), **puójdem** (pôjdeme/(мы) пойдём), **Guóšovo** (Gočovo (názov obce v okr. Rožňava)/Гочово (название деревни в районе Рожнява)), **puóst** (pôst/пост), **struóžlák** (slamou naplnený matrac/ соломой наполненный матрас), **puójt** (povala/чердак) и др.

Дифтонг **ia** заменяется гласным **à**: **robà** (robia/(они) делают), **musà** (musia/(они) должны), **pràtki** (spoločné pradenie, priadky/совместное прядение), **žàdost** (žiadost', prosba/ заявление, просьба), **kràki** (kriky/кусты) и др. а samohláskou **e** (v koncovkách podstatných mien životných): **ocove** (otcovia/отцы), **bratove** (bratia/братья), **švagrove** (švagrovia/шурини), **lude** (ľudia/люди), **strikové** (strýkovia/дядьки), **muráre** (murári/каменщики), **faráre** (farári/священники), **hãrdinove** (hrdinovia/герои), **doctore** (lekári/врачи), **dediše** (dedičia/наследники), **Vlachovãne** (Vlachovãania/жители в деревне Влахово), **Guóšovãne** (Gočovãania/жители в деревне Гочово), **Moravãne** (Moravãania/моравы, мораване), **trã Jãnove** (traja Jãnovia/трое Янов) и др.

Вместо дифтонга **iu** в конце притяжательных прилагательных и в окончании дательного падежа единственного числа отглагольных существительных употребляется **ú**: **mlačšú** (mladšiu/младшую, более молодую), **cudzú** (cudziu/чужую), **zdravšú** (zdravšiu/более здоровую), **veselšú** (veselšiu/более весёлую), **chučšú** (chudšiu/более худую) и др.; **gu spievánú** (k spievaniu/к пению), **gu robenú** (k práci/к работе), **gu dojenú** (k dojeniu/к дойке, к доению), **gu oranú** (k oraniu/к вспашке) и др. (там же, с. 163).

Ю. Ковач дальше утверждает, что во влаховском диалекте **ритмический закон не действует** – укорочение слогов не наблюдается: **liétáu** (lietal/(он) летал), **vãzáu** (viazal/(он) связывал, вязал), **osiéváu** (osieval/(он) обсеивал), **mátá ho** (máta ho/его пугает), **chodíváu** (chodieval/(он) часто ходил, хаживал), **devãtí** (deviatí/девятиро), **plãšúci** (plãšúci/плачущий), **terpãcí** (trpiãci/страдающий) и др. (там же, с. 163).

Влаховский диалект по словам Ю. Ковача не знает мягких согласных **d', t', ñ, r'**. Вместо них использует их твёрдые пары **d, t, n, l**: **deti** (deti/дети), **lude** (ľudia/люди), **podmo** (podme/давайте идём), **dãlej** (ďalej/дальше), **napóunit** (naplniť/наполнить), **lúbost** (ľúbosť, láska/любовь), **lutovat** (ľutovať/(со)жалеть), **chodit robit** (chodiť pracovať/ходить на работу) и др. (там же, с. 163).

Дальше согласно Ю. Ковачу приводим ещё несколько особенностей влаховского диалекта.

Возвратное местоимение будет **se** вместо **sa**: **mám se** (mám sa/у меня...), **teším se** (teším sa/я рад, я радуюсь), **vrátim se** (vrátim sa/(я) вернусь), **ušíev se** (učil sa/(он) учился), **sméje se** (smeje sa/(он) смеётся) и др.

В удвоенных согласных **dš, tš, šť, šť** произношение меняется на **čš, šč**: **mlačší** (mladší/помоложе), **chučší** (chudší/худее), **pručší** (prudší/побыстрее), **šãsní** (šťastný/счастливый), **šãet** (šťat', cikat'/ссать, писать), **šãiepat** (štiepať/колоть, рубить), **šããva** (šťãva/сок) и др.

Согласные l, v произносятся как **губно-губное u** в конце слов, перед согласными внутри слова и иногда в начале слов (**uóstié/dlhé pich'ãvé výrastku** на klãskoch rastlín/щетинка): **robiéu** (robil/(он) делал), **kosiéu** (kosil/(он) косил), **smãu se** (smial sa/(он) смеялся), **dúchãu** (fúkal/(он) дул), **prãvda** (pravda/правда), **kriãda** (krivda/несправедливость, обида), **róvní** (rovný/прямой, ровный), **hlãvní** (hlavný/главный), **žóutã** (žltã/жёлтая), **huóra** (hora/гора), **hluóch** (hloh/боярышник) и др. Перед некоторыми гласными произношение **v** не меняется: **hlavién** (hlaveň/ствол, дуло), **klãví** (nešikovný, nanič súci/неловкий, неумелый), **praví** (pravý/правый), **sova** (sova/сова), **hlava** (hlava/голова) и др.

Согласный v в начале слова перед другим согласным часто исчезает или произносится как **p** или **f**: **stante** (vstaňte/встаньте), **šitko** (všetko/всё), **dovec** (vdovec/вдовец), **pšola** (včela/пчела), **fták** (vták/птица), **ftedi** (vtedy/тогда), **fšera** (včera/вчера), **fšãt** (všãde/езде), **fšãs** (včas/вовремя) и др.

Слогообразующие í, r удаляются, или между согласными вставляются сопутствующие гласные **e, a, ä, o** или дифтонг **ie**: **tern** (tíň/шип, колючка), **kerš** (kíč/спазм, судорога), **veršok** (vršok/верхушка), **keršma** (krčma/трактир, кабак), **härdo** (pekne, prekrásne/красиво, замечательно), **smorkat** (smrkat'/шмыгать носом), **steršet** (trčat'/торчать, высовываться), **odverknút** (odvrknút'/огрызнуться), **härba** (hřba/уйма, множество, куча), **härdo** (hrdlo/горло), **termosit** (triasť'/трясти), **tervat** (trvat'/длиться, продолжаться), **pärtok** (obrus/скатерть), **zerkadlo** (zrkadlo/зеркало), **bärdo** (brdo, súčiasťka krosien/колодка, гребёнка), **verchnák** (vrchnák na nádobe/крышка, колпак), **härdí** (hrdý, rekny'/гордый, красивый), **kermit** (křmit'/кормить), **harenk** (hrniec/кострюля), **hareňšok** (hrňček/чашка, кружка), **kerkavec** (krkavec/ворон), **kreu** (krv/кровь), **härbol** (hrbol'/бугор, кочка), **šervotoš** (červotoč'/точильщик, шашень), **šerpák** (črpák/(деревянная) кружка), **serco** (srdce/сердце), **smerek** (smrek/ель), **viërba** (vřba/верба) и др.

Аналогично это также при **слогообразующем l, í**: **slúp** (střp/столб), **stlúkat** (střkat'/сколачивать, сбивать), **hlúpka** (hlřba/глубина, глубь), **halbošina** (hlbočina/омут, заводь), **stlumit** (stlmit'/приглушить, притушить), **klupko** (klbko/клубок, моток), **klubo** (křb/сустав) и др. В некоторых словах **l** заменяет **óu**: **žóutá** (žltá/жёлтая), **póuno** (plno/полно), **vóuna** (vlna/волна), **sóuza** (slza/слеза), **móuha** (hmla/туман), **bóucha** (blcha => hmyz; jedlo zo zemiakov (haruľa)/блоха => насекомое; dranik, картофельная лепёшка).

Вышеуказанное **óu** встречается также в слове **pol**: **póu** (pol/половина), напр. **Na košaru bú za pouchlara** (Na košari bol za pol chlara/На овечьем загоне был мужчиной на половину).

Согласные k, h часто меняются на **ch**: **chto** (kto/кто), **nichto** (nikto/nikto), **dachto** (niekto/кто-то), **dochtor** (doktor, lekár/врач), **trachtor** (traktor/трактор), **choc** (hocí/хоть, хотя), **chocide** (hocikde/где угодно, в любом месте).

Глагол **bol** («был» – прошедшее время) употребляется в форме **bú**: **De si bú?** (Kde si bol?/Где ты был?), ... **buli zmo...** (... boli sme/мы были...), **Bulo ti to treba?** (Bolo ti to treba?/Тебе это было нужно?), **Bú som býval chlap!** (Bol som býval chlap!/Я раньше бывал молодец!).

В вопросительном местоимении **kde** пропускается согласный **k**: **De ideš?** (Kam ideš?/Куда ты идёшь?); **De se mám podet?** (Kam sa mám podiet'/Куда мне деться?), **De bulo – tam bulo...** (Kde bolo – tam bolo .../За тридцать земель, в тридцатом царстве ...), **De si?** (Kde si?/Где ты находишься?).

Вместо слов **doteraz, dakedy, voľakedy, doposiaľ, v minulosti** используется выражение **dosà, dosät** (doteraz/до сих пор): **To je už nije, ak dosà...** (To už nie je ako doteraz/Это уже не так, как раньше); **Dosät bývalo ak-tak...** (Doteraz bolo ako-tak/До сих пор было более или менее).

Прошедшее время глагольных форм мужского рода имеет форму с **-ié**: **robiéu** (robil/(он) работал), **chodiéu** (chodil/(он) ходил), **kúpiéu** (kúpil/(он) купил), **ušiéu se** (učil sa/(он) учился), **namošiéu** (namočil/(он) намочил, окунул), **stratiéu** (stratil/(он) потерял).

В другом типе глаголов конечное **l** в прошедшем времени мужского рода заменяется окончаниями **-ú, -óu, -iéu**: **chudnú** (chudol/(он) худел), **vädnú** (vädol/(он) увядал, исчезал), **blädnú** (bledol/(он) бледнел), **mohóu** (mohol/(он) мог), **kládou** (klädol/(он) клал), **honobiéu** (honobil/(он) копил, накапливал), **chodiéu** (chodil/(он) ходил) и др.

Притяжательные прилагательные и местоимения заканчиваются на **o**: **materino** (matkine/материно), **ocovo** (otcove/папино), **strikovó** (strýkove/дядино), **bratovo** (bratove/брата).

Притяжательные местоимения **moj, tvoj** в женском роде заканчиваются на **-ä**: **mojä** (moja/моя), **tvojä** (tvoja/твоя), **našä** (naša/наша), **vašä** (vaša/ваша), в среднем роде на **-o**: в среднем роде на **-o**: **mojo** (moje/моё), **tvojo** (tvoje/твоё), **našo** (naše/наше),

vašo (vaše/ваше).

Вопросительное местоимение ktorý здесь имеет форму **kotrí**: **Kotrí ste na šore?** (Ktorí ste na rade?/Который вы в очереди?).

Существительные среднего рода по образцу **srdce** заканчиваются на **-o**: **moro** (more/море), **polo** (pole/поле), **serco** (srdce/сердце), **pleco** (plece/плечо).

Окончание **-o** также встречается в формах 1-го лица повелительного наклонения глагола: **robmo!** (robme!/работаем!), **spievajmo!** (spievajte!/давайте петь! **Bojujmo!** (bojujme!/ давайте воевать!).

Аналогично, **-o** также присутствует в формах глагола 1-го лица множественного числа настоящего времени: **chodímo** (chodíme/ходим), **dojímo** (dojíme/доим), **varímo** (varíme/готовим), **murujemo** (murujeme/кладём).

В рамках указательных местоимений **ten**, **tento** и при склонении **возвратного местоимения** встречаются формы с гласным **-o**, **ó**: **tot** (ten/этот), **totot** (tento/этот), **zo sobóu** (so sebou/с собой), **za tobóu** (za tebou/за тобой).

Местоимение **on** здесь функционирует в форме **vuón** (od neho, gu nemu, gu néj, jemu...) (od neho, k nemu, k nej, jemu/от него, к нему, к ней, ему), но она (она), оно (оно), oni (они).

В вопросительных предложениях необычное междометие **hà?** используется как вводное слово, в конце предложения, чтобы подчеркнуть настойчивость вопроса: **De si bú, hà?** (Kde si bol, ha?/ Где ты был, а?), **Máte vodu, hà?** (Máte vodu, ha?/У вас есть вода, а?), **Chceš po rysku, hà?** (Chceš po rysku, há?/Хочешь получить по морде, а?).

После согласных в середине слов конечный гласный **-o** меняется на **-e**, **-uó**, **-ié**: **posel** (posol/посол), **osel** (osol/осёл), **potuók** (potok/ручей), **batuóh** (batoh/рюкзак), **kotel** (kotol/котёл), **loter** (lotor/сволочь), **oves** (ovos/овес), **ocet** (ocot/уксус), **deski** (dosky/доски), **popiél** (popol/пепел), **kostiél** (kostol/костёл, церковь).

Возникновение и функционирование таких слов, как **rožen** (ražeň/вертел), **rosca** (rasca/тмин), **loket** (laket'/локоть), **rosnúť** (rásť'/расти), **vloni** (vlani/в прошлом году), **rosocha** (rázsocha, rozdvojená vetva/развилина ветки).

В конце слов после согласных в относительных прилагательных меняется гласный **-e**, **-é** на **-ié**: **domácié** (domáce/домашние), **takié** (také/такие), **volskié** (volské/володые), **velkié** (veľké/большие), **teplíé** (teplé/тёплые), **tkanié** (tkané/тканое), **chorié** (choré/больное), **dobrié** (dobré/хорошее), **chodácié** (chodiace/ходячие), **spácié** (spiace/спящее) и др.

Слово **nie** произносится твёрдо и состоит из двух слогов: **nije**: **Ta to nije tak!** (Tak to nie takto!/Это нельзя так делать), **Nije si perší, ani pokoní!** (Nie si prvý, ani posledný!/Ты не первый, и не последний!), **Nije a hotovo!** (Nie a hotovo!/Нет и всё!).

Уменьшительно-ласкательные формы образуются с помощью суффиксов **-ok**, **-ik**: **ftášok** (vtáčik/птичка), **vlásošok** (vlások/волосок), **neborášok** (neborák/бедняга, бедняк), **žášok** (žiačik/ученик младших классов), **maznášok**, **maznášik** (maznáčik/баловень, любимчик), **mendišok** (mendík/мендик), **stromšok**, **stromík** (stromček/деревце), **kúšok**, **kúšik** (kúsok/кусок) и др.

Встречаемость слов с группой согласных šč: **ščastié** (šťastie/счастье, благополучие), **Ščikník** (Štítnik => názov mesta v okr. Rožňava/Штитник => название города в районе Рожнява), **ščepiť** štepiť/прививать), **ščiepať** (štiepať/колоть, рубить), **ščikat** (štikať/щипать), **príščik** (vyrážka/сыпь).

Слово **počkaj**, **počkať** имеет форму **doškaj** (počkaj/подожди), **doškat** (počkať/подождать): **Doškali zmo se aj dobrého...** (Dočkali sme sa aj dobrého.../Мы дождались и хорошего), **Kázau si mi doškat na lúke...** (Kázal si mi počkať na lúke/Ты мне приказал подождать на лугу).

Ассимиляция звуков происходит так же, как и в литературном языке. Звонкие согласные произносятся как глухие в конце слов и в середине слов перед глухими согласными и глухие согласные произносятся звонко перед звонкими: **dup** (dub/дуб),

hrap (hrab/граб), **mrás** (mráz/мороз), **rozkäs** (rozkaz/приказ, приказание), **kozba** (kosba/скос, покос), **prozba** (prosba/просьба), **chot** (Chod'!/Иди!), **prit** (pric) (Príd'!/Приди!).

Группы согласных в произношении упрощаются: **od oca** (od otca/от отца), **šťastlivá** (šťastlivá/счастливая), **prázni** (prázdniny/каникулы), **väší** (väčší/побольше), **céra** (dcéra/дочь), **mäki** (mäkký/мягкий), **bezubi** (bezzubý/беззубый), **do tíznä** (do týždňa/в течение недели).

Предлог **ku, k** произносится как **gu**: **Idem gu vám** (Idem k vám/Иду к вам), **gu svojim** (Idem k svojim/Иду к своим), **gu statku** (k statku/к скотине), **gu vojsku** (do armády/в армию), **gu richtárovi** (k richtárovi/к старосту деревни), **gu materi** (k mame/к маме).

Перед согласным **-š** в некоторых формах глагола вставляются **j, n**: **najšou** (našiel/(он) нашёл), **dojšou** (došiel/(он) дошёл), **viňšou** (vyšiel/(он) вышел).

Вопросительное местоимение **čí?** произносится как: **ší?** (čí?/чей?), **šijo?** (čie?/чьё?).

Наречия **hore-dole** имеют форму **hor-dlôu** (hore-dole/туда-сюда, взад и вперёд), **horkát-dlôukát** (hore-dole/туда-сюда, взад и вперёд): **Spust ho dlôu niši** (Spust' ho dolu nižšie/Спусти его вниз ниже), **Chod horkát na šop!** (Chod' hore na šopu/ Иди вверх на чердак!) Используется также форма **hore**: „**Hore ho!**“ („Zdvihnite ho hore!“/ „Поднимите его вверх!“).

В слове **len** конечный согласный меняется на **m**: **lem** (len/только, лишь), **lemže** (lenže/только, однако), **lem bi** (len by/лишь бы), **lem telo** (len toľko/лишь только).

Существительные по образцу **dievča** имеют во влаховском диалекте окончание **-e** (твёрдое **-še, -se, -le, -de**): **diéuše** (dievča/девушка, девочка), **chlapše** (chlapec, chlapča/мальчик, парень), **ftáše** (vtáča/птенец), **psiše** (psíča/сабачонка), **maše** (mača/котёнок), **prase** (prasa/свинья), **kozle** (kozl'a/козлёнок), **tele** (tel'a/телёнок), **mláde** (mlád'a/детёныш).

Вопросительные и неопределённые местоимения **prečo, načo, začo, dačo** произносятся **bez koncového -o без конечного -o**: **preš** (prečo/почему), **naš** (načo/зачем), **zaš** (začo/зачем, почему), **daš (dašo)** (dačo/что-нибудь, что-либо) (Kováč, 2016, с. 164 – 166).

Выводы

Среднесловацкий характер гемецких диалектов с практической и современной точки зрения обусловлен следующими явлениями:

а) резкий контраст количества в Гемере, особенно в самой восточной Сланской долине Гемера между Добшиной и Рожнявой, даже по сравнению с остальной частью среднесловацкого языка, а также с литературным словацким языком, является преувеличенным, чрезмерным, поскольку, например, в нём обычно много долгих гласных и дифтонгов сверх обычного среднесловацкого употребления.

б) В Гемере ещё сохранились среднесловацкие маргинальные **ä, à**, в Спише же ситуация совершенно иная и вместо них звучат другие звуки.

в) В самом восточном Гемере, в северной части Сланской долины, всё ещё представлен согласный звук **č**, а в южном Гемере уже **š**, в соседнем Спише, в Гнилецкой долине и в Грановнице только **č (čo – čítac – mačka)** (čo/что – čítac/читать – mačka/кошка).

г) В Сланской долине ещё присутствуют среднесловацкие **t', d'**, но в Гнилецкой долине и в Грановнице в соседнем Спише уже проявлено выразительное восточнословацкое **cekanie** и **dzekanie**, разница в изоглоссах **robit'/robic** (pracovať/работать), **platiť/placic** (platiť/платить) и **d'iví/zivi** (divý/дикий), **d'eti/zeci** (deti/дети).

д) В Гемере, а также в Сланской долине на самом востоке, в словах типа **predok** (predná časť, нарр. domu/передняя часть, напр. дома) – **pond'elok** (pondelok/понедельник)

– **xlapšok** (chlapček/мальш, мальчишка) всё ещё присутствует выразительное среднесловацкое **-ok**, но в Гнилецкой долине и в Грановнице в соседнем Спише уже встречается типичное восточнословацкое **-ek**, и, таким образом, **predek** (predná časť, napr. domu/передняя часть, напр. дома) – **ponzelek** (pondelok/понедельник) – **xlapček** (chlapček/мальш, мальчишка).

е) В Гемери, а также в Сланской долине обычно используется типичное гемерское окончание **-mo**, например: **mámo** – **žijemo** (máme – žijeme/у нас есть – мы живём), а также **pomo** – **robmo** (pod'me – robme/пойдём – поработаем) и потом ещё **ket** (keď/когда), **keďi** (kedy/когда), **ftedi** (vtedy/тогда), **kebi** (keby/если бы) в соседней Гнилецкой долине и в Грановнице в Спише.

ж) Также наблюдается резкая разница в количестве слов со среднесловацкой формой в Гемере и восточнословацкой формой в Спише.

Многие другие среднесловацкие явления уже не встречаются в таком виде на всей территории Гемера, поскольку они распространены только в меньшей или большей его части, тогда как в другой, оставшейся части Гемера уже наблюдается восточнословацкая форма этих явлений. В этом направлении переходный характер Гемера между центрально- и восточнословацким диалектом наиболее очевиден, поскольку в Гемере, помимо наиболее типичных среднесловацких явлений, встречаются и некоторые восточнословацкие.

В целом можно прийти к выводу, что сами гемерские диалекты имеют много типичных и отличительных черт и явлений, которые не встречаются в других, даже соседних, среднесловацких диалектах, которые больше нигде в Словакии не встречаются в том же состоянии и расположении, как в гемерском. Таким образом, Гемер является в значительной степени типичным среднесловацким регионом с особыми гемерскими диалектами, относящимися к наиболее самобытным и одновременно наиболее удалённым как от литературного словацкого языка, так и от других диалектов.

Что касается процессов словообразования, то хочется отметить, что в Сланской долине больше всего восточнословацких элементов, поскольку она тесно соседствует с Гнилецкой долиной в соседнем восточнословацком Спише. Оттуда на запад эти элементы уменьшаются, но в некоторых случаях сохраняются по всему Гемеру.

Не будем забывать о языке наших предков, не будем стыдиться использовать его, это наше наследие. До недавнего времени существовал хороший обычай, традиция или неписаное правило, что когда встречались два человека из Гемера, например, в Братиславе, они начинали разговаривать друг с другом на диалекте своей деревни. Это сплачивало их на основе доверия и согревало их сердца чувством принадлежности к месту их рождения. На сегодняшний день, к сожалению, это становится скорее исключением, и лишь немногие молодые люди говорят на этом диалекте. Его поддерживают представители среднего и старшего поколения, поэтому он сохранился только в деревнях.

Влаховский диалект является составной частью словацкой культуры, он принадлежит к нашей жизни. Наша задача – постараться сохранить его для будущих поколений. Сланска долина уникальна тем, что в каждой деревне от Рожнявы до Добшиной говорят на своём диалекте. Влаховский диалект, как диалект верхнего Гемера, является его неотъемлемой частью. Благодаря такому разнообразию диалектов Сланская долина уникальна в Словакии, а возможно, и в мире.

References:

1. Brusničan, M. (1987) Juhovýchodná rečová a nárečová hranica stredného Gemera. *Vlastivedné štúdie Gemera* 5.
2. Diweg-Pukanec, M. (2024) Notes on the semantic development of Old Church Slavic *pravъ* and *rovaniję*. In: *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 75, 2, pp. 175 – 185.

3. Duleba, M., Dulebová, I. (2023). Metamodern urban experience in the anthology of toponymic prose V Pitere zhit'. In: *World Literature Studies*, 15(1), pp. 23 – 35.
4. Jankowiak, M. (2021) Slovanské dialekty v jazykovém kontakte. Nářeční lexikum v pomezích oblastech v minulosti a současnosti. Praha: Slovanský ústav.
5. Korina, N. (2024) Etymologizing the Phrasemes: Some Problems and Goals. In: *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 75, 2, pp. 226 – 240.
6. Kováč, J. (2016) Spevy spod Stromiša I. diel. Rožňava: Roven.
7. Krajčovič, R. (1988) Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
8. Králik, L. (2020) Etymológia a nárečová lexikografia (na materiáli Slovníka slovenských nářečí). Bratislava. VEDA, vydavateľstvo SAV.
9. Tóbič, Š. (1957) Členenie a charakteristika gemerských nářečí + 6 máp. In: *Jazykovedné štúdie, 2. Dialektológia*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, s. 86 – 120.
10. Tóbič, Š. (2018) Gemerské nářečia I. Časť prvá. Úvod – členenie – charakteristika. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.
11. Orlovský, J. (1982): Gemerský nárečový slovník. Martin: Osveta.

Sources:

- Arany, A. L. (1936) Nářečia doliny Slanskej. Carpatia, I.
- Bakoš, S. (1994) Krátky slovník nářečia slovenského gemerského podľa Dr. Samka Bakoša. Bratislava: PRINT-SERVIS.
- Balleková, K. a kol. (2006) Slovník slovenských nářečí II. (L – P). Bratislava: VEDA.
- Balleková, K. a kol. (2021) Slovník slovenských nářečí III. (P – R). Bratislava: VEDA.
- Bendík, Š. a kol. (2021) Vlachovský slovník nárečových slov. Bratislava: ExpresTlač.
- Buffa, F. a kol. (1994) Slovník slovenských nářečí I. (A – K). Bratislava: VEDA.
- Králik, L. (2015) Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA.

Information about the Authors:

Gallo Jan (Nitra, Slovakia) – PhD., Associate Professor of the Department of Slavic Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Arts.

E-mail: jgallo@ukf.sk

ORCID ID: 0000-0001-7113-9235

SCOPUS ID: 57956653600

His research fields include: systemic linguistics, text linguistics, methodology of teaching the Russian language for foreigners, intercultural communication, and business communication.

Acknowledgements:

The article is funded by the EU NextGenerationEU through the Recovery and Resilience Plan for Slovakia under the project No. 09I03-03-V04-00670 Inverted Morality: Reversed Semantics in Old Church Slavonic Moral Words (OXYMORAL).

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-72-81

УДК (UDC) 81-119

Anzhela A. Demianiuk.,

Kafkas University,

Kars, Turkey

Isayev Khurshud B.,

Kafkas University,

Kars, Turkey

Демьянюк Анжела А.,

Кавказский университет

Карс, Турция

Исаев Хуршуд Б.,

Кавказский университет,

Карс, Турция

For citation: Demianiuk Anzhela A., Isayev Khurshud B., (2025).

Creative Writing in Teaching Russian to Foreign Students.

Cross-Cultural Studies: Education and Science,

Vol. 10, Issue I (2025), pp. 72-81 (in USA)

Manuscript received 21/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

CREATIVE WRITING IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS

ТВОРЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Abstract:

Writing belongs to the effective types of speech communication, as its task is to realize the graphic fixation of speech and to write a text independently. Therefore, writing should be considered both as a form of organization of foreign language learning and as a learning task of educational purpose, since the student develops the ability to create a written work independently, which confirms full mastery of a foreign language. The article considers the conditions of effectiveness of methods of teaching writing, producing the skills of writing text messages and based on the application of important methodological approaches to teaching writing. The importance of essay writing as a universal type of written work in foreign language teaching is pointed out. Execution of creative written works helps to reveal students' creative abilities, individualization of speech, development of communicative skills. The article describes the methodology of teaching creative writing in the process of learning Russian as a foreign language, based on the conclusions of scientists and methodologists on teaching writing in the study of foreign languages, as well as on their own experience of teaching Russian as a foreign language. The theme of creative works is offered, contributing

to the development of speech, imagination, culture of speech communication, increasing vocabulary, stimulating the thinking process. Effective ways of developing students' procedural motivation in learning to write in a foreign language are the so-called writing for fun, keeping a Diary about oneself, and writing a letter as one of the generally recognized forms of learning that can be applied at the first stages of language learning. The instructor's instructions for writing essays and methodological recommendations for checking and evaluating creative works are described, which is also an essential aspect of teaching writing to foreign students. It is noted that teacher attention to each of the stages of essay writing will benefit the overall creative writing process.

Keywords: writing, teaching, foreign students, Russian as a foreign language, creative abilities, language learning, written compositions, speech development, speech activity

Аннотация:

Письмо принадлежит к эффективным типам речевого общения, так как его задача заключается в реализации графического фиксирования речи и в самостоятельном написании текста. Поэтому письмо нужно рассматривать и как форму организации обучения иностранному языку, и как учебное задание образовательной цели, поскольку студент развивает умение самостоятельно создавать письменную работу, что подтверждает полное владение иностранным языком. В статье рассмотрены условия эффективности методов обучения письму, вырабатывающие навыки писать текстовые сообщения и основывающиеся на применении важных методических подходов к обучению письму. Указано на важность написания сочинения как универсального вида письменной работы по обучению иностранному языку. Выполнение творческих письменных работ способствует выявлению у студентов творческих возможностей, индивидуализации речи, развитию коммуникативных навыков. В статье описана методика обучения творческому письму в процессе изучения русского языка как иностранного, опирающаяся на выводы ученых и методистов по обучению письму в изучении иностранных языков, а также на собственный опыт преподавания русского языка как иностранного. Предложена тематика творческих работ, способствующая развитию речи, воображения, культуре речевого общения, возрастанию словарного запаса, стимулированию процесса мышления. Действенными способами развития процессуальной мотивации студентов в обучении письму на иностранном языке являются так называемое письмо для развлечения, ведение Дневника о себе, а также написание письма как одной из общепризнанных форм обучения, которое можно применить на первых этапах изучения языка. Описаны инструкции преподавателя к написанию сочинений и методические рекомендации по проверке и оцениванию творческих работ, что также является существенным моментом обучения письму иностранных студентов. Отмечено, что внимание преподавателя к каждому из этапов написания сочинения принесет пользу общему процессу творческого письма.

Ключевые слова: письмо, обучение, студенты-иностранцы, русский язык как иностранный, творческие способности, изучение языка, письменные сочинения, развитие речи, речевая деятельность

Введение

Письмо представляет собой прежде всего продуктивный вид речевой деятельности, поскольку его цель – обеспечить графическую фиксацию речи, создать текст. Это не только «общий закрепитель», или «письменное подкрепление», «интегратор умений» для обучения другим видам речевой деятельности, *средство* обучения иностранному языку, но и *цель* обучения. Студент развивает умение самостоятельно создавать письменное сообщение – именно это будет свидетельствовать о полном и совершенном владении иностранным языком.

Методисты определяют письмо как «самый сознательный и медленный» вид речи [5, с. 14], самый трудный для освоения в процессе обучения языку как иностранному. Тесная и активная связь письма с другими видами речевой деятельности позволяет называть его центральным видом, «поскольку он в равной степени зависит от всех других, в равной степени концентрирует их в себе, а написанный текст может считаться продуктом одновременного функционирования всех четырех видов речевой деятельности» [5, с. 15].

Теоретические основы методики обучения письму на иностранном языке в школах и высших учебных заведениях исследовали многие языковеды, в частности, К.Я. Кусько, С.Ю. Николаенко, О.Б. Тарнопольский, Н.С. Скляренко, Л.К. Мазунова, Г.Ф. Кривчикова, О.В. Пинская, Л.С. Панова, И.Ф. Андрейко, И.А. Зимняя, Н.И. Гез, В.Н. Рахманинова и др. Они достаточно четко очертили и обосновали психологические, психолингвистические, социолингвистические и лингвистические особенности письма; специфику лингвистической, социолингвистической, прагматической, предметной, формально-логической и паралингвистической компетенции в этом виде речевой деятельности; главные факторы, влияющие на формирование речевой компетенции в письме; совокупность умений и навыков, необходимых для овладения письмом, и этапы их формирования; типологию упражнений для обучения и т.д. Некоторые ученые анализировали приемы обучения отдельным видам письменных работ, а именно: конспектирования (В.П. Павлова), написания научных работ (Т.В. Яхонтова, А.Н. Барыкина, В.П. Бурмистрова, В.В. Добровольская, А.Г. Цыганкина), документации (Н.В. Зинукова), академического и творческого письма (О.Б. Тарнопольский, С.В. Литвин) и др. Согласно требованиям Общеввропейских рекомендаций по языковому образованию, новейших достижений русских, польских, английских, немецких методистов по преподаванию языка, наконец, требованиям времени, исследователи начали активно уделять внимание осмыслению обучения творческому письму.

Цель статьи – описать методику обучения творческому письму в процессе изучения русского языка как иностранного. В ходе исследования будем опираться на выводы методистов по обучению письму в изучении иностранных языков, а также на собственный опыт преподавания русского языка иностранцам на гуманитарных факультетах.

Условия эффективности методов обучения письму

Обучение письму заключается в отработке техники письма и формировании умений создавать продукт письменной речи. Действия, направленные на формирование навыков письма, относятся к коррекции графики, усвоению правил орфографии, а также закреплению лексических и грамматических навыков. Важными для создания письменных текстов являются умения оформить текст, стилистические умения, умение выразить мнение в письменной форме, т.е. обеспечивать целостность (содержательную, композиционную, структурную), завершенность и адресованность текстов, композиционные умения [4, с. 192-193]. Именно в письме приобретает вес формально-логическая компетенция.

На начальном и среднем этапах обучения языку как иностранному письмо из вспомогательного средства, «поддерживающего» другие виды деятельности, перерастает в самостоятельный процесс, когда его можно использовать в информационной функции в «классических ситуациях» [6, с. 207], например: согласиться на участие в определенной акции и заполнить анкету участника; заполнить формуляр для получения визы; написать простые записки и письма; ответить на частную корреспонденцию; записать простую информацию в тетради или на карте для запоминания. Чтобы научить создавать большие по объему тексты, нужно включить в учебный процесс действия, направленные на овладение логико-информационной,

композиционно-логической структурой текста, ознакомление со способами изложения, жанровым разнообразием, развитие навыков контроля и редактирования [3, с. 173].

Обобщая трудности обучения письму на иностранном языке, опираясь на мировой опыт, О.Б. Тарнопольский и С.П. Кожушко определили условия, обуславливающие эффективность методов обучения письму. Это, в частности, такие:

- интегрированность с другими видами речевой деятельности;
- сочетание действий по развитию техники письма с учебными действиями для овладения умениями письма как вида речевой деятельности;
- использование различных по признаку коммуникативности / некоммуникативности видов упражнений для решения различных задач в обучении письму;
- рациональное применение упражнений с разной степенью управляемости (полностью управляемые, частично управляемые и упражнения с минимальным управлением);
- широкое использование информационных / компьютерных технологий, особенно для общения через Интернет и выполнения совместных проектов, поиска информации, для публикации студенческих письменных работ [5, с. 86-87].

Если эти условия способствуют обучению технике письма и самому письму как виду речевой деятельности, то следующие, выделенные учеными, касаются только выработки умений писать текстовые сообщения. На таком этапе нужно, как считают исследователи, подробно объяснять студентам особенности формата письменного текста, который они должны создать – его структуру, композицию, составляющие, средства выражения мнения, обеспечение единства и логической связности текста. Важно также научить их «генерировать и логически композиционно размещать идеи», формулировать их. Авторы предлагают по англо-американской методике привлекать разнообразные приемы, помогающие преодолевать трудности выражения мнений в письменной форме, а именно: свободное письмо, мозговой штурм, составление списка идей, визуальной карты будущего текста, плана текста и т.д. По мнению ученых, эффективным будет обучение письму и тогда, когда преподаватель совместит так называемое «корпоративное обучение» (приемы группового / командного письма, основанные на взаимопомощи и использовании общего потенциала студентов группы) с индивидуальным. Другие важные принципы эффективности обучения письму заключаются во внедрении проблемного метода в обучение письму как одного из элементов коммуникативного подхода; развитие у студентов процессуальной мотивации; рациональное использование основных методических подходов к обучению письму – текстовому, жанровому и процессуальному; внимание к жанровому разнообразию текстов [5, с. 100-101].

Сочинение как универсальный вид письма в обучении иностранному языку

Выделяют два главных вида письма – *практическое* и *академическое*. К практическому относятся такие жанровые типы текстов: деловые и частные письма, различные виды документов (заявление, объявление, резюме, автобиография, контракт и деловое соглашение, инструкция и т.д.). Это, действительно, практическое письмо, поскольку пригодится в профессиональной деятельности студентов-иностранцев. Академическое письмо – это разные произведения (эссе), статьи, отчеты, тексты докладов и презентаций, изложения-пересказы прочитанного или прослушанного и т.п., то есть все, что служит целям обучения. Отдельно или в составе академического письма методисты выделяют *творческое* или *креативное* письмо. Прежде всего речь идет о литературных жанрах: рассказ, очерк, пьеса, стихотворение и т.д. Студенты свободно пишут, опираясь на собственный опыт, используют свою фантазию и воображение. «Тем самым создаются лучшие условия для (...) личностного самовыражения и самоутверждения, то есть для развития процессуальной мотивации»

[5, с. 96]. Обсуждая мотивационную роль креативного письма в обучении иностранному языку, О. Тарнопольский и С. Кожушко отмечают и такие аспекты, как желание студента самовыразиться, повлиять на читателя – одноклассников или преподавателя – и тем самым утвердиться как личность. Выполнение творческих письменных работ способствует общей активизации учебного процесса, выявлению у студентов творческого потенциала, индивидуализации речи, развитию коммуникативных навыков, создает положительную учебную мотивацию, атмосферу сопричастности.

Универсальным видом письменной работы по обучению русскому языку как иностранному является *сочинение*. Оно предполагает самостоятельность исполнения, субъективный характер, несложность композиции. «Сочинение – это тип творческой письменной работы. При этом творческое письмо – это, по сути, мышление, которое требует сочетания следующих навыков: наблюдение, отражение, критика, анализ, рассуждение, коммуникация, сочувствие, креативность. Сложность написания сочинений для иностранных студентов состоит в том, что способы выражения мыслей и мнений зависят от культуры страны. Сочинения бывают нескольких видов: рассуждение, повествование, описание. При этом любая креативная работа предполагает элемент творчества (необходимо дать волю воображению)» [1, с. 64]. Опыт преподавания русского языка как иностранного свидетельствует о творческих усилиях студента именно в этом продукте письменной речи. Рассказы и очерки – креативное письмо, возможно, очевидно, только на старших курсах высшего учебного заведения. В обучении русскому и английскому языкам, как считают методисты, работу по креативному письму нужно начинать как можно раньше. Особенно это касается языкового заведения, где написание рассказов и очерков возможно после достижения элементарного уровня владения языком (A2 или B1), не позднее 2-го или даже 1-го семестра первого курса [5, с. 95-96].

Методически важные аспекты написания сочинений при обучении русскому языку как иностранному

Проследим некоторые методически важные аспекты написания сочинений при обучении русскому языку как иностранному. Прежде всего, обратим внимание на тематику творческих работ. Темы должны быть интересными, актуальными, восхищать воображение студента, стимулировать его к творчеству и проявлению эмоций, соответствовать возрасту и интересам. Можно предложить студентам темы письменных работ в начале семестра. Темы студенты выбирают самостоятельно из предложенного перечня и выполняют, например, 10 работ на семестр как домашнее задание. Во время занятия сочинения часто становятся важным организационным моментом учебного процесса и опорой для обработки лексико-грамматического материала и развития речи. Каждая тема делится на микротемы, поэтому у студентов заметно увеличивается словарный запас, появляются новые темы для обсуждения или дискуссии. Студенты учатся конденсировать информацию, аргументировать, формулировать собственное мнение и выражать свое отношение к тем или иным вопросам. Обязательно среди предлагаемых тем должны быть профессионально ориентированные: это повышает мотивацию в обучении.

Темы сочинений следует подавать не бессистемно, а группируя по определенным разделам, а именно: *Мир; Моя страна; Россия; Я*. Темы необходимо приспособлять к будущей специальности. Для примера представим небольшой перечень тем для студентов-иностранцев факультета международных отношений: **Мир:** *Что я знаю о мировой организации НАТО (ЮНЕСКО, МАГАТЭ и др.)?; Терроризм в мире: причины, пути преодоления; ЕС: перспективы и недостатки; Страна, которой я восхищаюсь; Страна моей мечты; Моя страна: Международные отношения между моим государством и Россией; Выдающийся политический деятель моей страны;*

*Главные ценности индустрии в моей стране; Самые трагические страницы истории моей страны; **Россия:** День независимости России: исторический экскурс; Национальные символы России; Крупнейшие города России; **Я:** Места, где я хотел бы / хотела бы побывать; Фонд, который я организую в будущем; или перечень тем для студентов-филологов: **Мир:** Мой родной язык в мире; Культура, которая меня интересует; Мировой бестселлер; **Моя страна:** Лауреат Нобелевской премии – мой соотечественник-писатель; Выдающийся писатель прошлого / современности; Интересный обычай / традиция / праздник в моей стране; **Россия:** Природа России; Молодежь России: мой взгляд со стороны; **Я:** Книга, которую я когда-нибудь напишу; Трудности перевода: мой опыт; Российские обычаи, которые меня заинтересовали. В свое время ученые О.Б. Тарнопольский и С.П. Кожушко провели эксперимент, попросив студентов, обучающихся по специальности «Русский язык как иностранный» (IV курс), написать перечень названий сочинений, которые, по их мнению, были бы интересны для выполнения во время практического курса для студентов-иностранцев. Предложенные темы творческих работ существенно пополнили группу, касающуюся личности студента. Прежде всего, в перечне были темы, связанные с жизнью студентов, восприятием страны, язык которой они изучают, информацией о родной стране. Дополнением стали темы философского характера, например: *Для чего ты живешь?*; *Лучшие и худшие черты человека*; *Каким я вижу человечество спустя 100 лет?* и др., что, по мнению студентов, побуждало бы иностранцев к обдумыванию ответа, стимулировало их творчество.*

Методически полезно предложить студентам-иностранцам родственные темы, но оставить им возможность выбрать тему, созвучную их интересам или даже настроению. К примеру, сочинения, объединенные темами **Москва:** *Улица в Москве, которая мне нравится*; *Памятник в Москве, который мне нравится*; *Музей в Москве, который я знаю*; *Театр в Москве, который я хотел бы / хотела бы посетить*; **Осень:** *За что я люблю осень*; *За что я не люблю осень*; *Это еще не настоящая осень*; *Осень – это не печальная пора*; **Описание предмета:** *Моя любимая чашка для кофе / чая*; *Картина, висящая у меня на стене*; *Фото на моем письменном столе*; *Мой мобильный телефон*; *Мой компьютер*. Этот фактор самостоятельного выбора приведет к большему стимулу самовыражения студентов и, безусловно, повлияет на качество работы.

Действенными способами развития процессуальной мотивации студентов в обучении письму на иностранном языке, по мнению О.Б. Тарнопольского, является так называемое *письмо для развлечения* и ведение *Дневника о себе*. Среди предложенных приемов письма для развлечения назовем такие: превращение абсурдного текста в «нормальный»; написание абсурдного текста самими студентами как задача для своего партнера; превращение нормального текста в абсурдный; последовательное написание коллективного рассказа («*мяч фантазии*»); написание рассказов из собственной жизни, из которых можно вывести мораль, или иллюстрации-рассказы к пословицам; написание сказок о «приключениях» вещей в комнате; написание эссе или рассказов, в которых внимание концентрируется на одном определенном действии; составление коротких киносценариев комедийных эпизодов, игра в буриме (написание забавных четверостиший на заданные рифмы) и др. Письмо для развлечения, по мнению названного исследователя, нравится обучающимся, превращает этот вид речевой деятельности в удовольствие. Оно «приучает играть с языковыми средствами, обеспечивая нужный коммуникативный эффект, то есть формирует авторское отношение к языку и его использование в коммуникации (...), оказывает и большое влияние на развитие личностей обучающихся: их фантазии, интеллекта, чувство юмора, умение самовыражаться и т.д.» [5, с. 237-238]. Считаем, что некоторые из этих приемов, особенно написание рассказов, эссе, обработка пословиц, сказки, следует

использовать при обучении письму на русском языке как иностранном прежде всего в среде будущих филологов, профессия которых связана с русским словом.

Другим креативным приемом является написание *Дневника о себе* [5, с. 244]. Студенты в таком дневнике пишут о своих проблемах, фиксируют соответствующие наблюдения, психологический и эмоциональный опыт, описывают жизненные ситуации и выражают свое отношение к ним, дают оценку. Эффективность такой работы обусловлена, в первую очередь, естественным человеческим интересом, важностью собственной жизни и психологических проблем, потребностью их обсуждения. Тематика может быть, например, такая: *Пять дней в Москве; Москва близкая и неизвестная; Москва родная и чужая; Каникулы в столице России; Мои путешествия по России; Мои впечатления от встречи с Россией* и т.д. Эти сочинения самостоятельны, читать их приятно: студенты наблюдательны, пишут вдумчиво, искренне выражают свои мысли, эмоциональное изложение, с юмором. Поскольку студенты пишут сочинения длительное время (несколько дней или даже недель), при оценке видно продвижение в изучении языка, умении выражать свои мысли.

Одной из общепризнанных форм обучения является написание письма. Исследователи утверждают, что «это королева письменных форм, поскольку является наиболее частотным, популярным, а также наиболее известным и близким способом письменного общения» [7, с. 130]. Написание письма – прием обучения одновременно и практического, и творческого характера. Эта форма работы может начинаться на первых этапах изучения языка. Сначала это могут быть короткие записки друг к другу в классе (с обращением и подписью), письма по представленным ключевым словам или элементам содержания, позже – письма-ответы на объявления в печати [6, с. 208-209]. На высших этапах обучения языку можно давать, например, такие задания: *Напишите письмо другу, Напишите письмо своему потомку* и др. Методисты часто советуют конкретизировать задания, сделать тему близкой, знакомой, реальной, например, ответить на письмо, приготовленное заранее, написать письмо сидящему рядом другу или подруге, но на тему, важную для обсуждения, скажем, о праздновании Нового года, о курсе, о новых друзьях, о городе и т.д. Уместным в теме письма будет и юмор. Эффективными заданиями можно считать написание на бумаге электронных писем, «эсэмэсок» определенного объема и содержания, а дополнительными упражнениями для отработки орфографических, грамматических и пунктуационных навыков письма – работа с распечатанными на бумаге электронными письмами и т.д.

Как и при обучении другим видам речевой деятельности, большое значение приобретают инструкции преподавателя к выполнению тех или иных заданий, которые составляют не что иное как описание речевых ситуаций, сообщающих социально-коммуникативную роль, определяют содержательную ткань сочинения, описывают условия общения. Для примера приведем задания, взятые О.Б. Тарнопольским для иллюстрации из зарубежных учебников:

Представьте, что Ваш автомобиль сломался в пустынном месте вечером и Вам придется переночевать в нем. Однако Ваши друзья начали волноваться и обратились в полицию. Их попросили описать особенности Вашего облика и одежды. Напишите описание самого себя, как это могли бы сделать Ваши друзья;

Редакция студенческого журнала попросила своих читателей прислать краткие эссе с изложением своих представлений и мыслей о том, какую работу и карьеру они сочли бы идеальными для себя. Не забудьте указать в своем эссе детали о заработной плате, времени работы и ее условиях, Ваших служебных обязанностях [5, с. 234-235].

Другие задания таковы: *Какова будет жизнь в 2028 году?; Дом или квартира моей мечты; Важнейшее достижение в Вашей жизни; Что бы я сделал, если выиграл бы большую сумму денег в лотерею?* Показательно, что представлены не только темы социально личностного, а то и провокативного характера, но и формы проведения

дальнейшей работы с написанным текстом (коллективное обсуждение, дискуссия). Такой подход связывает письмо с другими видами деятельности.

Описанные инструкции составляют предварительную работу к написанию сочинений. Итак, речь идет о «планировании и организации» письма, без которых, как считают методисты, будет так называемое «написание с воздуха» [8, с. 242]. Предварительная работа включает подготовительные упражнения, языковую и стратегическую обработку темы, а последующая – этапы исправления и оценки письменного текста, презентацию и обсуждение. Внимание преподавателя к каждому из этих этапов принесет пользу общему процессу творческого письма, а игнорирование приведет даже к ошибочному выводу о низкой подготовке студентов-иностранцев. Конкретность форм и методов работы с творческим текстом зависит от многих факторов: темы творческой работы, жанра, формы текста (описание, повествование, размышление), этапа обучения, количества студентов и т.д.

Проверка и оценка творческих работ – также важный момент обучения письму. Прежде всего, нужно донести до студентов еще в начале курса требования по оформлению письменных работ. Эти требования должны выработать в них этикет письма как написанного вручную, так и печатного (наличие отступов со всех сторон страницы, интервал, исправление, шрифт и т.п.). Важно заранее определить и довести до сведения студентов объем работы, продуманные по этой теме требования по содержанию и шкале оценивания. Оценивают сочинение по многим критериям: качество выполнения задания (содержание, объем, композиция, форма), лексика, грамматика, стиль, орфография, пунктуация. Оценка позволяет уточнить студенту его сильные и слабые стороны в этом виде речевой деятельности. Рецензия-комментарий преподавателя после оценки позволяет привлечь студента к дальнейшему обучению [8, с. 251]. Проверая письменную работу студента-иностранца, нужно установить свою «цену ошибки» [2, с. 129] и помнить, что мы учим их прежде всего письму, а не грамоте. Меньшее значение приобретают орфографические и пунктуационные ошибки, остаются «замеченными» ошибки грамматические, ведь именно они могут помешать адекватному пониманию текста. Методисты советуют объединить при проверке текстов графическую и словесную системы исправлений, то есть выделять разные по типу ошибки разными (но последовательно теми же) цветами и использовать словесные сокращения в соответствии с типом ошибок. На высших этапах обучения письму стоит лишь указывать на ошибку, но не исправлять ее, а оставить этот полезный труд – обдумывание характера ошибки и правильной формы – для самого студента-иностранца. Последовательность в оценивании – вот главная черта этого этапа [8, с. 248-249]. Если ошибок в сочинении много, обязательным этапом выполнения творческой работы должна стать ее окончательная переписка с исправлением всех ошибок и учетом замечаний и указаний преподавателя. Стимулировать к обучению будут и презентация лучших сочинений перед аудиторией, и публикация в студенческой газете. Бесспорно, несмотря на негативные замечания, преподаватель всегда найдет, что сказать положительного после прочтения творческой работы студенту-иностранцу.

Заключение

Таким образом, письмо является и средством обучения иностранному языку, и целью обучения, так как студент вырабатывает навыки самостоятельно создавать письменную работу, что свидетельствует о совершенном знании иностранного языка.

В статье названы условия, выделенные учеными, которые обуславливают эффективность методов обучения письму. Одни из них содействуют обучению технике письма и самому письму как виду речевой деятельности, другие только вырабатывают умения писать текстовые сообщения. По англо-американской методике ученые рекомендуют задействовать многообразные подходы, которые помогают устранить

трудности выражения взглядов в письменной форме. По их мнению, можно назвать успешным обучение письму тогда, когда преподаватель будет сочетать приемы группового письма, базирующиеся на взаимной помощи, с индивидуальным письмом. Другие важные условия эффективности обучения письму основываются на применении проблемного метода как одного из элементов коммуникативного подхода, на целесообразном применении основных методических подходов к обучению письму.

Именно сочинение считается универсальным видом письменной работы по обучению русскому языку как иностранному. Оно предусматривает самостоятельное выполнение, индивидуальный подход, понятность композиции. Выполнение творческих письменных работ содействует выявлению у студентов творческих возможностей, индивидуализации речи, развитию коммуникативных навыков. В статье описана методика обучения творческому письму в процессе изучения русского языка как иностранного, опирающаяся на выводы ученых и методистов по обучению письму в изучении иностранных языков, а также на собственный опыт преподавания русского языка иностранцам. Большое значение необходимо придавать тематике творческих работ. Темы должны быть интересными, актуальными, стимулировать процесс мышления, вызывать яркие эмоции, развивать фантазию и воображение. В то же время сочинения способствуют развитию речи и культуре речевого общения. При этом у студентов существенно возрастает словарный запас, они учатся аргументировать, высказывать собственное мнение и излагать свой подход к данным вопросам. Важное значение имеют инструкции преподавателя к написанию сочинений. Проверка и оценка творческих работ – также значимый момент обучения письму иностранных студентов.

References:

1. Demianiuk Anzhela A., Isayev Khurshud B. (2024). Essay as a Way for Forming Creative Thinking of Foreign Students. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. Vol. 9. Issue 2 (2024). Pp. 61-70 (in USA).
2. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. (1978). *Metodicheskoe rukovodstvo dlya prepodavatelej russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moskva: Russkij yazyk. 135 s.
3. Kusko K.IA. (1996). *Linhvodydaktychna orhanizatsiia navchalnoho protsesu z inozemnykh mov u vuzi*. Lviv: «Svit». 228 s.
4. Tarnopolskyi O.B. (2006). *Metodyka navchannia inshomovnoi movlennievoi diialnosti u vyshchomu movnomu zakladi osvity*. Kyiv: Firma «Inkos». 248 s.
5. Tarnopolskyi O.B., Kozhushko S.P. (2008). *Metodyka navchannia studentiv vyshchykhnavchalnykh zakladiv pysma anhliiskoiu movoiu*. Vinnytsia: Nova knyha. 288 s.
6. Comorovska H. (2005). *Metodyka nauczania yezikov obcych*. Warszawa. 272 s.
7. Lipinska E. (2003). *Z polskim na Ty*. Krakow. 270 s.
8. Seretny A., Lipinska E. (2004). *Metodyka nauczania yazyka polskiego jako obcego*. Krakow. 320 s.

Information about the Authors:

Anzhela Demianiuk (Kars, Turkey) – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the department of Slavic languages and literatures Kafkas University (Kars, Turkey)

Spheres of research and professional interest: conceptology, speech culture, Russian as a foreign language and methods of teaching, Cross-Cultural Communication

E-mail: dem.anzhela@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7704-4157

Isayev Khurshud Bairam ohlu (Kars, Turkey) – Doctor of Philology Science, Professor, Professor of the department of Slavic languages and literatures Kafkas University (Kars, Turkey)

Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, Modern Russian literature, philological analysis of the text, etymology and history of words in the Russian language.

E-mail: hursutisa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-3833

Acknowledgements: *The authors expresses gratitude to the reviewers.*

Author's contribution: *The work is solely that of the authors.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-82-86

УДК (UDC) 37.016

Irina McGuinn

Moscow State Pedagogical University (MPGU),

Moscow, Russia –Australia

Макзуинн Ирина,

Московский педагогический

государственный университет(МПГУ),

Москва, Россия-Австралия

For citation: McCuinn Irina, (2025).

Integration of Methodological Principles of Experiential

Learning and Intensive Methods in the Design

of VR- Modules for Learning Russian as a Foreign Language.

Cross-Cultural Studies: Education and Science,

Vol. 10, Issue I (2025), pp. 82-86 (in USA)

Manuscript received 07/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

INTEGRATION OF METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF EXPERIENTIAL LEARNING AND INTENSIVE METHODS IN THE DESIGN OF VR MODULES FOR LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ИНТЕНСИВНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЕКТИРОВАНИЕ VR-МОДУЛЕЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РКИ

Abstract:

The article explores the potential of integrating the principles of experiential learning and G. A. Kitaigorodskaya's method of activating the potential of the individual and the collective into the design of VR/AR modules for teaching Russian as a second or foreign language. The study examines approaches to creating meaningful and effective educational experiences based on a communicative and activity-oriented approach and the possibilities offered by modern technologies.

Keywords: virtual reality, VR technologies, intensive methods of teaching Russian as a foreign language, Kitaigorodskaya's method, activation of personal and collective potential, experiential learning, Kolb's cycle

Introduction

The integration of virtual reality [VR] and augmented reality [AR] into the educational process provides educators with unique opportunities to simulate language environments that closely resemble real-life contexts. Modern technologies enable the creation of interactive scenarios where students not only study the language but also actively engage with the

cultural context through immersion in virtual spaces. Despite the evident potential of [VR] and [AR], there remains a need to substantiate their application in teaching Russian as a foreign language (RFL) with sound methodological frameworks.

This article examines the integration of two approaches: David Kolb's theory of experiential learning (1984) and G. A. Kitaigorodskaya's method of activating the potential of the individual and the collective (1986). The former emphasizes a learning cycle involving experience, reflection, and active experimentation, while the latter focuses on intensive immersion in the language environment through emotionally rich and communicative tasks. By offering a safe experimental space, [VR] can serve as an ideal platform for synthesizing these methods to create a more meaningful and effective learning process.

Kolb's Principles of Experiential Learning

David Kolb's experiential learning model is built on the following foundational stages:

1. **Concrete Experience:** Immersion in practical activities.
2. **Reflective Observation:** Discussion and analysis of the experience.
3. **Abstract conceptualization:** Deriving conclusions and understanding underlying principles.
4. **Active Experimentation:** Applying newly acquired knowledge in novel situations. [2]

This cycle accentuates how experiences and the surrounding environment shape the learning process. In the context of [VR] and [AR], these technologies influence each stage of the learning cycle, providing new experiences and fostering more effective RFL education.

Viljo Kohonen, a proponent of Kolb's experiential learning and author of *Experiential Learning in Foreign Language Education*, highlights the connection between emotional involvement, context, and active participation in language acquisition. These elements are attainable through VR technologies. [3]

Kitaigorodskaya's Method of "Activating the Potential of the Individual and the Collective" in VR

Developed in the 1970s, G. A. Kitaigorodskaya's method belongs to the intensive methods of language teaching. It is based on a communicative and activity-oriented approach, aiming to activate students' learning through role-playing, games, and communicative tasks. The method's emphasis on solving real-world problems and creating an emotionally rich language environment makes it highly relevant to RFL education, especially in conjunction with [VR].

Key principles of Kitaigorodskaya's method include:

1. **Person-Oriented Communication:** Rooted in A. N. Leontiev's "Activity Theory" and L. S. Vygotsky's concept of the Zone of Proximal Development (ZPD), this principle highlights the importance of interaction in the learning process and the creation of favorable conditions that foster natural skill development. The focus is on the individual, with the learning process centered on interaction between students, rather than solely with the material.
2. **Role-Based Learning:** The educational process integrates trust-based communication and play activities, enabling students to develop communicative competence through repeated practice and self-expression within a "protective mask."
3. **Group Interaction:** Collaborative work is grounded in cooperation, mutual assistance, and co-creation. Communication is viewed as both a group activity and a role-playing exercise, where participants rehearse various communicative situations, enhancing interpersonal skills.
4. **Concentrated Learning Process:** Educational materials are organized to ensure meaningful and communicative coherence both during lessons and in teaching aids.

5. **Multifunctionality:** This principle involves dual-purpose goals, where instructors guide students indirectly toward their achievement. The spiral model of instruction—from whole to part and back to whole—reflects a dynamic approach to presenting material, progressing from complex to simple: synthesis 1 – analysis – synthesis 2. [1] Kitaigorodskaya’s method demonstrates significant potential for integration with VR technologies, facilitating active learning through emotionally rich dialogues, holistic language blocks, and interactive tasks—critical for RFL instruction outside the language environment.

Combining Approaches in VR

Virtual reality is ideally suited for implementing Kolb’s experiential learning and Kitaigorodskaya’s activation method. It creates a safe and realistic space for experimentation, allowing students to immerse themselves in new language environments, reflect on their experiences, and consolidate material.

Advantages of Integrating Methods in [VR]

- **Emotional Engagement:** Cultural immersion through VR enhances language retention. One of the key aspects of Kitaigorodskaya’s method is creating an emotionally rich environment through real-life scenarios where learners feel motivated and engaged. [VR] amplifies this effect with visual and auditory stimuli. For instance, participants might feel as though they are on a bustling Moscow street, in a café/restaurant, or in nature, making the process more captivating.
- **Depth of Learning:** Kolb’s experiential learning cycle helps process and solidify knowledge, transforming it into long-term skills.
- **Technological Advantage:** [VR] creates interactive, safe, and controlled environments for experimentation.
- **Safe Environment:** [VR] enables practice and mistakes without fear or judgment, fostering a secure atmosphere. Virtual reality offers avatar options ranging from neutral formats to virtual twins resembling one’s real appearance, allowing experimentation with looks. [4]
- **Process Dynamics:** [VR], as an inherently interactive and dynamic technology, aligns perfectly with the principles of experiential learning.

Example Scenario for [VR]:

- **Concrete Experience (Kolb) + Immersion through Dialogue (Kitaigorodskaya):** A learner is placed in a virtual environment, such as at a Trans-Siberian Railway station. They interact with characters using pre-provided phrases and new vocabulary, e.g., buying a ticket or asking for directions.
- **Reflection:** After completing the task, the learner returns to a virtual “classroom” to discuss their actions with the teacher and group. Dialogue recordings can be used for error analysis.
- **Conceptualization:** Learners identify grammatical and lexical structures they used and discuss how to apply them in other contexts, e.g., asking questions at a train station or in a café.
- **Active Application:** The VR environment presents a new scenario, such as explaining to a foreign tourist how to buy a ticket. This task is aimed at consolidating the acquired knowledge.

Challenges and Opportunities

Despite the widespread adoption of VR/AR in many schools and universities worldwide, there are certain technical and pedagogical challenges, mainly related to institutional budgets, availability of VR equipment, and teacher training. However, virtual

reality offers boundless possibilities for creating interdisciplinary frameworks that combine linguistic education, cultural studies, and immersion technologies.

Conclusion: The Future of Experiential Learning through Virtual Reality

Kitaigorodskaya's method, aimed at activating the potential of individuals and groups, is a powerful tool for teaching Russian as a foreign language. Its principles, such as learner-centered communication, role-based organization of learning, and group interaction, integrate seamlessly with innovative educational technologies. Combining this method with virtual reality opens up new opportunities for creating an interactive, emotionally rich, and cognitively significant educational environment.

The integration of David Kolb's principles of experiential learning into the design of VR modules is particularly significant. His learning cycle, which includes stages of experience, reflection, conceptualization, and active experimentation, becomes the ideal foundation for developing interactive VR solutions. These solutions go beyond "beautiful visuals" to transform the learning process into dynamic interaction with linguistic and cultural environments.

The synergy of Kitaigorodskaya's methodology and Kolb's approach in VR ensures a systematic approach to learning, where students not only immerse themselves in a virtual language environment but also meaningfully experience and analyze their progress. For instance, modeling dialogues or role-playing situations in VR contributes to both emotional engagement and deeper retention of language skills through the cyclical process of material acquisition.

Thus, the future of teaching Russian as a foreign language lies in the synthesis of innovative technologies and time-tested methodological approaches. Integrating Kitaigorodskaya's intensive method and Kolb's experiential learning with the capabilities of virtual reality creates unique conditions for developing linguistic competence that meets the demands of the modern globalized world.

References:

1. Kitaigorodskaya G. A. "Methods of Intensive Foreign Language Learning," Moscow: Vysshaya Shkola, 1986, 103 pages.
2. Kolb David, "Experiential Learning," 1984 by Prentice-Hall, Inc., 256 pages.
3. Kohonen Viljo, "Experiential Learning in Foreign Language Education," Applied Linguistics and Language Study, 2014 by Routledge, 182 pages.
4. McGuinn I. V. "Further Insights into Virtual Reality: A Review of Research on Group Behavior in VR" DOI: 10.31862/06.2023

Information about the Author:

McGuinn Irina – expatriate, who lived in four countries, recently moved from the US to Australia, Russian language teacher at St Andrew Bogolubsky Russian Ethnic School in Sydney, has bilingual children of her own.

Academic interest: use of new technologies in education, virtual reality, and augmented reality in teaching bilingual and heritage children mother tongue or Russian as a foreign language. Postgraduate student at the Institute of Philology – Department of linguodidactics, RFL and bilingualism at Moscow State Pedagogical University, currently working on the dissertation: "Augmented and Virtual Reality as a Form of Environmental Approach to Teaching the Russian Language to Bilingual Children in the USA and Australia."

Published articles: 1. "Distant learning support in teaching children Russian as a foreign language.", MPSU DOI: 10.31862/9785426310865 УДК 372.881.161.1 2. "Virtual Reality [VR] and Augmented Reality [AR] as means in teaching the Russian language.", Scientific and Practical Conference "Social and Pedagogical Innovations in Education" on Program "Ijevan Valley EdTech" Сборник УДК 37.013(082) ББК 74.6я43 С 692 3. "Virtual and Augmented Reality as Ways of Second Language Teaching in Limited Language Environments (Study Review).", МПГУ, 24.03.2022 4. "Application of the new technologies: Augmented Reality and Virtual Reality in Education." Cross-Cultural Studies: Education and Science, Vol. 7, Issue 2, (2022), pp.... in the USA) ISSN: 2470-1262 (Print) ISSN: 2831-4077(Online) 5. "Augmented reality App review for teachers" 10.37632/PI.2022.295.6.006 6. "Technologies Of Augmented and Virtual Realities: An Overview Of Applications And Platforms" DOI:10.31862/9785426312319 7. "Metaverse" Cross-Cultural Studies: Education and Science ISSN: 2470-1262 (Print), ISSN:2831-4077 (Online) Journal CCS&ES, Vol.8, Issue 1, 2023 8. "Further outlook on VR: study overview on group behavior in Virtual Reality" DOI: 10.31862/06.2023
irina.mcguinn@gmail.com

Acknowledgments: to my scientific director, professor Elizaveta Aleksandrovna Khamrayeva and the professors at the Institute of Philology – Department of linguodidactics, RFL, and bilingualism at Moscow State Pedagogical University for being my scientific mentors and coaches.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI:10.24412/2470-1262-2025-1-87-96
УДК (UDC) 37.015.3:159.944:316.4(045)

*Nekipelova Irina M.,
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Izhevsk, Russia
Некипелова Ирина М.,
Ижевский государственный технический
университет им М.Т. Калашникова,
Ижевск, Россия*

*For citation: Nekipelova Irina M. (2025).
Literature, pseudo-literature, non-literature:
on which the Spiritual and Social Responsibility
of a Poet and Writer is Based.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I, (2025), pp. 87-96 (in USA)*

*Manuscript received: 10/02/2025
Accepted for publication: 25/02/2024
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

**LITERATURE, PSEUDO-LITERATURE, NON-LITERATURE:
ON WHICH THE SPIRITUAL AND SOCIAL RESPONSIBILITY OF
A POET AND WRITER IS BASED**

**ЛИТЕРАТУРА, ПСЕВДОЛИТЕРАТУРА, НЕЛИТЕРАТУРА:
НА ЧЁМ ОСНОВАНА ДУХОВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ**

Abstract:

The article is devoted to the research of the modern literary process. The divergence of currently published texts allows us to talk about the heterogeneity of the literature. The study made it possible to divide modern texts into literature, non-literature and pseudo-literature. The author gives definitions of these concepts, their essence is revealed. The study compared data from religion, mythology and some sciences, that is psychology and philosophy. These data do not contradict each other. All these pictures of the world contain an idea expressed in different words. This idea is that the main task of literature is a person's knowledge of himself and his knowledge of the world through himself. The purpose of this knowledge is the spiritual development of a person, the formation of a moral core in him. In the research, the author contrasted literature with pseudo-literature, the purpose of which is to kill the spiritual principle in a person. The author showed the difference between literature that forms a person's consciousness and his spirituality, and pseudo-literature that destroys this consciousness and this spirituality. In the end, it was concluded that being a writer and therefore is a huge responsibility to oneself, to the reader and to society as a whole. The task of the writer is not to entertain the reader, but to direct him towards spiritual growth. Of course, it is impossible to count on the fact that humanity will arbitrarily and consciously return to reading classical literature and literature that continues classical traditions, at least in

the near future. But every thinking person has the right to grow spiritually, relying on literature.

Keywords: modern literary process, literature and pseudo-literature, writer's responsibility, knowledge of the world, conscious living of life

Аннотация:

Статья посвящена исследованию современного литературного процесса. Дивергентность публикуемых в настоящее время текстов позволяет говорить о гетерогенности литературы. Исследование позволило разделить современные тексты на литературу, нелитературу и псевдолитературу. Автором даны определения этих понятий, раскрыта их суть. В ходе исследования были сопоставлены данные религии, мифологии и некоторых наук – психологии и философии. Эти данные не противоречат друг другу. Во всех этих картинах мира содержится идея, коротая выражена разными словами. Эта идея заключается в том, что основной задачей литературы является познание человеком себя и познанием им посредством себя мира. Цель этого познания – духовное развитие человека, формирование в нем нравственного стержня. В ходе исследования автор противопоставил литературе псевдолитературу, цель которой заключается в том, чтобы убить в человеке духовное начало. Автор показал разницу между литературой, формирующей сознание человека и его духовность, и псевдолитературой, это сознание и эту духовность разрушающей. В завершение был сделан вывод, что быть писателем и поэтом – это огромная ответственность перед собой, перед читателем и перед обществом в целом. Задача писателя не развлекать читателя, а направлять его в сторону духовно роста. Безусловно, рассчитывать на то, что человечество самовольно и осознанно вернётся к чтению классической литературы и литературы, продолжающей классические традиции, по крайней мере в ближайшее время невозможно. Но у каждого думающего человека есть право духовно расти, опираясь на литературу.

Ключевые слова: современный литературный процесс, литература и псевдолитература, ответственность писателя, познание мира, осознанное проживание жизни

Введение

Литература является таким видом искусства, который способен определять мышление человека, и, как следствие, – принимать участие в формировании личности. Именно поэтому особое внимание необходимо уделять публикующимся как в печатном, так и в электронном виде текстам, являющимся литературой или только претендующей на то, чтобы ею быть. Особенно это актуально в условиях усиливающегося антропологического кризиса [7], суть которого заключается в потере человеком своей личности и своей идентичности в огромном, переполненном информацией мире.

Популярные в настоящее время курсы «развития личности», направленные на то, чтобы человек создал «лучшую версию себя», являются откровенным шарлатанством хотя бы уже на основе того, что человек, не соприкасающийся с истинным миром людей, никогда не сможет выразить себя по-настоящему, так как никто не имеет иного способа выражения себя, как делать это через людей, посредством людей и для людей. «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» – истина, высказанная Сократом (первая часть высказывания «познай самого себя», высеченная среди высказываний на воротах Дельфийского храма, была продолжена Сократом и развернула философию от мира к человеку) не потеряла значимости до сих пор, но, будучи истиной расхожей, передаётся от человека к человеку, однако при этом мало кто погружается в содержание этого высказывания с целью постигнуть его суть.

Разрыв, образовавшийся между восприятием человека самого себя и восприятием им мира, как будто общество не является совокупностью людей, провоцирует всё большее усиление антропологического кризиса. Преодолению этого

кризиса может способствовать литература, под которой понимаются далеко не все и далеко не любые изданные на том или ином языке тексты: у литературы, как вида искусства, есть свои задачи, она формирует мышление отдельных людей и общества в целом, в то время как псевдолитература управляет мышлением масс, контролирует его, направляет в определённое идеологическое русло, деформирует его и уничтожает. И человечество, как результат, не успев обрести «истинное человеческое лицо», впадает в антропологический кризис, теряя в себе человеческую природу творения.

Постановка проблемы

Литературный процесс не является линейным процессом, и литература, как и язык [8], будучи открытой диссипативной системой, характеризуется необратимостью, наличием энтропии, рассеивающей смысл, и негэнтропии, этот смысл концентрирующей. Эта характеристика литературы способствует её развитию: полностью контролировать литературный процесс и подчинять его чему бы то ни было невозможно, его можно лишь временно сдерживать.

Литература, являющаяся «продолжением» языка, перенимает важные у него черты, делающие её столь же влиятельной и столь же неуловимой, как язык. Как и язык, литература является мыслимым единством, и сложность её объяснения связана с тем, что её идея и суть, как идея и суть языка, «не могут быть представлены в материальной форме» [9]. И как развитие языка определяется языковой данностью и языковым потенциалом, так и развитие, и продолжение литературы определяется литературной данностью и литературным потенциалом. Литература, будучи всегда в основе своей национальной, создаёт литературное пространство, объединяющее всех говорящих том языке, на котором она написана, она и определяет его, и в то же время определяется им, поскольку «нация – это не простая совокупность её представителей, это личности, разделяющие одно культурное и языковое пространство» [6, с. 214].

Исследованию литературного процесса в современной проекции, но особенно в ретроспективе, занималось и занимается огромное число учёных. Однако большая часть научных исследований сосредоточена либо на индивидуальных особенностях стиля того или иного автора, либо на описании того, что происходит или происходило в литературе в целом. Безусловно, все эти исследования очень ценны и прежде всего с точки зрения сохранения как национального, так и общемирового литературного наследия. Однако, если в отношении многих авторов, писавших в прошлом, «жизнь уже показала» достойных (хотя надо сказать, что некоторые авторы были незаслуженно забыты или обойдены вниманием как критиков, так и читателей – по разным, конечно же причинам, как то, например, поэтессы Серебряного века – София Парнок, Зинаида Гиппиус, Мирра Лохвицкая, забытые на фоне всемирно известных Анны Ахматовой и Марины Цветаевой), то в отношении современных авторов споры о том, кто достоин считаться поэтом или писателем, а кто нет, ещё продолжаются.

Во многом споры о том, кто литератор, а кто нет, не разгорались бы так ярко, если бы в обществе было понимание, что такое литература и для чего она в человеческом мире существует, почему она, собственно, считается искусством. На первый взгляд кажется, что объективных ответов здесь нет и быть не может, и поэтому каждый взгляд субъективен. «Я художник – я так вижу» – именно этой фразой прикрывается каждый современный автор, отстаивая свои права (вопрос заключается лишь в том – права на что: на возможность творить в широком смысле этого слова или на возможность создавать искусство?). Однако ответы на эти вопросы есть, и они вполне объективны. Эти ответы были известны задолго до двадцать первого века – того времени, когда связь между сотворённым миром и творящим человеком оказалась утраченной. Ответы эти кроются везде – в науке и в мифологии, в религии и в философии, в психологии, и даже генетика, как отмечают учёные, вполне лингвистична. Все знания человека о мире говорят об одном и том же, но несколькими разными словами и

используя разные подходы. Однако суть – то общее, что они содержат в себе, – одна. Если обратить на это внимание, тогда можно если не в глобальных масштабах, то хотя бы в масштабах отдельно взятой личности приостановить антропологический кризис. Но для этого прежде всего необходимо поднять на поверхность и проявить то, что было сделано и сказано задолго до современного человека и восстановить связь времён и эпох. В этом и заключается актуальность заявленного исследования.

Таким образом, предметом исследования стало явление литературы как феномена человеческой деятельности в целом и явление современного литературного процесса в частности, объектом – понимание того, что является литературой и какое значение для человечества литература имеет. Цель исследования – показать разницу между литературой, формирующей сознание человека, и псевдолитературой, это сознание разрушающей.

Научная работа осуществлена на основе исследования мифологических и религиозных, философских, психологических и иных научных картин мира, а также в результате анализа современных текстов, написанных на русском языке.

Литература, нелитература и псевдолитература

Считается, увы, что каждый, кто взял «перо» в руки, уже литератор. Однако это утверждение настолько же верно, насколько верно то, что, что каждый взявший в руки кирпич – строитель, а взявший градусник – лекарь. Быть писателем и поэтом – это не только талант, но и огромная ответственность.

О принципах и сути литературы высказывались русские писатели и поэты, в том числе лауреаты Нобелевской премии по литературе. Так, А.И. Солженицын в своей нобелевской лекции сказал: «Есть такая особенность в сути красоты, особенность в положении искусства: убедительность истинно художественного произведения совершенно неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце» [13]. А.А. Ахматова говорила про А.И. Солженицына: «Он сумел открыть столько правды...» [5, с. 223]. Смежную мысль высказывал и А.Н. Толстой: «Искусство, как и наука, – познание жизни» [15]. Мы видим, что многие великие писатели видели смысл литературы в том, чтобы открывать и познавать жизнь.

Но литература – это больше, чем познание автором жизни и передача этого частного жизненного опыта читателю. Литература не просто передаёт чужой, авторский опыт – она вскрывает то, что принято называть смыслом человеческой жизни, – формирование и реализацию у читателя собственной устойчивой нравственной позиции посредством познания себя и своих человеческих возможностей. И. А. Бродский утверждал: «Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, её переживающего, лицом ещё более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо другого) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то хотя бы формой защиты от порабощения. Ибо человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии. Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее» [2]. Л. Н. Толстой в «Дневниках» (20 октября 1896 г.) писал: «Искусство – одно из средств различения доброго от злого», «Пророк, настоящий пророк, или, ещё лучше, поэт *поэта* (делающий), это человек, который вперёд думает и понимает, что люди и сам он будет чувствовать. Я сам для себя такой пророк» [16]. Следовательно, литература, будучи искусством, не предназначена на развлечения и пустого времяпрепровождения: цель её и смысл очень глубоки, и понимаются они настолько, насколько понимает их и готов понять читатель.

Недаром М.Ю. Лермонтов утверждал, что только великий читатель может по достоинству оценить великого поэта.

В связи со сказанным хотелось бы также вспомнить слова Энтони Бёрджесса. «Добро надо избрать. Лишившись возможности выбора, человек перестает быть человеком», – ради этого была написана Бёрджессом двадцать первая глава, не вошедшая в первое американское издание, но вошедшая уже в британское. В ней он показывает, что герой начинает выбирать добро. Сам Э. Бёрджесс в издании 1983 года пишет об этом так: «Двадцать первая глава приближает роман к настоящей художественной литературе, к искусству, основанному на том принципе, что человеческие характеры склонны меняться. В самом деле, зачем ещё писать роман, если не для того, чтобы дать своим главным героям возможность духовно вырасти и обрести мудрость... Если в художественном произведении характеры не получают развития, если они едва обозначены, оцепенелые, застывшие, неисправимые – это уже герои не романа, а басни или притчи. Так вот, американцы и зрители Кубрика знают басню, в то время как читатели в Британии и по всему миру читали роман» [1]. Идея, её раскрытие – это то, что делает текст не просто текстом, а художественным произведением, которое становится частью большой литературы.

Следовательно, опираясь на понимание великими писателями и поэтами того, что они делают, можно заключить, что в их понимании литература открывает правду, помогает отличить добро от зла, сформировать нравственный стержень и нравственные убеждения личности. Ни один из литераторов не говорит о том, что пишет в угоду публике и только для развлечения читателя. Быть писателем – это огромный труд и огромная ответственность, и труд этот заключается прежде всего в том, что, чтобы раскрыть правду – надо её увидеть, чтобы показать отличие добра от зла – надо его понять самому, чтобы указать на нравственные убеждения – надо самому научиться делать правильный нравственный выбор. Писать ради славы и денег – не есть удел действительно литератора, это есть удел разве что предпринимателя. И поэтому первым вопросом писателя к самому себе должен быть вопрос о причинах, приведших его к писательству. По воспоминаниям Ксенофонта, Сократ говорил: «Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и оберегает себя от несчастий» [12]. Это высказывание далеко от прагматики, под пользой для себя Сократ понимал пользу для своей души – занимать тем, что ты можешь, и не заниматься тем, что ты не можешь делать: «А то разве не очевидно, ... что знание себя дает людям очень много благ, а заблуждение относительно себя – очень много несчастий» [12]. То же самое мы встречаем у А.Н. Толстого: «Если вам писать противно, скучно, не пишите, – это всё равно получится скверно, фальшиво» [15]. Это отлично укладывается в то, о чём говорят: если можешь не писать – не пиши. Таким образом, во многом написанное определяется побуждающими писателя к творчеству причинами.

Психологи утверждают, что основой здорового психического состояния человека считается осмысленное проживание им жизни и осознание им реальности. Это положение психологи, однако, не взяли из ничего. Задолго до того, как психология сформировалась как наука, такое понимание бытовало как основа жизни нравственного и верующего человека. В православии – особой форме христианства, исповедуемой в России (православие в России представлено Русской православной церковью, старообрядческими объединениями, а также рядом неканонических православных организаций русской традиции), широко распространена молитва «Отче наш», в которой есть следующая строка: «...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго» – со ссылкой на Евангелие от Матфея (Мф.6:9-13) и Евангелие от Луки (Лк.11:2-4) [10]. Однако известно, что этот перевод был осуществлён с греческих

текстов, в то время как «по свидетельству Нового Завета арамейский был родным языком Иисуса из Назарета, и исследователи истоков христианства полагали, что обратный перевод высказываний Иисуса с греческого на арамейский может пролить новый свет на его личность и учение» [4]. Именно на арамейский язык переводилась еврейская Библия – «корпус книг Священного Писания иудаизма, также составляющий часть корпуса книг христианской Библии – Ветхого Завета. В иудаизме и христианстве эти книги признаются богодухновенными и обладающими высшим вероучительным авторитетом... В иудейской традиции, какой она известна нам с эпохи Мишны и Талмуда, Библия состоит из 3 частей: Тора (תּוֹרָה, Torah – Закон), Невиим (נְבִיאִים, Nebi'im – Пророки), Кетувим (כְּתוּבִים, Ketubim – Писания). Это деление многократно засвидетельствовано в раввинистической литературе, но, несомненно, намного старше её. Трёхчастное деление канона настолько значимо для иудаизма, что основным названием для Библии является слово «ТаНаХ» (תנ"ך). Это акроним, образованный начальными буквами слов «Тора», «Невиим», «Кетувим» (буква כ («к») в иврите в определённых положениях читается как «х»)» [11]. Этот факт навёл некоторых исследователей на ту мысль, что некоторые тексты, которые православные люди привыкли видеть в одном виде, могли исходно существовать в несколько ином. Так, Нейл Дуглас-Клотц предложил перевод указанной нами молитвы, в котором была следующая строка: «... но избавь нас от незрелости не пребывать в настоящем». Православная церковь, безусловно, такой вариант перевода и такую интерпретацию отвергает [3]. Мы не считаем возможным в рамках проводимого исследования доказывать или опровергать то или иное положение в отношении переводов с арамейского языка или на арамейский, нас интересует совершенно другое. Вольный перевод или пересказ, сделанный Нейлом Дугласом-Клотцем, не противоречит словам «и избавь нас от лукавого», особенно если учитывать, что «хитрость, коварство» человека, то есть лукавство, напрямую связано не только с обманом других людей, но и с самообманом, что, по сути, является искажением реальности. Следовательно, человек, обманывающий других и себя, искажает мир, который был создан Богом. В этом отношении православие и психология не противоречат друг другу, а дополняют друг друга: религиозный человек, то есть человек, достигший «царства божия на земле», отказывается от любого рода лукавства, так же как и психически здоровый человек не искажает реальность, а принимает её такой, какая она есть, то есть осознанно её проживает и достигает временного человеческого счастья. Об этом же самом говорит и древнее ведическое учение: мысль, порождающая эмоции, является чувством восприятия мира наряду с осязанием, обонянием, зрением, вкусом и слухом; отказ от эмоций позволяет человеку увидеть мир таким, какой он есть на самом деле, а не таким, каким он человеку кажется. Таким образом, и современная психологическая наука, и православная религия, и древнее восточное учение подводят нас к одному – к тому, что человек должен проживать свою жизнь осознанно, не искажая реальность.

В православии существует мнение о том, что литература – от лукавого, то есть от дьявола. Подобная точка зрения связана как раз с тем, что существуют такие произведения, которые искажают мир, при этом, конечно же, речь идёт не о частностях и деталях, то есть о том, что писатели выдумывают то, чего в действительности не было (в этом случае тогда следовало бы запретить всякое искусство вообще), а о том, что происходит искажение основ человеческого бытия и связи человека с богом. Литература в этом отношении является главным видом искусства, потому что книги написаны на языке, язык состоит из слов, а слову приписана особая функция – называть, то есть воплощать. С этой точкой зрения сложно не согласиться.

Если мы обратимся к русской литературной традиции, то увидим, что письменные тексты никогда не существовали на русской почве как развлекательные тексты: первоначально они имели церковный, летописный, законодательный характер, что никоим образом не может быть отнесено к литературе как к искусству, затем появились эпистолярные – тоже не литературные – тексты, и только впоследствии

зародилась собственно русская литература, никогда, впрочем, никого не развлекавшая, потому что поднимала вопросы сложные и глубокие – вопросы веры, политические и социальные проблемы, в конце концов – онтологические. Никто не берётся читать Ф.М. Достоевского или М.Ю. Лермонтова от нечего делать, никто не развлекается, читая произведения И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого. Этим всегда и была сильна и уникальна русская литература. Сила её заключалась в том, чтобы помочь человеку познать ту реальность, в которой он пребывает, а познание это невозможно в отрыве от самого человека, поэтому произведения русских писателей наполнены таким невероятным глубочайшим психологизмом, которому удивляются современные психологи.

Современные читатели, привыкшие к лёгкому «чттиву», склонны обвинять гениальных русских писателей в том, что те всё видели и показывали в чёрных тонах, как сейчас принято и модно говорить – в негативе. Но эти читатели, далёкие от истоков человечества и никогда ими не интересовавшиеся, не понимают, в чём заключается смысл каждой человеческой жизни, хотя ни одна религиозная и ни одна мифологическая картина мира тайны из этого не делают. Так, в Зоаре сказано, что, «когда Моисей поднимался на гору Синай чтобы сильнейшим образом подключиться к секретам Творца, секретам вселенной, путь ему преградили ангелы. Ангелы говорят Творцу, что нельзя давать людям эти секреты. Но Моисей объясняет, что именно тьма внутри каждого человека – то единственное место, которое позволяет преобразовать мир. Поэтому он выигрывает битву с ангелами и получает все секреты Вселенной, весь путь, по которому у нас есть заслуга идти» [14]. Познать тьму и преобразовать её в свет – вот задача каждого человека, вот смысл каждой человеческой жизни. И литература должна помогать человеку это делать, а не мешать ему, уводя от реальности.

Современному человеку нечего читать: классическую литературу он уже не понимает, а современная литература направлена на то, чтобы убить в нём душу. В настоящее время в мире производится и публикуется столько информации, что её не успевают читать. Но главное, что такой невероятный поток информации приводит к информационному кризису, в котором ставится под вопрос ценность и истинность информации: всё может оказаться как правдой, так и ложью, и человек неосознанно предпочитает не верить ни во что, ничто не запоминать. Сказанное касается и литературных текстов. Из всего, что названо произведениями, действительно литературных произведений не много, потому что литература должна быть направлена на то, чтобы помогать человеку осуществлять духовную работу, подталкивать его к духовному самосовершенствованию, о котором, собственно, говорил упомянутый нами в самом начале И.Бродский. Качественная книга предоставляет человеку свободу воли, о которой сказано в Кабале: «Для того чтобы мы могли делать свою духовную работу, у нас должна быть свобода воли» [14]. Существующая и становящаяся всё более популярной тенденция к «позитивному мышлению» ведёт человечество в пропасть. Принятие только «хорошего» и отрицание в мире «плохого» подсознательно направлено на обратное: такое мышление оправдывает существование зла и не просто оправдывает, а расширяет его. Отказ от того, что существует, неприятие того, что есть, закрывание глаза на тьму, которая есть в мире – по сути, то же самое искажение реальности, которое идёт от лукавого – в результате самообмана и обмана других. Говорение только о позитиве и молчание о негативе – то же самое, что принятие только жизни и при этом отрицание смерти – всё это ведёт к безверию, потому что верить в Бога наполовину – это не верить в него совсем.

И тут встаёт вопрос о том, каковы критерии литературы. Но и здесь с точки зрения человеческого опыта, который сейчас принято, скорее, отрицать, всё достаточно просто. Ответ, как ни странно, кроется в «Поэтике» Аристотеля и в древней восточной мысли. У всего, и у литературы в том числе, есть объективная и субъективная стороны. Объективная сторона в литературе заключается в прецедентном знании писателем языка, в его чувствовании и в умении им пользоваться в совершенстве – это техническая сторона вопроса. Всё, что не соответствует этому литературой называться

вообще не может – это нелитература. Субъективная же сторона заключается в том, что поэт и писатель создают то, что другим создать не под силу. Всё сказанное исключает из литературы повторение шаблонов, ненужные повторы, языковую неточность, одинаковость произведений, отсутствие художественной ценности и многое другое. Каждое литературное произведение должно быть уникально, оно не должно повторять какое-то другое, не должно быть чьей-то копией, и поэтому массовое создание произведений людьми, которых школе научили грамоте, здесь исключается. Обратимся к статистике. На сайте Стихи.ру публикуется 926 594 человека (на конец февраля 2025 года), и есть огромные сомнения, что все эти люди действительно причастны к поэзии. Конечно же, человек, как божественное существо, стремится к творчеству, он тоже хочет быть творцом, как и Создатель, он хочет быть демиургом – это его божественная природа. На это восточные учения говорят следующее: творчество – это способность различать шаблоны. Под шаблонами в первую очередь восточная мысль подразумевает способность видеть в природе системное, подчиняющееся закону вселенной, например золотое сечение, или ряд Фибоначчи, представляющий собой числовую последовательность, первые значения которого равны 0 или 1, а каждое последующее равно сумме двух предыдущих. На основе существующего в природе золотого сечения математиками были открыты фракталы – множества, обладающие свойством самоподобия, известные на востоке уже несколько тысяч лет. Способность видеть шаблоны – это способность структурировать мир вокруг себя. Следовательно, способность видеть шаблоны и следовать им – это мастерство, способность видеть шаблоны и превосходить их – это искусство. В основе и того, и другого лежит творчество – способность тварного человека к творению. И здесь не следует путать творчество и искусство: написать рифмованный текст о нахлынувшей любви с целью выразить себя и создать литературное произведение – совершенно не одно и то же, но и то, и другое сотворено. В конце концов, в основе любой продуктивной человеческой деятельности лежит творчество – от выращивания фруктов и овощей до проектирования машин и ракет. И как не каждый человек может быть действительно учителем, как не каждый может быть действительно целителем или конструктором, так не каждый может быть и поэтом.

Одним из самых глобальных и бесчеловечных социальных экспериментов, поставленных над человечеством, был проект Джона Мартина, получивший название «Игра престолов». Этот проект вскрыл социальные язвы мирового масштаба и стал инфекцией, которой был поражен массовый человек. У человека появилась свобода, но, не имея силы воли, он не пошел по пути духовного совершенствования, а скатился в человеческую грязь. На вопрос, с чем связана такая сильная тяга к такого рода «литературным и кинематографическим произведениям», люди давали уверенный ответ: это позволяет уйти от реальности. И здесь мы подходим к самой сути происходящих процессов, тугим узлом завязывающих уже неразрешимые социальные проблемы: псевдолитература, как и алкоголизм, наркомания, сектанство и инфоцыганские курсы саморазвития, уводят человека от реального мира, человек теряет себя, проживая жизнь неосознанно, живя не своей жизнью, оказываясь под воздействием веществ и факторов, изменяющих его сознание и мышление. Психологи называют таких людей нересурсными, у таких людей деформирована личность, и их становится всё больше и больше.

Из всего сказанного следует сделать следующий вывод: всё, что написано и претендует на художественность, может быть схематично уложено в краткую классификацию, в которой можно выделить литературу, нелитературу и псевдолитературу. Раскроем кратко эти понятия:

- нелитература – это неуникальные тексты, не имеющие художественной и идейной ценности,
- псевдолитература – это претендующие на литературу низкопробные, развлекательные, антисоциальные и антиличностные тексты и тексты идеологического

характера, уводящие человека от реальности и тем самым разрушающие его духовность,

– литература – это уникальные поэтические, прозаические и драматургические произведения, обладающие художественной ценностью, несущие в себе идею, помогающие человеку познать мир и осознать действительную реальность, принять её такой, какая она есть, и направляющие его по пути духовного роста к познанию самого себя; литература ничего не навязывает, она всегда аккуратна и актуальна, но она всегда содержит идею, которую развитый, и сформировавшийся, читатель может духовно воспринять.

В целом человек с хорошей литературной начиткой и развитым литературным вкусом способен отличить одно от другого и другое от третьего.

Из сказанного видно, насколько высока духовная и социальная ответственность поэта и писателя перед человеком, обществом и человечеством за написанное, опубликованное и отпущенное им жить в мире людей.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что запущенный псевдолитературный процесс, увы, уже неостановим. Самыми продаваемыми и читаемыми в настоящее время становятся книги, убивающие в человеке и его творческое начало, и его человеческую суть. И рассчитывать на то, что человечество самовольно и осознанно вернётся к чтению классической литературы и литературы, продолжающей классические традиции, по крайней мере в ближайшее время не приходится. Массово – это уже невозможно, поскольку все хотят благ, но при этом никто ничего не хочет делать для достижения этих благ. Русский писатель Л.Н. Толстой сказал об этом так: «Каждый хочет изменить человечество, но никто не задумывается о том, как изменить себя». Именно поэтому каждому думающему человеку необходимо помнить, что у него есть право искать себя в этом мире и духовно расти, а каждому писателю и поэту – необходимо осознавать свою ответственность за написанное и вести читателя к духовности и нравственной чистоте.

References:

1. Byordzhess EH. Predislovie [Foreword] // *Zavodnoj apel'sin* [The Clockwork Orange]. URL: <https://www.livelib.ru/story/10734-a-clockwork-orange-anthony-burgess> (accessed 22.02.2025).
2. Brodskij I. Nobelevskaya lekciya [Nobel lecture]. URL: <https://medium.com/depesha/иосиф-а-бродский-нобелевская-лекция-по-литературе-1987-501ae42a440d> (accessed 22.02.2025).
3. Guzeeva A. «Istinnyj perevod» molitvy «Otche nash» s aramejskogo okazalsya obmanom okkul'tistov [The "true translation" of the prayer "Our Father" from Aramaic turned out to be a deception of the occultists] // IAPN.KZ (electronic resource). URL: https://iapn.kz/articles/letopis/istinnyy_perevod_molitvy_otche_nash_s_arameynskogo_okkazalsya_obmanom_okkultistov/ (accessed 22.02.2025).
4. Lyozov S. V. Aramejskie yazyki [Aramaic languages] // *Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1826051> (accessed 22.02.2025).
5. Losev L. Iosif Brodskij [Joseph Brodsky]. Moscow: Young Guard, 2006..
6. Nekipelova I. M. Sud'ba yazyka: mekhanizmy zarozhdeniya, razvitiya, stabilizacii i ugasaniya [The fate of the language: mechanisms of origin, development, stabilization and extinction] // *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 2012. № 11.3 (35). С. 297-334. EDN: PDUFFV

7. Nekipelova I.M. Globalizaciya yazyka: neizbezhnost' ili neobhodimost' [Globalization of language: inevitability or necessity] // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2015. № 3. P. 351–363. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-3-31 EDN: TWLOFD
8. Nekipelova I.M. Entropiya yazykovoj sistemy kak osnovnoj pokazatel' eyo razvitiya [Entropy of the language system as the main indicator of its development] // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2013. № 12. P. 4. DOI: 10.12731/2218-74052013-12-4 EDN: SHBEBN
9. Nekipelova I.M., Zarifullina E.H.G. Yazykovaya sistema kak estestvennaya mnogourovnevaya klassifikaciya vysokoj stepeni nadyozhnosti [Language system as a natural multilevel classification of a high degree of reliability] // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2013. № 6. C. 37. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-6 EDN: RAHDNJ
10. Otche nash [Our Father] // *Azbuka very [ABC of Faith]*. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/molitva-gospodnya-otche-nash.html> (accessed 22.02.2025).
11. Seleznyov M. G. Evrejskaya Bibliya [Jewish Bible] // *Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/c/evreiskaia-bibliia-2514b9> (accessed 22.02.2025).
12. Sobolevskij S. I. Vospominaniya o Sokrate [Memories of Socrates] // *Ksenofont, ego zhizn' i sochineniya. Kniga IV* [Xenophon, his life and works. Book IV]. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1348105400> (accessed 22.02.2025).
13. Solzhenicyn A. I. Nobelevskaya lekciya [Nobel lecture]. URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/hrus/solz.htm> (accessed 22.02.2025).
14. Tecaveh 2022: Vykapyvaem iskry Sveta iz t'my [Digging sparks of Light out of darkness] // *Lekcii Shabbata* [Shabbat lectures]. URL: <https://kabbalah.ru/university/contents/2169> (accessed 22.02.2025).
15. Tolstoj A.N. K molodym pisatelyam [To young writers]. URL: <https://author.today/post/460348> (accessed 22.02.2025).
16. Tolstoj L.N. Dnevnik 1890 g. [Diaries 1890] URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevnik/1890/dnevnik-1890.htm> (accessed 22.02.2025).

Information about the Author:

*Nekipelova Irina (Izhevsk, Russia) – PhD, Head of the Department «Russian as a Foreign Language», Director of Testing center, Kalashnikov Izhevsk State Technical University. Winner of the "Scientist of the Year 2020" in the category "Humanities: languages and literature" (International Achievements Research Center) (Chicago, USA). Research fields: history of Russian language, language philosophy, teaching Russian as a foreign language; author of over 140 publications, 5 monographs and textbook «Russian as a foreign language: Step by step». E-mail: irina.m.nekipelova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8448-3000
SCOPUS ID: 57191414786
Web of Science ResearcherID: AAS-9439-2021
SPIN-код: 8968-4493
AuthorID: 394021*

Acknowledgments: *I would like to thank my reviewers.*

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-97-102

УДК (UDC) 81.2

Luiza I. Marabyan
European University of Armenia,
Yerevan, Armenia
Марабян Луиза И.,
Европейский университет Армении,
Ереван, Армения

For citation: Marabyan Luiza I. , (2025).
Literary Comprehension Through Narrative Techniques:
Teaching Reading at the University Level.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 97-102 (in USA)

Manuscript received 13/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

LITERARY COMPREHENSION THROUGH NARRATIVE TECHNIQUES: TEACHING READING AT THE UNIVERSITY LEVEL

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕРЕЗ НАРРАТИВНЫЕ ТЕХНИКИ: ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ НА УНИВЕРСИТЕТСКОМ УРОВНЕ

Abstract:

This article explores how analyzing narrative techniques fosters deeper literary comprehension among university students. Focusing on classics such as *Romeo and Juliet*, the study illustrates the limitations of simple plot summaries in capturing the essence of storytelling. Key narrative devices, such as *in media res*, foreshadowing, discriminated occasions and Freytag's Pyramid are examined to emphasize their roles in developing nuanced understanding. The article also delves into the significance of conflict, categorizing obstacles (e.g., protagonist vs. self, antagonist, society, or fate) and demonstrating how they drive narrative progression. By comparing the structures of comedies and tragedies, it highlights how narrative resolution reflects character struggles and thematic depth. Designed for university reading courses, the study offers strategies to help students critically analyze why and how events occur in literature, moving beyond summaries to engage with the mechanics of storytelling, thereby enhancing interpretative and critical thinking skills.

Keywords: reading comprehension; narrative; literary analysis; storytelling techniques; conflict analysis; university-level education; critical thinking

Аннотация:

Эта статья исследует, как анализ речевых методов способствует более глубокому литературному пониманию среди студентов. Сосредоточившись на классических произведениях, таких как «Ромео и Джульетта», исследование демонстрирует ограничения простых сюжетных пересказов в раскрытии сути повествования. Ключевые речевые приемы, такие как «*in media res*», предвещание, выделенные случаи и пирамида

Фрейтага, анализируются, чтобы подчеркнуть их роль в формировании глубокого и нюансированного понимания текста. Статья также углубляет значение конфликта, классифицируя препятствия (например, главный герой сталкивается с конфликтами: с самим собой, антагонистом, обществом или судьбой.) и демонстрируя, как эти конфликты определяют развитие сюжета. Сравнивая структуры комедий и трагедий, исследование подчеркивает, как разрешение повествования отражает борьбу персонажей и придает произведению тематическую глубину. Предназначенное для университетских курсов по чтению, исследование предлагает стратегии, помогающие студентам критически анализировать, почему и как происходят события в литературе. Эти подходы выходят за рамки простого пересказа сюжета, вовлекая студентов в изучение механики повествования и развивая их навыки интерпретации и критического мышления.

Ключевые слова: понимание прочитанного; нарратив; литературный анализ; техника повествования; анализ конфликтов; университетское образование; критическое мышление

Introduction

Educating university students in reading goes beyond simply helping students understand the sequence of events in a story. It involves leading them to examine the underlying aspects of time and action that propel the storyline. This article delves into methods educators can use to improve students' understanding of literature by concentrating on these factors. By using "Romeo and Juliet" as a key illustration, it demonstrates the drawbacks of basic plot summaries and focuses on the importance of exploring the reasons behind events and their unfolding. The article initially explores different methods in which time is utilized in storytelling. Exploring techniques, such as *media res* (beginning in the middle of the action), foreshadowing (hints of future events) and discriminated occasion (slowing down to focus on significant moments) enhances reader engagement and narrative complexity. Moreover, the article explores the significance of comprehending action and conflict in the analysis of literature. It presents Freytag's Pyramid, a structure outlining the stages of a narrative: exposition, rising action, climax, falling action, and denouement. This model assists students in understanding how various story elements lead up to the climax and its resolution. The main hindrance or issue in a narrative is essential to its storyline. The article discusses different kinds of conflict, including protagonist versus self, antagonist, society, nature, machine, and fate. Comprehending these disputes enables students to recognize the importance to the characters and their efforts to conquer challenges. Ultimately, the article offers hands-on methods for teachers. The recommendation is to concentrate on the reasons and methods behind events in a story, rather than simply the occurrences. Classroom discussions and assignments need to prompt students to recognize and examine narrative techniques linked to time and action. Utilizing these ideas in different texts helps students acknowledge their significance and universality in storytelling. By emphasizing time and action, educators can foster a deeper literary appreciation and comprehension among students, moving beyond superficial plot summaries to a more nuanced analysis of narratives. This approach not only enhances students' engagement with literature but also equips them with critical analytical skills.

Purpose: The primary purpose of this article is to equip university educators with effective strategies for teaching reading through a focus on the concepts of time and action in literary works. By exploring these elements, students can gain a deeper comprehension of narrative structures and develop critical analytical skills that go beyond basic plot recapitulation.

Novelty: This article presents a novel approach to literary analysis by emphasizing the role of time and action in storytelling. Unlike traditional methods that often prioritize plot and character analysis, this approach encourages students to explore the mechanisms driving the narrative. By incorporating examples from renowned texts like "Romeo and Juliet" and

introducing various narrative techniques, the article offers innovative strategies for enriching literary comprehension.

Method: The method involves analyzing narrative techniques related to time and action, using "Romeo and Juliet" as a primary example. The article examines techniques such as *in media res*, foreshadowing, and discriminated occasion, and introduces narrative structures, such as Freytag's Pyramid. Practical strategies for classroom instruction are provided to help educators implement these concepts effectively.

Practical Significance: The importance of this article is found in its offering of effective tactics for teachers to improve literary analysis in the classroom. Educators can lead students to a deeper comprehension of stories by emphasizing time and action, which enhances their critical thinking skills and interest in literature. This method enhances students' literary understanding and readies them for advanced textual analysis.

Statement of basic material

One of the foundational aspects of narrative analysis is understanding how time is manipulated within a story. Gerard Genette introduces concepts such as anachrony, which includes both analepsis (flashback) and prolepsis (flashforward), to describe the non-linear representation of time in narratives [6]. These techniques help authors build suspense and offer insights into events or hints at occurrences in a non linear way within narratives to enhance the readers engagement, with the story. For instance, the use of **in media res**, a technique where a story begins in the middle of the action, can immediately engage readers [1]. This method, tracing back to epics such as Homer's *The Odyssey* enables writers to bypass lengthy expositions and dive directly into the narrative's core events. In Shakespeare's *Romeo and Juliet* viewers are immediately immersed into the enduring rivalry, between the Montagues and Capulets without a detailed explanation of its origins. This not only heightens the dramatic tension but also mirrors the chaotic and intense nature of the lovers' relationship. **Foreshadowing** serves as a storytelling element that influences the perception of time in a narrative context. By suggesting occurrences in the plotline the writer generates curiosity and tension among readers. Peter Brooks highlights that foreshadowing caters to readers seeking resolution and insight moving the storyline along [3].

In *Romeo and Juliet*, Romeo's foreboding statement before the Capulet ball "I fear, too early: for my mind misgives some consequence yet hanging in the stars" serves as a poignant example of how foreshadowing can deepen the thematic resonance of a story [11]. **Discriminated occasion** involves slowing down the narrative to focus on a particular moment, often marked by a shift in verb tense [6]. This technique allows for a more detailed and vivid depiction of significant scenes, leaving a lasting impression on the reader. In *Romeo and Juliet*, Shakespeare employs this method during the lovers' first meeting and their subsequent parting scenes, emphasizing the intensity and transience of their relationship.

Moving beyond time, the concept of action within a narrative is equally critical. Forster states that the distinction between story (the chronological sequence of events) and plot (the causal and thematic connections between events) is essential for understanding narrative structure [4]. Plot is driven by conflict, the central obstacle that characters must confront and navigate.

Freytag's Pyramid is a structured tool that can be utilized for performing narrative analysis. This approach helps students to understand how different conflicts are created, developed and resolved after examining each phase. It is essential to recognize how complex the development of a storyline is and the strategies that writers use in creating and maintaining tensions and engagement in the narration.

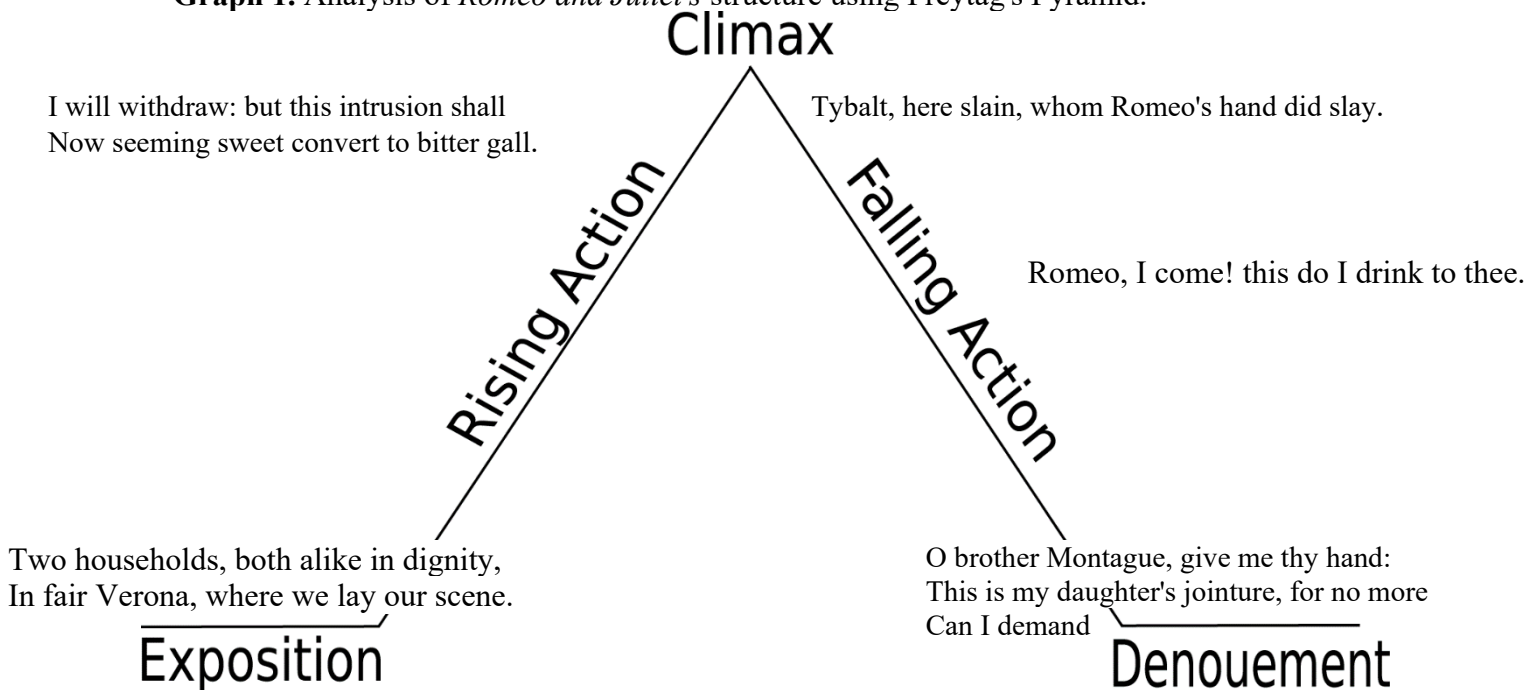
In the 19th century, Gustav Freytag created a Pyramid model that still is relevant and useful in the analysis of the plot and the narrative dynamics of a story [5]. This model carefully outlines five major steps that together construct an arch shape of the narrative curve which include *exposition, rising action, climax, falling action* and *resolution*. Each phase has a significant effect on the way the narrative's main conflict is handled and eventually resolved, thus providing a framework that can be used to study the plot in detailed.

In the case of the play *Romeo and Juliet*, Freytag's Pyramid offers a straightforward structure within which the play can be analyzed [11]. **The exposition** reveals the background of the main problem by portraying the ongoing conflict between the Montague's family and Capulet family which introduces the whole plot. It gives important contextual information relevant to the characters and their reasons for their subsequent actions that are crucial in comprehension of the events that follow. The events chronologically following the first meeting between Romeo and Juliet form part of **the rising action**. This stage encompasses their covert romantic relationship, including their wedding, which complicates the situation even further as the couple's romance is set against the growing family feud. The lovebirds are also driven apart through increasing pressure from society and lack of effective communication. The central point of the play is reached during the death of Mercutio and then Tybalt. This point is crucial in the events of the narrative as the struggle reaches **the climax**. It was an unfortunate series of events which culminated in Romeo being banished and that increased the tension seeking towards the resolution of the story.

The tragic conclusion of the falling action is driven by Romeo's banishment from Verona and Juliet's frantic efforts to reunite with him. Juliet's scheme to feign her death, aimed at escaping her imposed marriage to Paris and reuniting with Romeo, leads to the final resolution. Ultimately, the denouement of the play perhaps summarizes the story most eloquently as the tragic romance of Romeo and Juliet brings a bitter end. As with any story in which a conflict is presented, there will be a resolution, and subsequently, an end. Through the death of Romeo and Juliet, the two families that have been at war for the longest time, are united with the last image of disdain that has plagued warfare since its inception.

Graph 1 illustrates the analysis of the structure of *Romeo and Juliet* as mapped onto Freytag's Pyramid providing a visual representation of the play's narrative arc, from exposition to resolution.

Graph 1. Analysis of *Romeo and Juliet's* structure using Freytag's Pyramid.

Freytag's Pyramid complements the analysis of any storyline as it complements the examination of each phase of the story in detail. In this paradigm, tension is created by the introduction, escalation and the resolution of conflicts, and hence students can develop a greater understanding of the complexities of narrative construction. This sort of strategy helps in understanding how an author is able to create and maintain suspense throughout the text, as

well as deepens the readers' appreciation of and engagement with the literary piece. Thus, when this viewpoint is applied, the relationships among various story elements become more evident to the reader, enriching their perception of the storytelling process.

Types of Conflict in Narratives

It is important to understand the nature and classification of conflict in any given narrative, in order to grasp how the different events and actions of characters that form the storyline come together. There are several types of conflicts, and each of them is accompanied by multiple obstacles and opportunities for the protagonist [2].

Protagonists vs. Self: This internal conflict involves a character grappling with their own emotions, wishes, or beliefs.

In "Hamlet", the protagonist's struggle with doubt and regret drives the plot and leads to a devastating conclusion [12].

Protagonist vs. Antagonist: This is a classic conflict whereby the protagonist faces an alien force. This is a classic conflict where the protagonist faces an external antagonist. Harry Potter's ongoing battle with Voldemort is the primary conflict of the series, propelling the narrative forward [10].

Protagonist vs. Society: The storyline embodies the character that works against a prevailing cultural society or customs. One instance of such a conflict is found in "To Kill a Mockingbird", where Atticus Finch fights against racial discrimination [8].

Protagonist vs. Nature: The main character is put under the strain of different elements of the ecosystem. As seen in the book "Moby Dick", Captain Ahab epitomizes humankind's struggle against an overpowering and ever so changing environment through his futile search for the great whale [9].

Protagonist vs. Machine: This fight consists of the battle against technological advances and excessive automation. "Deep Thinking" explains how there were chess matches between Garry Kasparov, a world chess champion, and Deep Blue, an IBM-developed computer chess program [7].

Protagonist vs. Fate: The characters in this universe defy their fate. In the case of "Oedipus Rex", everything Oedipus did to run away from his preordained fate, he only ended up forcing it into a more absolute state, thus highlighting the aspect of fate [13].

Students can acquire understanding of the fundamental themes and motivations that propel the narrative forward through the identification and analysis of these conflicts. This comprehension is essential for gaining a more profound understanding of the text and its wider consequences. Educators can use a range of approaches to effectively teach these concepts. Motivating students to explore the causes and progression of events, rather than just the events themselves, can enhance their grasp of narrative structure. Classroom discussions and assignments may emphasize recognizing and examining narrative techniques connected to time and action. For instance, students might analyze how the use of **in media res** impacts their engagement with a text or examine the role of **foreshadowing** in building suspense and thematic coherence. Furthermore, by implementing these ideas in a wide variety of texts, students can better understand their ubiquity and significance in the art of storytelling.

Conclusion

Teaching reading at the university level requires a thorough knowledge of narrative structures and techniques to improve students' literary understanding and critical thinking abilities. Educators can help students analyze texts more deeply by looking at how time and action are manipulated in narratives, going beyond just summarizing the plot. Employing theoretical frameworks such as Genette's narrative techniques and Freytag's Pyramid offers systematic approaches to explore the intricate dynamics of storytelling. These structures assist students in grasping the importance of narrative components, such as exposition, rising action, climax, falling action and denouement, providing understanding of story construction and message delivery. In addition, understanding different forms of conflict, such as protagonist against themselves, society or destiny, allows students to delve into character growth and

thematic complexity. Practical techniques, such as comparing texts and incorporating critical essays, enhance students' analytical abilities by showing them the universality and significance of narrative techniques in various literary genres and time periods. On balance, this method enhances students' understanding of literature and provides them with the tools needed for advanced literary analysis. By focusing on how time and action interact, teachers can help students develop a more profound literary awareness, getting them ready for more challenging academic tasks and nurturing a lasting love for storytelling. This comprehensive method makes sure that students do not just consume stories but also become critical thinkers who value the intricate art of creating narratives.

References:

1. Bal, M. (2009). *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative* (3rd ed.). University of Toronto Press. Canada, 228 p.
2. Booker, C. (2004). *The Seven Basic Plots: Why We Tell Stories*. Continuum. Great Britain, 738 p.
3. Brooks, P. (1992). *Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative*. Harvard University Press. Massachusetts, 392 p.
4. Forster, E. M. (1927). *Aspects of the Novel*. Harcourt Brace. New York, 247 p.
5. Freytag, G. (1900). *The Technique of Drama*. Chicago, 395 p.
6. Genette, G. (1980). *Narrative Discourse: An Essay in Method* (J. E. Lewin, Trans.). Cornell University Press. New York, 285 p.
7. Kasparov, G. (2017). *Deep Thinking: Where Machine Intelligence Ends and Human Creativity Begins*. PublicAffairs. New York, 304 p.
8. Lee, H. (1960). *To Kill a Mockingbird*. J.B. Lippincott & Co. Modern Edition: Harper Perennial, Philadelphia, 296 p.
9. Melville, H. (1851). *Moby-Dick; or, The Whale*. Harper & Brothers. Modern Edition: Penguin Classics. New York, 720 p.
10. Rowling, J.K. (1997). *Harry Potter and the Philosopher's Stone*. London: Bloomsbury, 223 p.
11. Shakespeare, W. (1599). *Romeo and Juliet*. London: Thomas Creede for Cuthbert Burby. Modern Edition: New York: Simon & Schuster, 1992, 120 p.
12. Shakespeare, W. (1603). *Hamlet*. London: Nicholas Ling and John Trundell. Modern Edition: Cambridge University Press, 2003, 130 p.
13. Sophocles. (c. 429 BCE). *Oedipus Rex*. Translated by F. Storr. In *The Loeb Classical Library* (1912). London: William Heinemann, 80 p.

Information about the Author:

Luiza I. Marabyan (Yerevan, Armenia) - Lecturer, Ph.D, European University of Armenia. Founder of "English House" English Language Professional Center. Widely published in peer-reviewed journals and academic collections, focusing on applied linguistics, gender studies, political communication, teaching methods, methodology and pedagogy. <https://orcid.org/0009-0008-3761-8521> e-mail: marabyanliza@gmail.com
Tel: +37499427274

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-103-112

УДК (UDC) 004+14+17+7.01

*Irma Bagrationi,
Ibraim Didmanidze,
Batumi Shota Rustaveli State University,
Batumi, Georgia
Багратиони Ирма,
Дидманидзе Ибрагим,
Батумский государственный университет Шота Руставели,
Батуми, Грузия*

*For citation: Bagrationi Irma, Didmanidze Ibraim, (2025).
Cultural Studies in Konstantine Kapaneli's Philosophy:
Historical Types of Culture and Organotropism.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 103-112 (in USA)*

Manuscript received 10/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

CULTURAL STUDIES IN KONSTANTINE KAPANELI'S PHILOSOPHY: HISTORICAL TYPES OF CULTURE AND ORGANOTROPISM

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ КОНСТАНТИНА КАПАНЕЛЛИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ И ОРГАНОТРОПИЗМ

Abstract:

The present paper deals with the analysis of a worldview concept of the modern Georgian philosopher Konstantine Kapaneli in relation to issues of ontological, axiological and social perception of culture, in particular, the essence of the organotropic principle of the philosophical and sociological theory of culture and conceptual arguments in favor of the organotropic understanding of culture, both European and Oriental.

The work clearly shows that ideological reflection on the essential certainty of historical types of culture in Konstantine Kapaneli's philosophical research is carried out through such a basic problem of traditional cultural theory as: the mode of existence of culture, the main aspects of its genesis and development, the features of its structural state and morphological systems; in addition, on the one hand, the relationship between nature, man and culture and, on the other hand, history, culture and civilization. The scientific research defines, analyzes and emphasizes Konstantine Kapaneli's point of view on the issues of mutual influence of culture and society, in particular, the impact of factors of social stability

on culture as a certain system of values, social norms of social functioning and trends in cultural development.

The work represents an active attempt to substantiate that Konstantine Kapaneli's organotropic theory, recognizing the continuous connection between the evolutionary change of a certain type of culture and the dynamics of social processes, has made a very significant, effective and valuable contribution to the history of philosophical thought in the process of creating a unified theory of culture.

Keywords: Konstantine Kapaneli, philosophical, worldview, organotropic, European culture, Oriental culture, type of culture, Organotropism, civilization

Аннотация:

В данной статье проводится анализ мировоззренческой концепции современного грузинского философа Константина Капанели применительно к вопросам социального онтологического и аксиологического восприятия культуры, в частности, сущности органотропного принципа философско-социологической теории культуры и концептуальных аргументов в пользу органотропного понимания культуры, как европейской, так и восточной культуры.

В работе наглядно показано, что идейная рефлексия о сущностной определенности исторических типов культуры в философских исследованиях Константина Капанели осуществляется через такую основную проблему традиционной теории культуры, как: способ существования культуры, основные аспекты ее генезиса и развития, особенности ее структурного состояния и морфологической системы; кроме того, с одной стороны, отношения между природой, человеком и культурой и, с другой стороны, историей, культурой и цивилизацией. В научном исследовании определяется, анализируется и акцентируется точка зрения К. Капанели на вопросы взаимного влияния культуры и общества, в частности, влияние факторов социальной стабильности на культуру как определенную систему ценностей, социальные нормы социального функционирования и тенденции культурного развития.

Работа представляет собой активную попытку обосновать, что органотропная теория Константина Капанели, признающая непрерывную связь между эволюционным изменением определенного типа культуры и динамикой социальных процессов, внесла весьма значительный, действенный и ценный вклад в историю философской мысли в процессе создания единой теории культуры.

Ключевые слова: Константин Капанели, философский, мировоззренческий, европейская культура, восточная культура, органотропный, тип культуры, цивилизация

Introduction

The world of European and Oriental culture, as a multifaceted and diverse phenomenon, is the goal of a separate study of the worldview of Konstantine Kapaneli, since his "Theory of Organotropism"¹ is a unique attempt to form the first ontological and sociological problematics of culture in Georgian philosophical thought.

---

¹The author himself explains the content of this theory as follows: "There is a constant connection of a creative nature between the state and the entity. The state influences the entity, the entity influences the state. A creative connection between state and essence, characteristic of every corner of the world, is called organotropism" [3, p. 8], which can also be understood as follows: the creative energy of the organic world, due to the idea of tropism and in accordance with it, is aimed at adaptation and harmony with the natural environment. Kapaneli believes that the history of thought cannot allow any deviation from this formula, that is, it cannot explain any of the events of our planet as something super-temporal and super-spatial self-category, a possibility that may not entirely obey the pattern established by this definition.

The fact is that at the conceptual level we are dealing with a completely new concept, namely a reflection of the essence of a special principle of thinking: "Neither in Eastern nor in Western European literature has anyone used the word "organotropism" before. In Georgia we use this word to describe the entire system of thinking" [3, p. 112]. More specifically, Kapaneli introduced the term "organotropism" into scientific

If we take into account that the main motive of the organizational concept is the explanation of all aspects and features of culture by the needs of organic-social adaptation with the environment, then, naturally, Kapaneli's interpretation we cannot consider culture as a single historical process, based and conditioned by the totality of social achievements that followed in time, as in the work "Fundamentals of Social Aesthetics". The very word "organotropism" means that "in the gradual expansion of world culture and civilization there is no common flow, no goal of unity; different images appear from different sides: there are episodes, characters, privacy, fragments, individual and social characteristics, which in turn plunge into the abyss of eternity and between which there is neither a unifying bridge nor a passing background" [3, p. 125]. Thus, according to the organotropic worldview, the totality of certain social-historical circumstances, as a kind of factor, has a pronounced creative and ideological influence on the essential features of culture, and the culture, in turn, as a specific factor has the historical ability to exert a certain creative and ideological influence on the challenge and determination of the social situation with its usual and characteristic external characteristics.

Despite the above, the organotropic point of view allows its author to present the integrity and individuality of a certain culture, which is carried out on the basis of judgment and analysis of known historical types of culture. On this occasion, Kapaneli notes: "Historical eras enter into a huge development of culture and civilization with their own specific styles, principles, ideals; each era of culture has an individual soul, expressed both in form and content, reflecting the entire totality of social needs and feelings, social pains and ideals; the forms of culture, with their designs and methods, with their materials and forms, serve the prevailing taste of the era" [3, p. 129]. As we see, according to Kapaneli, an individual image of culture takes and uses material to shape itself and represent the archetype through the sensory-emotional characteristics of the modern era and the qualitative elements of its spiritual architecture. However, "idea and form are the two great elements of creativity of every culture, every type of civilization" [3, p. 78]. How should this be understood?

As can be seen, "Kapaneli offers us an image of the idea of the unity of the world-historical process" [2, p. 366] in a different and modified form, with a picture richer and more diverse in content, namely, with "cyclical stories of the beginning, culmination and degradation of a diverse a specific set of self-existent and unique cultures" [2, p. 366]. In this process, according to Kapaneli, the role of the transitional stage is acquired by the factor of evolution, which, even at the level of ideas, presupposes a historical and intellectual reflection of the qualitative development of a single formative model of culture, its implementation in different circumstances, in different value directions and in the form of a unique standard model: "In the history of culture, there are often moments of unification of directions, synthesis: elements that have been separated from each other for centuries, for various reasons, come together and take on a holistic form. There are also moments of separation and conditioning: elements previously placed into a single whole are separated from each other and begin to "evolve", to wander in different ways" [4, p. 43].

It is interesting that named and discussed by Kapaneli the two concrete historical types of culture formed and realized in this way, both separately and in relation to each other, are given as Western [in the form of European culture] and Oriental culture; Kapaneli considers and explains the main criterion for their mutual separation to be the quality and level of

---

terminology, based on a combination of the concepts "organism" and "tropos". The word "tropos" is of Greek origin and in Georgian means "turn, direction." In an etymological sense, the word "organotropism" refers to a change in the direction of growth of plant organs as a result of environmental influences. Kapaneli transferred this principle of relationship from biology to philosophy and extended it to the whole world, material and immaterial - spiritual and social reality" [5, p. 45]. And, thus, as a scientific concept, "organotropism" refers to a universal model of the interdependence of the formal and substantive aspects in the process of establishing and assessing the relationship between world events.

regular activation and realization of immanent creative potential: “In the West, organically, gradually, systematically, history gives complete forms of social structure, forms that are not devoid of internal fullness, the potential power of creativity. The situation is completely different with the East. Here extremes often took place, but neither the economic-industrial situation nor the cultural-ideological forms of civilization had a systemic and organic character” [3, p. 142].

Discussion

Kapaneli conducts a conversation about European culture by highlighting its general historical types against the background of the discussion. The phenomenon of the oriental type of culture brings it up for discussion, on the one hand, in order to highlight the historical features of European culture, and on the other hand, to present the both as events of a unique organotropic nature. At the same time, attention is focused on the main elements of the usual, typical characteristics of the cultures under consideration, forming painful and exemplary instances of spiritual culture.

According to Kapaneli, every cultural-empirical situation is built on the principle of eternal tropism and is nourished by its internal energy: “Civilization is a chaotic leap of the universal intellect, and every form is woven by the sufferings of culture and washed by tears; Jerusalem, Rome, Babylon, Paris, Berlin, New York, London are gigantic stations of biological excitation and evaporation” [3. p. 25]. The psychology of each private culture, different in its essence, limited by a certain time and space, is an emotional and transformative implementation of tropic reflection: “The process of intellectualization is subject to time-space, and the great sage of ancient Arabia Al-Farabi, with his Arab visionism, depicts the “truth” of the tropical feeling of Arabia in the same way as Kant, with his epistemological dualism, depicts the apogee of European feudal-aristocratic rationalism” [3, p. 25].

In addition, according to Kapaneli, both the theoretical and artistic-mythological worldview of a particular culture arises on the basis of tropism, is built according to an angular creative scheme, judges and thinks from the primary point of view of organic-historical traditions: “The country ends at the pillars of Gibraltar,” the Hellenes said, “whoever is not Greek is barbarian and fool; isn't it tropic egocentrism? [...] In the rhythmic speech of Rabindranath Tagore, India's past, the air, nature and the branches of the dense forests vibrate like musical ideas” [3, p. 27]. As we see, Kapaneli wants to convince us that in the case of the above two general types of world culture, both purely mental-discursive and purely figurative-ideological and creative progress, aspiration and feat are a direct result of the spiritual abilities of the morals and customs of the historical-cornerstone and national-social generation and, thus, this is a phenomenological manifestation unconscious feelings and subconscious knowledge.

As you can see, Kapaneli's reasoning on the assessment of cultural archetypes begins with the pathos of searching for objective criteria and develops in a subjective-idealistic direction, which is naturally unexpected and cannot be justified within the framework of the “theory of organotropism”, built on the basis of materialistic principles. Such a point of view, namely the recognition of the universal nature of the archetype as an unconscious basic pattern of imagination and the mental basis of any cultural-traditional experience [with some modifications], is quite familiar, accepted and tested among cultural theorists. As an example, we can cite the thoughts of the modern Georgian culturologist Soso Sigua, given in the subsection of the scientific text entitled “From representation to imagination: Associations”. According to the author, the main driving force and energy of creative genius and excitement lies in associative thinking, which determined the “differentiation and division of archaic diffuse perception” [6, p. 307]; where “on the one hand, there are unconscious impulses and their signals, and on the other hand, violent associations and [...] bioelectrical activity of the brain” [6. p. 308]; what is most important, “each of them represents a transformation of genetic char-

acteristics" [6, p. 312]. Moreover, "the basis is the constant change in the psyche and consciousness that is brought by time, as well as new political and economic realities" [6, p. 178].

Speaking about European culture, Kapaneli highlights and focuses on determining the essence and meaning of ancient culture; more precisely, he absolutely agrees with the prevailing opinion in the history of thought that the culture of the Hellenic world is one of the most powerful foundations of modern European civilization: "Ancient civilization, combined with Hellenism, takes on a universal character for the European continent: "Psychological expansion take on material form thanks to the spread of universal character of the Caesars" [4, p. 43]. As you can see, the Hellenistic period is the object of a special study by Kapaneli among the historically recorded individual stages on the path of long perfection of ancient Greek culture. Naturally, the question arises: why has Kapaneli chosen this particular era? The answer can be formulated as follows: starting from the epoch of Homer, Greek culture, in its full flowering, passing through the stages of archaic and classical development, reaches the age of highest development in the Hellenistic phase and comes to its end with the Hellenization of Rome: "Only three generations of cultural workers of the Ancient Greece have created art of high classics; have put in pawn bases of a western civilization and images for imitation for many millennia" [9. p. 6]. Moreover, the Hellenistic period is considered as a special period of historical time when "the ancient police-monarchical states - Babylon, Assyria, Persia - were conquered by the Macedonians: the culture of these states, combined with Hellenism, entered into the civilization of the Mediterranean, in which strong organizations of Christian teaching were reflected in the circumstances of the time" [4, p. 43], that is, a special cultural-historical event, formed and consolidated by the spiritual and intellectual achievements of the Hellenes, the expansion of customs and traditions into non-Greek space and communication with the East, as a "moment of synthesis, a moment of "progressive" history " [4, p. 43]. What can be said in this regard?

As Soso Sigua points out: "For some thinkers, the history of humanity is merely the history of Europeanism; today, European culture does not need to be spread by force. People from different continents themselves strive for this, recognizing its superiority and civilizational value" [7, p. 28] And Kapaneli is a thinker in whom the European style of culture acquired and revealed all its possibilities of expression precisely through commonality with the ideals of the oriental spirit of culture; in particular, in the history of culture, the Hellenistic worldview arose as a result of the creation of a military-monarchical empire on a global scale by Alexander the Great, since it brought the influence of the ancient pattern of thinking on the culture of the countries of the Middle East and the entire Mediterranean, that is, the introduction and widespread dissemination of Greek philosophy, literature and generally creative trends outside of Hellas, and, consequently, the meeting of Hellenistic and Oriental cultures. The latter also means that ancient oriental culture, in parallel with Greek, in turn influenced it as well. As a result, the further development of Hellenic culture henceforth occurs along a new - Hellenic- Oriental path.

In order to confirm all the above, Kapaneli offers the following argumentation: "In the history of civilization we see the relationship of influence between the state and ideology" [3, p. 132], that is, the spiritual state of culture forms the internal construction of ideology, and the special construction of ideology, in turn, influences the formation of culture. "The philosophy of organotropism is, first of all, the philosophy of genesis", since the organotropic worldview tries to figure out how one specific contour of culture is formed and intersects, and how it relates to another contour of culture: "this is the organotropic nature of the evolution of culture and civilization" [3, p. 133]. It seems that for Kapaneli, civilization, as the zenith stage of cultural development, is in vassal relations with social-historical comparability. At the same time, the spirit of civilization, as a combination of intellectual activity and spiritual feeling, is organized by means and maneuvers dictated by the social situation in a certain time and space. The classification of cultural events in such a situation naturally takes into account the needs of social existence: The soul of each era, with its cultural-civilizational style and

industry, is a reflexological laboratory which develops concepts with labor, effort, gradually, according to the coordinates of customs, just as some large factory produces things for the needs of our lives. Of course, Kapaneli did not lose sight of the fact that each type of culture, as a result of creative history, is extremely complex in its structure and that one of the conditions for the difficulty of clarifying it is the regularity of the natural reality given at its basis: Nature is the living atmosphere of culture; natural events are instruments of cultural creativity. However, in the process of creative history, nature and culture are not absolutely separated from each other. On the contrary, they need and subordinate each other: "Culture is a superstructure of nature, it is a kind of continuation of it, and that is why for cultural creativity people everywhere use those materials and forms that exist on earth, the ones that a person can feel and reflect" [3, p. 177].

It is interesting to note that from an organotropic point of view, culture, "in which natural certainty is preserved" [8, p. 269], is given an identical meaning in the case of its different historical types. Both European and Oriental culture, with all its diversity, carries and inherits the appropriate shade of the natural environment-conditions in which it is formed and develops; the individual metamorphosis of each one's evolution and every situation is essentially determined by the regular state of nature spread over a certain time and space. For example, "the vast fields and monotonous spaces of the East evoke in the soul desires for boundless individualism" [3, p. 142], or "Dionysian or Apollonian ecstasy is impossible in Greenland and Siberia; it is impossible in such conditions where the connection between essence and state does not allow one to feel organic completeness, where nature and its climatic and geographical features do not contribute to the experiencing of this feeling" [3, p. 56]. Thus, for Kapaneli, the development of culture depends on natural conditions to the same extent as it is determined by the state of development, mastery and use by society of the opportunities created by nature. Therefore, it is implied that in various parts of the world, in accordance with the differently acting forces of nature, there are created separate cultures, qualitatively different from each other, and at the same time the formation of each of them is carried out with the help of specific natural factors.

Moreover, Kapaneli tries to find out the influence of the geographical features of the European and Asian continents and parts of the country on the course of the formation of their culture, as well as the factors that stipulated the emergence of civilizations and the natural conditions that determined their development. According to the organotropic theory, among individual environmental conditions, the development of culture and civilization is to a certain extent influenced by the joint state-determination of geographic latitude, land and climate: especially, culture "is pre-defined with some social conditions, especially geographic, geologic, climatic, biologic, political and historical factors [...] for the peculiar and special level of social condition and situation" [10, p. 45] and "face, style and form of culture, speech and internal structure, idea or tendency are in organic connection to condition and are coming straight from it" [10, p. 49] but "through European historical mental culture values" [10, p. 51].

However, it is also true that they are in no way given absolute significance. The author tries to show that the possibility of the emergence of civilization varies in accordance with the change of geographical conditions and climate: "Sometimes wild, violent movement, sometimes dreaminess and yawning are characteristic features of the oriental soul, and these features have been formed under the influence of the geological, geographical and meteorological conditions of the East for many centuries" [3, p. 143]. Moreover, "in every corner of the world they did what they could do; each profession is chosen by genetic memory and condition; the possibilities of nature facilitate this connection. In the places rich with red clay a person makes pottery, in the area with a lot of wood a person builds and does carpentry; places containing a lot of iron predispose to learning blacksmithing; the situation provides the opportunity for organotropic creativity" [3, p. 17].

In our opinion, Kapaneli's views mentioned above "are very close to the theoretical concepts of famous representatives of a widely recognized geographical trend in sociology, namely the English historian Henry Thomas Buckle [in the work "History of Civilization in England"] and the Russian (Romanian origin) geographer Lev Mechenkov [in the work "Civilization and Great Historical Rivers"] [1, pp. 192-194], since Kapaneli emphasizes the fact that the phenomenon of civilization is mechanically determined by the factor of the geographical and natural environment and, therefore, it ignores the need for human activity along with the environment, i.e., the objective pattern of the social conditioning of culture. As Kapaneli himself points out, "geographical, climatic, biological conditions make life difficult throughout the world. Social life is not the same on the islands, in Australia, Brazil, Siberia, and large cities in Europe. Since in some places there is similar social life with its principles, local tropic customs, then the social, material and spiritual culture in these places depicts those desires and pains, those intentions and feelings that are observed in special conditions and in special place" [3, p. 67]. We consider quite fair the remark made in sociology regarding the concept of the geographical school - about the reevaluation and one-sided assessment of the role of the geographical environment in the emergence and development of culture. We can quite rightly extend this to Kapaneli's views. Particularly, in any historical era there may be a discrepancy between geographical conditions and the progress or regression of cultures, since even in a situation of different geographical conditions, civilization changes towards rise or fall, or even in the same geographical conditions, civilization in one country flourishes, and in another one it only fades away. So, culture does not arise and develop on its own, involuntarily and automatically, only due to geographically favorable circumstances. In this case, in favor of Kapaneli's organotropic concept, it should be said that it gives geographic determinism in relation to culture another, but not entirely decisive and absolute, meaning.

As Kapaneli suggests, even in circumstances where human life was deprived of the social institutions and rich intellectual environment, that today organizes and governs natural reality, i.e. "the original form of cultural organization was organized around those events, the conditions of existence, that he saw around him every day" [3, p. 123]. More precisely, it was a wild world, clothed and equipped with a variety of flora and fauna, in relation to which man was forced both to defend himself and, in some cases, to attack, if this was required by his internal goals and aspirations. It is obvious that society as a cultural phenomenon, together with Kapaneli's internal, immanent tropism, appropriates and pays attention to the corresponding form and content of the social, historically changing characteristics of the situation. According to Kapaneli, "acquaintance with animals spiritually turned man to animal culture. A person who adapts to one group of animals, gradually gets used to it and then tries to tame them for social needs; on the other hand, he submits to the second group of animals himself, makes them gods, makes sacrifices for them, turns to them with worship and prayers" [3, p. 124]. That is, the content of primitive social culture is an expression of the most general postulates of the mythological worldview, and also assumes a corresponding social load. However, at this level, "sadness and joy, hopes, feelings and ideals of man are closely related to animal and plant nature" [3. pp. 124-125].

Therefore, for Kapaneli, the mythical part of cultural history is determined by the harmonious interaction of human and non-human forces, which finds a corresponding organotropic reflection in rituals, strictly and precisely defined by the principles of zoomorphic ideas. The best example of this is the traditional dances of the Australian aborigines discussed in detail and named Corroboree, which include the cult of the Siberian bear and the Greek Eleusinian mysteries, since the practical content of each of them specifies that "the spirit of culture generally inclines towards the state, any relationship of the state to the spirit gives a special form in creativity and experiences; creativity is the organization of social experience" (3, p. 124]. It should be noted that from the point of view of organotropism, the history of culture is presented as a random and disordered totality, in

which the specifics of each culture depend on the factor of time, territory and biological characteristics. Therefore, there is no common language and style between cultures; each culture is the owner of its own subjective-individual world, through which it is in organotropic connection with the surrounding environmental conditions: "The order and type of the world is a chaos of units, the greatest culture is just the ordering of tropic feelings: systems and principles, gods and ideals are embodied in pathological-edge suffering and illusions. What is Nietzsche's superman if not the pathos of a German aristocrat? What does Zarathustra have to do with Indians? [...] Wasn't the ancient Egyptian filled with divine joy when he prayed before the Nile? Doesn't the idea of divinity create here a social-territorial interest? Haven't Europeans burned each other for centuries over the issue of communion? Didn't entire nations fight for mummies? "But all this is so funny to us today, because [...] time and conditions have carried away the spirit of the times" [3, p. 24]. It seems that Kapaneli wants to substantiate the validity of Spengler's concept of local, national culture, rhythm and type creativity and in this case its maximization even reaches extreme relativism.

As we see, in the process of theoretical research of cultural historical types, Kapaneli is guided by an unstable and disordered methodological mechanism. To evaluate it, one can borrow and use the detailed conclusion of Meki Lobzhanidze, a Georgian researcher of Kapaneli's sociological thought: "The main drawback of Kapaneli's worldview is that it is the worst manifestation of eclecticism. The author does not understand the laws of social development, he has not developed the correct scientific method, so it is clear that his attempts to combine different theories are mechanical in nature and have no scientific justification" [5. p. 125].

Conclusion

The concepts studied in the article and the conclusions obtained make it possible to outline the practical significance and value of the study in the process of discussing theoretical and axiological problems of the philosophy of culture and sociology of culture, in particular when presenting the social necessity of culture as its fundamental functional aspect. Along with this, in the course of a long study of the non-systematic cultural thinking of Konstantine Kapaneli, we for the first time analyzed the specifics of the extraordinary organotropic-creative interaction of European and Oriental cultures, namely, the essential philosophical and ideological features of his access and knowledge were revealed.

The main reason for the weak factual argumentation of the theoretical foundations of the research topic is a direct consequence of Kapaneli's inconsistent, eclectic and completely non-academic thinking; throughout the spectrum of Kapaneli's worldview there are automatic combinations of involuntary and often completely immature ideas and views. Accordingly, we are very rarely given the opportunity to name and review the relevant scientific literature, which will provide us with orientation assistance in the process of listing and systematizing philosophical and organotropic teachings about culture.

An attempt to substantiate the initial principles of work with scientific methodology was carried out by us in the form of a certain research asset, in which the following main approaches can be distinguished:

- in the process of analytical reasoning, the comparative or historical-comparative method serves to create a rich and interesting analytical and discursive environment; thanks to the cognitive abilities, against the background of systematic mutual comparisons, certain paradigms of intercultural similarity and mutual influence have been identified and described;
- in the context of conceptual reflection, we are able to refute or substantiate individual opinions and hypotheses using the hermeneutic method as a potential for adequate interpretation and understanding of authentic texts. Additionally, in a working format based on a holistic approach, we emphasize the importance of obtaining a reasoned opinion from a current literature source for a case study; and the phenomenological approach allows us to show that the interpretation and assessment of cultural aspects of intellectual thought to a

certain extent presupposes the psychological influence of the researcher's own subjective worldview experience.

Kapaneli's cultural thought, especially from an ontological-axiological point of view, has not been properly studied and researched. The scientific novelty of the present paper lies in the attempt to discuss and clarify the theoretical and philosophical content of Kapaneli's concept of culture, in particular, the worldview justification for the following basic postulates:

A systematic and analytical explanation of the common archetypal foundations of European and Oriental culture is possible using the organotropic formula; accordingly, it is understood that, as in the case of the phenomenon of culture as a whole, and in the case of its particular type, the traditional attempt to search for and establish objective criteria for value assessment is a direct result of a certain theoretical construct;

The appearance and character of each cultural model are, in a sense, formed by organotropic archetypes embedded in the very foundation of the culture itself, the active dominance of which largely determines the historical fate of the development of culture, as well as the provision and preservation of its unity, integrity and originality.

References:

1. Bagrationi Irma, Philosophy of Konstantine Kapaneli. Third Revised Edition. Monograph. Batumi: "Batumi Shota Rustaveli State University", 2018. – pp. 377 (In Georgian) – URL: <https://www.bsu.edu.ge/sub-15/page/10644/index.html>
2. Bagrationi Irma, Historical Types of European Culture in the Philosophy of Konstantine Kapaneli, Proceedings of the Seventh International Georgian Symposium - "Georgia in the Context of European Civilization", Tbilisi: "Ivane Javakishvili State University", 2016. – URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=nu_Kma0AAAAJ&pagesize=80&citation_for_view=nu_Kma0AAAAJ:4OULZ7Gr8RgC
3. Kapaneli, Konstantine, Foundations of Social Aesthetics. (Organotropism). Tbilisi: "Publisher Toma Chikvanaia", 1925. (In Georgian) – URL: <http://openlibrary.ge/bitstream/123456789/7143/10/Kapaneli-1925.pdf>
4. Kapaneli, Kotsia. Spirit and Idea (Biopsychism and Cosmism. Philosophy, Aesthetics, Criticism). Tbilisi: "Publishing house of Alexander Esakia", 1923. – URL: <http://openlibrary.ge/bitstream/123456789/7136/8/Suli%20da%20idea%201923.pdf>
5. Lobzhanidze, Meki. Socio-Philosophical Views of Konstantine Kapaneli. Dissertation submitted for obtaining the scientific degree of candidate of sciences. Georgian Academy of Sciences. Institute of Philosophy named after Savle Tsereteli. Tbilisi, 2006. – pp. 144 (In Georgian) – URL: <https://digitallibrary.tsu.ge/book/2022/Apr/dissertations/lobjanidze-konstantine-disertacia.pdf>
6. Sigua, Soso. Fundamentals of Culturology. Book II. Tbilisi: Publishing House "Writer's Gazette", 2012. – pp. 332 (In Georgian) – URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/11306/1/Kulturologiis_Safudzvlebi.pdf
7. Sigua, Soso. Fundamentals of Culturology. Book III. Tbilisi: Publishing House "Writer's Gazette". 2013.– pp. 304 (In Georgian) – URL: http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/8475/3/Kulturulogiis_Safudzvlebi_Tomi_III.pdf
8. Kulijanishvili, Akaki. Aesthetics. Tbilisi: "Meridian" publishing house. 2006. – pp. 324 (In Georgian) – URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/406042/1/Estetika_2006.pdf
9. Bagrationi, Irma. Konstantine Kapaneli's Philosophical and Aesthetical Conceptions. The Journal "Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)". Volume 2. Issue II. Middlebury: Publisher Beyer Thomas Robert. Published by Middlebury College. 2017. – URL: <http://j-ccses.org/wp-content/uploads/2018/01/Issue-2-2017.pdf>

10. Didmanidze, Ibraim. Bagrationi, Irma. Information Paradigms of Art from the History of Social Aesthetics. Proceedings of 9th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities ISCAH 2022. Volume 9. Issue I. Vienna: Publisher “SGEM WORLD SCIENCE [SWS] Scholarly Society”, 2022. – URL: [doi.org/10.35603/sws.iscah.2022/s07.06](https://drive.google.com/file/d/1OpFvINdxpwD3LGyVpQaTDIuK10MCSgZG/view?usp=sharing)
<https://drive.google.com/file/d/1OpFvINdxpwD3LGyVpQaTDIuK10MCSgZG/view?usp=sharing>

Information about the Authors:

Irma Bagrationi (Batumi, Georgia) - Doctor of Philosophy, Assistant Professor of Department of Philosophy, Batumi Shota Rustaveli State University (Batumi, Ninoshvili St.35:6010) Higher Education Accreditation Expert of National Center for Educational Quality Enhancement of Georgia (Tbilisi) - E-mail: irma.bagrationi@bsu.edu.ge [77 published scientific articles & a Monograph, research areas: Aesthetics, Applied Ethics and Philosophy of Education] ORCID iD <https://orcid.org/0009-0009-6466-0474>

Ibraim Didmanidze (Batumi, Georgia) - Doctor of Information Technology and Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Centre of the Languages and Information Technologies, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia, Batumi, Ninoshvili Street 35, 6010; E-mail: ibraim.didmanidze@bsu.edu.ge) [105 published scientific articles, research areas: Information Technologies, Local Algorithms] ORCID iD <https://orcid.org/0000-0001-6695-4980>

Acknowledgements:

Authors are grateful to the Managing Editor, Professor Svetlana M. Minasyan from Ijevan Branch of Yerevan State University for the sincere consultations in the technical editing of the article - as a sign of active scientific cooperation.

Contribution of the authors: The respected second author – An Associate Professor Ibraim Didmanidze contributed fully to the present scientific research.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-113-123

УДК (UDC) 7.01.1

*Tamar Sh. Mebuke,
Georgian Technical University,
Tbilisi, Georgia*

*Мебуке Тамар Ш.,
Грузинский технический университет,
Тбилиси, Грузия*

For citation: Mebuke Tamar Sh., (2025).

*On the Reconciling Function of Art.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue 1 (2025), pp. 113-123 (in USA)*

Manuscript received 06/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

ON THE RECONCILING FUNCTION OF ART

О ПРИМИРЯЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА

*The heart of the wise is in the house of mourning;
but the heart of fools is in the house of mirth.
Ecclesiastes 7*

Abstract:

The paper is based on the book *Death. From Dust to Destiny* by Richard Brilliant that treats one of the most mysterious and philosophical aspects of our existence, or rather its termination, and the way to reconcile with it. After the first traumatizing losses in his life, the author begins to concentrate first on the funeral itself and the components of a formal ceremony in order to distance himself from the family tragedies, and later studying and analyzing “*the survivors’ behavior that followed, the perception of death and varied experiences of loss, which are subjected to ritual.*” The universality of death’s occurrence in human existence, despite our reluctance to accept its apparent finality, demonstrates its central importance for human consciousness. That sensibility manifests itself in various cultural practices, responding to the fact of death and to the unknown consequences following the termination of life. And here we introduce one more important function of art, to which the author resorts – demonstration of life in all its manifestations and, by showing a wide spectrum of its recurrent possibilities, the way to reconcile us with its imperfections, losses and final termination. Reproductions of famous works of art (135 illustrations, 75 in colour) and pictures of sepulchral monuments accompany the author’s meditations and reasonings about the final fate of man and its implications for the living. They are supported by quotations from religious books, works by philosophers and poets.

Keywords: art and its functions, death, loss, soul, self, reconciliation

1) Introduction

Art is the expression, or application of human creative skill and imagination. As art has existed since prehistoric times and has been the earliest form of human self-expression, theories about its purpose and function are reflected in numerous works of philosophers and thinkers. Plato [23] viewed art as imitation, as a copy of a copy of a Form. Aristotle [1] defines art as representation, the realization of a true idea in a physical form. Kant [19, 20] treated art as disinterested judgment, Tolstoy [28] -- as communication of emotion. Nietzsche [22] described art as the highest form of self-expression. To name just a few of the most famous. The main purposes of art are religious, aesthetic, expressive and communicative.

2) Literature review

For thousands of years people have been practicing arts for self-expression, healing and communication. However, art therapy came into practice only in the XX century, when psychiatrists and therapists began to notice that people with mental illnesses frequently enunciated themselves through drawings and other artworks, and the positive effects of artistic expression on patients. Through drawing and painting, patients depicted feelings, fears, and anxieties which they could not verbalize. Their works of art provided doctors a deeper understanding of their mental states.

The use of art in therapy is based on various psychological theories and principles that help understand how and why art therapy works. Sigmund Freud [8, 9], the father of psychoanalysis, first developed the theory of the unconscious mind as a repository of memories, thoughts and feelings, which are beyond our conscious awareness, but nevertheless influence our behavior. According to Freud, we can access the unconscious mind through associations, dreams, and artistic expression. Creation of artworks can serve as a means of exploring and expressing the unconscious contents for therapeutic purposes. Carl Jung [16, 17, 18], who was Freud's student and later critic, discovered that all people share collective unconscious with common archetypes, which he defined as universal, archaic images and symbols. These archetypes are revealed in myths, dreams and works of art. Thus, art therapy, allows patients and physicians to explore these universal symbols and their connection with inner worlds of the patients [29].

In cognitive-behavioral therapy [2] negative patterns of thinking and behavior are identified and changed through art therapy, which helps patients to recognize and change destructive thoughts through the creative process. Other theorists [3, 11] highlight self-actualization as the highest goal of human development, achieved through creative expression. As the process of creation activates different parts of the brain, including those which are responsible for emotions, cognition, and motor functions, art therapy can help strengthen neural connections and improve overall mental health. Through the creative process, individuals can release repressed emotions, reduce stress, and improve their mental health. Overall, art therapy allows patients and physicians to explore and understand inner worlds in a way that is unique to each person.

Art therapy over time left the confines of psychiatric hospitals and rehabilitation centers. It is used in working with children and adolescents to help them cope with emotional and social challenges, and in supporting people in crisis situations, such as natural disasters, wars, or social unrest. Various uses of art therapy have been described by numerous psychiatrists, physicians and scholars [2, 12].

One of the key aspects of art therapy is the ability to enable individuals to express deeply rooted emotions, which they have difficulty to verbalize sometimes due to traumatic experiences. In other cases it may be due to social stigmas, or simply a lack of words. In these cases art provides an alternative way of expression through music, colors, shapes, and drawings. "Art therapy can help people express themselves more freely, improve their mental health, and interpersonal relationships by uses integrative techniques that activate the work of soul, body and mind in ways that verbal expression alone cannot [2]."

Alain de Botton, a contemporary British author and public speaker, has further elaborated on the role of art in human life. He identified the 7 functions of art as: to help us remember what matters, lend us hope, dignify sorrow, expand our horizons, help us to understand ourselves, rebalance us, and make us appreciate the familiar anew. In the book *Art as Therapy* [4], he argues that art is a tool that can variously help to inspire, console, redeem, guide, comfort, expand and reawaken us. Works of art function as implicit role-models that can invite us to become a bit more as they are – and therefore help us to become better versions of ourselves. He argues, that religions have always known this: in Buddhism, part of becoming a good follower of the Buddha involves regularly looking at a smiling statue or image of the face of the Buddha. The same might hold true for Christians, in relation to an image of the Virgin.

3) Materials and methods

Hence, art may be viewed as a two-edged tool, capable of healing and benefiting us both when we create art works, and when we interact with them. The example of the latter is the book *Death. From Dust to Destiny* by Richard Brilliant [5] in which the author treats one of the most mysterious and philosophical aspects of our existence, or rather its termination, and the way to reconcile with it. After the first traumatizing losses in his life – the death of a contemporary relative, a fifteen year old cousin, killed during military manoeuvres, and the death of a grandfather, the author of the book started to seek reconciliation with the phenomenon of death, try to get awareness of its place in human life, realization of its inevitability, as well as inevitability of losses during the course of one's life. In order to distance himself from family tragedies, he first began to concentrate on the funeral itself, and the components of a formal ceremony, and later studied and analyzed “the survivors’ behavior that followed, the perception of death and varied experiences of loss, which are subjected to ritual [5, p. 7].” Meditation over the thought “how the dead could be peacefully or otherwise, once buried [5, p. 9],” which he could never figure out, resolved in the book about death and its effect on the living, which the author himself needed in order to come to terms with his life tragedies.

Arnold Böcklin, *Island of the Dead*.

Though a wise reminder “memento mori” is well known, what “mors” implies remains a mystery. Questions how a living being can become an “I” in existence, how, then, a physical death leads to a state of “not I” or “no longer I” and where “I” goes, become central of the author’s quest. The nature of absence and its seeming finality reveal fundamental attitudes about the quality and character of being in this world and the mournful evanescence of a former living presence.

4) Discussion

Brilliant studied grave inscriptions and sepulchral monuments, steles, sarcophagus of Egypt, Tunisia, Asia Minor, Israel, Europe, obituaries that track lives to comprehend “the relation that most deeply and universally determines the consciousness of our existence -- that

of life to death; for the limitation of our existence through death is always decisive for our understanding and our estimation of life [5, p. 33].” The purpose of all those monuments is to remind, and hence restore, a thought to life. Lest we forget..., as well as the necessity to focus the thoughts of a group upon some past person or event, thus affirming the unity of a group by common memories [5, p. 24].

The universality of death’s occurrence in human existence, despite our reluctance to accept its apparent finality, indicates to its central importance for human consciousness. That sensibility manifests itself in various cultural practices, responding to the fact of death and to the unknown consequences following the termination of life.

From the Egyptian Book of the Dead

living.² They are supported by quotations from sacred books of all religions, works by philosophers and poets. As Brilliant writes in the *Introduction* [5, p. 12], “in these combinations of texts and visual images the nature of death and the memory of the once living are revealed.”

Michelangelo, Pieta, La Madonna della Pieta

And the method to which the author resorts enables us to identify another important function of art – demonstration of life in all its manifestations and, by showing a wide spectrum of its recurrent possibilities, the way to reconcile us with its imperfections, losses and final termination. Reproductions of famous works of art (135 illustrations, 75 in colour) and pictures of sepulchral monuments accompany the author’s meditations and reasonings about the final fate of man and its implications for the

The author writes with deep sympathy and understanding about the premature deaths of children, symbolizing killing the future, otherwise embodied in these children, and accompanies his narrative with illustrations of famous works of art depicting grief and profound despair of the parents.

² Most of the illustrations used in the present paper were selected by me, so as not to repeat the artwork used by Richard Brilliant, but to emphasize the method he used.

Francisco Goya, Self-portrait with Dr. Arrieta, 1820

He shares deep sorrow of the elderly, which is hard to bear because there are so many in one's age group dying, "so many life stories coming to an end, such shrinkage in one's age category [5, p.72]".

He gives a retrospective view of historical deaths from Hector, the Trojan hero, to the crucifixion of Christ.

Priam Returning to his Family the Dead Body of Hector.

Bartolome Esteban Murillo, The Crucifixion.

Marble statue of Gaul chieftain committing suicide alongside his wife.

The victims of Holocaust and massive slaughter in World Wars and other military actions, victims of genocide and political oppressions all pass before a sympathetic eye of the author as a single tragic moving picture of untimely, cruelly, needlessly terminated lives, leaving terrible scars on the survivors.

Another tragic termination of life is a suicide, when death is self-inflicted, self-imposed as an act of will, or as an expression of tired self-indulgence. Brilliant views it as a fundamental exercise of one's personal freedom to act on one's own behalf to end life in this world despite the adversarial claims of others, of society, the law and the formal

prohibitions against suicide established by religious belief about the sanctity of human life. Acceptance of the idea of one's own mortality is equally hard, no matter whether death is premature or comes too late after a long, suffering illness. "We ask not for whom the bell tolls so long as it is not for us; for us it comes too soon! We are rarely ready and are greedy for life, even if we have not used our time well [5, p. 97]." One way to be reconciled with our own death, as the author suggests, is to accept its certainty with equanimity, because we have no choice in the matter. As Simonides of Ceos (c.556-468 BC) wrote: "We are all debts owed to death." However presumptive that eventual arrival may be, even if faced philosophically as inevitable and with disciplined calm, it is fundamentally an interruptive termination of life for which the pretense of fearlessness in the face of death seems inadequate, because death begins a journey into the unknowable.

Sorrowing Old Man (At Eternity's Gate) by Vincent Van Gogh.

Nevertheless, as Jacques Derrida argues [7], because of the memory of the departed, the memory image undergoes an active interiorization. As a result, the departed never fully become absent, remaining so within the survivor, or incorporated into the other self, that the affective bonds of friendship never break. The integrative force of affection and memory powerfully bind together the living and dead in an ongoing relationship. The suffering inflicted on somebody by the death of another

Though "death is universal and completely democratic; as it happens to us all [5, p. 50] it is so hard for the remaining to accept the loss of the beloved ones as well as to accept our uncertainty about what will happen after we perish. Recognition of someone's death requires getting awareness of the change in state from life to death and coming to terms with the moral trauma and the pain of wanting the once living to be as they were and the longing for physical and emotional relationships that can never continue.

Death in the Sickroom by Edvard Munch.

who is or was close has fewer limits of time that might lessen the feeling of loss. These feelings are often difficult to express to oneself, as well as to others. The periodization of stages of mourning developed by some religions (the day, the week, the month, the year) lead eventually to the lessening of active grief and to the conflation of mourning and commemoration. Brilliant reproduces the ancient Roman grave inscription *non fui, fui, non sum, non curo* (I was not, I was, I am not, I don't care). In grave inscriptions there is "a conceived expectation that the living visitor and the dead can meet and establish more than a one-way exchange. The desire to speak with the dead, and for the dead to speak to the living, seems to respond to the felt desire to collapse time, to open the gates to the past, a past once shared [5, p. 48]."

However, reconciliation with the death of the beloved ones is never an easy task. The author recalls the myths in which heroes descended into the Underworld and came back, or succeeded in returning their beloved ones from Hades. They reveal not only the profound resentment of people to acknowledge the finality of death, but also an intuitive feeling of connection between the two worlds.

Marie H. Sirois, Orpheus and Eurydice.

Brilliant argues, that for Christians the resurrection of Christ was an event indicating to a possibility of post-mortem salvation after physical death. However, he acknowledges that this belief has persisted throughout the human history that with divine intervention there is always hope. He mentions stories about those on the verge of death, who were saved from that death by divine intervention, and myths about returning from the Underworld, which suggest access to and exit from the underworld, even if only temporary with the exception of those who were granted divinity. This inability to reconcile with death has provoked many attempts, scientific as well as otherwise, to bring the dead back to life.

And yet, death is a terminal event: “anticipated or not, happily expected or deeply feared, the likely boundary between an altered state of being or no being at all, a point of departure when all future is past or when there is no subsequent future at all, when life’s adventurous journey enters into a final unknown. The boundary between the “before” and the “after” seems to resemble a fateful hinge, connecting the “here” and the “there”, existing as a momentary pause on the verge of death [5, p. 134.” The author speaks about sepulchral symbolism that has often exploited the motif of the door, closed or left ajar, as a means of expressing an attitude about the relative finality of death, the tenacious grasp of Hades or the potential escape through divine intervention. He finds a support for his argument in Psalm 9:13 which suggests that deliverance from “the gates of death” rests in the Lord’s hands.

*O you who lift me up from the
gates of death,
that I may recount all your praises,
that in the gates of the
daughter of Zion
I may rejoice in your salvation.*

A reluctance to terminate what is known – life – and fear of the unknown – death – together with a failure to accept the reality of mortality as an intrinsic feature of the human condition, have contributed to an unrealistic attitude about the limitations of mortality, “as if life were a fictional novel to which further chapter may be added at will [5, p.162].”

Meditating over afterlife the author quotes David Hume [14, p.160]:

When I shall be dead, the principles of which I am composed will still perform their part in the universe, and will be equally useful in the grand fabric, as when they composed this individual creature. The difference to the whole will be no greater than between my being in a chamber and in the open air. The one change is of importance to me than the other; but not more so to the universe.

The scientific concept of the conservation of matter is treated as plausible, according to which the molecular entities that first came together to compose a person as a living body, and led to the creation of the “I” that came to be, survive after death. Similarly, following one’s physical death, those same elements would preserve in some amorphous form, possibly waiting for reintegration in another “I”, not exactly the same as the original. Brilliant argues, that if this process does in fact occur, then the cycle of renewable being and its potentially everlasting character is very close to Buddhist belief in the cycle of reincarnation. If so, the state of “I” could never be more than a transitory phase in existence, because such a being, always becoming, would be perennial.

These questions are treated as relevant for the assessment of the human condition and development of self-knowledge, for they reflect common concerns: where have I come from? and where will I be going? But if so, he assumes that the journey of life seems to lack any adequate or ascertainable definition, even as a pilgrimage to some desirable end.

What remains after physical death of a body is the spirit of self that the author treats as elements, circulating in the cosmos, which were assembled at birth and lived until death. But what becomes with I? He cites Hermetica [10] that treats death not as the destruction of things that have been combined, but as the dissolution of their union. Hence, “death” is understood as a definitive event that marks the termination of life, just as “birth” marks its beginning. Between “birth” and “death” lies the continuum of life, bounded by one’s material emergence from the cosmos to an inevitable, inchoate return. Hence, he makes a distinction between the “who” and the “what” that dies. In this case they represent interrelated but not identical entities. But how does “I”

continue to live on the Earth? The author quotes one of the obituaries “A man is not dead while his name is still spoken [5, p. 98].” To keep the passed away always alive memories are important.

At the end of the book Brilliant raises the most undecided question: “After all, we die, and then?” We do not know whether death destroys us, or sets us free. As Seneca [27] argued in letter to Lucilius, “If we are released, the better part of us remains having lost its

William Blake, *The Soul Hovering over the Body.*

border; if we are destructed, nothing remains and good and evil alike are removed.”

This defense against the extinction of the other, and eventually of oneself, consciously, or not reveals faith that there is more to a human being than flesh and bone. It is “soul” or “spirit”, the entity that lies within all of us and survives death. Though it has no definable physical substance and is not accessible to scientific proof, yet, belief in its existence has long been held as the essence of one’s being. Nevertheless, Brilliant shares the skepticism of Pliny the Elder [24] who wrote:

All men are in the same state from their last day forward as they were before their first day, and neither body, nor mind has any more sensation after death than it had before birth. But wishful thinking prolongs itself into the future and falsely invents for itself a life that continues beyond death, sometimes by giving the soul immortality or a change of shape, sometimes by according feeling to those below, worshipping spirits and deifying one who has already ceased to be even a man (from “Natural History, VII, 188)

Meditation about what remains after death, other than “dry bones and fading reputations,” brings the author to conclusion that it is memories and hope in the continuity of communal and natural life. “The continuation of the natural world for those who follow is an assumption that the environment will remain hospitable to their future existence in this world, if not in another. Memory of the deceased can extend an afterlife long after death, but only as a historical character alive in the past, existing through a subsequent intermediaries [5, pp. 185-190].”

The last part of the book is also a quiet conversation with other thinkers who have left us their vision of our fate after death. As Maximus of Tyre [21] argues, “if the soul is an entity of the same kind as the body, a mortal element that disintegrates and perishes and rots. ... If that is the soul’s nature, then knowledge, recollection, and learning are all equally impossible for it; it could not more retain a piece of knowledge, than wax melting in the sun retains the imprint of a seal, if it is really only a physical entity.”

Brilliant’s argument is that the Afterlife, of course, is not so much an obvious untruth as a truthful untruth. It evokes our fear and longings. However, the afterlife of an individual person can be tied to the broader concept of a collective afterlife, as defined by the philosopher Samuel Scheffler [26]. The collective afterlife” posits the survival of the generations of human beings who follow, and on whose future existence of the present living depend [5, p. 191].”

The spirit of the mortals is strengthened by religion in assuring of miraculous process of resurrection of the dead, responding to the trumpet call of the heavenly angels. Brilliant quotes Ezekiel (37), who gives the word of the Lord addressed to Dry Bones: “Behold, I will cause breath to enter you and you shall live. And I will lay sinews upon you, and will cause flesh to come upon you and cover you with skin, and put breath in you, and you shall live.” Sacred writings comforted humans by assuring that man, protected by the mantle of Divine Providence, is not limited by the material world [5, p. 182]. Men, in his turn, created beliefs and ceremonies to assure continuation of life after death by elaborating rituals to commemorate the dead.

At the end of the book Richard Brilliant quotes a hopeful, self-serving blessing from Jerusalem Talmud (XI, sec. 3, 13d, 1, 53) to be said on entering a cemetery:

... He who formed you in justice, sustained you in justice, and took you away in justice, will thereafter quicken you in justice. He who knows your number will remove the dust from your eyes. Blessed art thou, O Lord, who quickenest the dead.

5) Conclusion

Though the book by Richard Brilliant *Death. From Dust to Destiny* is just a drop in the ocean of books by theologians and philosophers on the meaning of human life, its purpose and destination, the essence of “I” and “self” and relation between life and afterlife, it is unique in its attempt to demonstrate the purpose of humanitarian sciences – theology and philosophy, as well as literature and art to reconcile us, each in their own way, with adversities of life, its hardships, ups and downs and final extinction by showing us the recurrent character of all possible events. There is nothing new under the Sun. Though it does not make any individual tragedy or harsh condition any easier, it makes them somehow more bearable when one sees and reads about the same trials repeating with people of all standings throughout the human history, starting with mythological characters, serving archetypes for all life possibilities. Knowing that you are not the only one, or the first one, that many others have passed through the same losses and ordeals, makes one stronger and more resistible to the adversities of life. In this respect art and literature play a unique role by showing the idealized images of the sufferers and in this way elevating human sufferings above the level of just a physical pain, reflecting the turmoil of souls and at the same time giving consolation.

References:

1. Aristotle. 350 BCE. Poetics. <https://classics.mit.edu>.
2. Apoorva Shukla, Sonali G Choudhari, Abhay M Gaidhane, and Zahiruddin Quazi Syed
1. Role of Art Therapy in the Promotion of Mental Health: A Critical Review. In: Cureus. 2022 Aug; 14(8): e28026. Published online 2022 Aug 15. doi: 10.7759/cureus.28026 . PMID: PMC9472646 PMID: 36134083
2. Berger, R. 2020. Nature therapy: Incorporating nature into arts therapy. *Journal of Humanistic Psychology*, 60(2), 244–257. <https://doi.org/10.1177/0022167817696828>
3. Botton, Alain de. 2013. Art as Therapy. <https://www.themarginalian.org>.
4. Brilliant, Richard. 2017. *Death. From Dust to Destiny*. Books Ltd. ISBN 978 1 78023 725 1
5. Copenhaver, Brian. 1998. Hermetics: The Greek Corpus Hermeticum and Latin Asclepius in a New English Translation, with Notes and Introduction. *Hermetica* XI.15, p.40. Cambridge.
6. Derrida, Jacques. 2008. *The Gift of Death*. 2nd edition and *Literature in Secret*, trans. David Wills. Chicago, IL.
7. Freud, Sigmund. 1910. Leonardo Da Vinci and a Memory of his Childhood. https://www.sas.upenn.edu>Freud_Leonardo
8. Freud, Sigmund. 1914. Moses of Michelangelo. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Volume XIII. <https://bgsp.edu>app>uploads>2014/12>>
9. Hermetica: The Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a New English Translation, with Notes and Introduction. 1995. Reprint Edition by Brian P. Copenhaver (Editor) Cambridge University Press.
10. Hass-Cohen, N. 2016. Secure resilience: Art therapy relational neuroscience trauma treatment principles and guidelines. In J. L. King (Ed.), *Art therapy, trauma, and neuroscience* (pp. 100–138). Routledge.
11. Hinz, L. D. 2019. *Expressive therapies continuum: A framework for using art in therapy* (2nd ed.) Routledge.
12. Holy Bible. Ezekiel (37). English Standard Version. Collins, 2002.
13. Hume, David. 1755 Essays On Suicide And The Immortality Of The Soul. <https://www.open.edu>.
14. Jerusalem Talmud XI, sec. 3, 13d, 1, 53. <http://www.betemunah.org>>
15. Jung, Carl G. 1925/1989. Analytical Psychology: Notes on a Seminar Given in
16. 1925, Princeton: Princeton University Press.

17. Jung, Carl G. 1964. Man and His Symbols. Anchor Press.<https://antilogicalism.com/uploads/2017/07>
18. Jung, Carl G. 1934. The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton University Press, 1959.
19. Kant, Immanuel. 1763. Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime. <http://people.whitman.edu>.
20. Kant, Immanuel. 1790. The Critique of Judgment. <https://oll.libertyfund.org>.
21. Maximus of Tyre. 1997. The Philosophical Orations. (Oration 10) Trans. M.B.Trapp. Oxford.
22. Nietzsche, Friedrich. 1872. The Birth of Tragedy from the Spirit of Music. <https://www.penguin.com.au>.
23. Plato. 380 BC. The Republic. <https://www.sciencetheearth.com>.
24. Pliny the Elder. 1906. *Natural History*. VII, 188. <https://www.perseus.tufts.edu>.
25. Ripley, Catherine L. 2023. How Art Therapy Can Help Survivors of Trauma Access an Embodied Sense of Safety. Expressive Therapies Capstone Theses. Spring 5-5-2023. https://digitalcommons.lesley.edu/expressive_theses
26. Scheffler, Samuel. 2013. *Death and the Afterlife*. Oxford.
27. Seneca. 1997. *Dialogues and Letters*, edited and translated by C.D.N. Costa, Penguin Books.
28. Tolstoy, Leo. 1898. What is Art? <https://www.gutenberg.org>.
29. Wojtkowski, Silvester. 2008. Jung's "Art Complex" <https://aras.org/documents/jungs-art-complex>

Information about the Author:

Tamar Mebuke (Tbilisi, Georgia) – Doctor of Philology (PhD), Professor at Georgian Technical University, Department of Foreign Languages.

<https://orcid.org/0009-0004-5867-0469>

Email: mebuket@yahoo.com Mob.: +995 599 90 74 95

The author permanently lives in Tbilisi, Georgia

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-124-132

УДК (UDC) 81'23

Vassili V. Bouilov
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland
Буйлов Василий В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

For citation: Bouilov Vassili V., (2025).
Elements of Military and Church Vocabulary
as Important Means of Stylization in the Prose
of Andrei Platonov and the Issues of Their
Literary Translation into English.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 124-132 (in USA)

Manuscript received 06/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**ELEMENTS OF MILITARY AND CHURCH VOCABULARY AS
IMPORTANT MEANS OF STYLIZATION IN THE PROSE OF ANDREY
PLATONOV AND THE ISSUES OF THEIR LITERARY TRANSLATION
INTO ENGLISH**

**ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ЛЕКСИКИ КАК ВАЖНЫЕ
СРЕДСТВА СТИЛИЗАЦИИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И
ВОПРОСЫ ИХ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ
ЯЗЫК**

Abstract:

The language of Andrei Platonov appears in a certain social sphere of public speech practice and accumulates different types of social consciousness and social relations. The speech of Platonov's characters can be considered as an example of deliberate and successful stylization, focused on the characteristic external speech features of conventional human characters, representatives of various social strata, as a conscious authorial imitation of the stylistic and genre features of the oral and written speech communication of characters with an artistic reproduction of the stylistic features of this communication. In most cases, because of Platonov's lexical and stylistic transformations, new meaning-forming formations appear that arise contrary to linguistic norms and are enriched with many connotations. This, in turn, poses the problem of conveying the entire spectrum of stylistic and semantic features of the author's, mainly non-conventional intra-textual elements, when translating Platonov's text into a foreign language.

Keywords: Andrei Platonov's idiostyle, the new Soviet era with its all-encompassing Novoyaz, literary clash of Utopia and Anti-Utopia/Dystopia, quasi-language of Utopia, military vocabulary, ideological clichés, Platonov's occasional formations, the implicativity of Platonov's text, literary translation as an intercultural project, the active use of the foreignization strategy, linguacultural adaptation, foreign dictionary equivalents with new semantic contents and meanings for the English language, literal translation and lexical calques, the humanistic idea of life for the Future, Childhood as the symbol of the Future

Аннотация:

Язык Андрея Платонова выступает в определенной социальной сфере общественно-речевой практики и аккумулирует в себе разные типы общественного сознания и социальных отношений. Речь платоновских персонажей можно рассматривать как образец намеренной и успешной стилизации, ориентированной на характерные внешние речевые приметы условных человеческих характеров, представителей различных социальных слоев, как сознательное авторское подражание стилевым и жанровым особенностям устной и письменной речевой коммуникации персонажей с художественным воспроизведением стилизованных черт этой коммуникации. В большинстве случаев в результате платоновских лексико-стилистических трансформаций получаются новые, возникшие вопреки языковым нормам смыслообразующие образования, обогащенные многими коннотациями. Это, в свою очередь, ставит проблему передачи всего спектра стилистических и семантических особенностей авторских, в основном, неконвенциональных внутритекстовых элементов при переводе платоновского текста на иностранный язык.

Ключевые слова: Идиостиль Андрея Платонова, новая советская эпоха с её всеобъемлющим Новоязом, литературное столкновение Утопии и Антиутопии/Дистопии, квазиязык Утопии, военная лексика, идеологические штампы, окказиональные образования Платонова, имплицативность текста Платонова, художественный перевод как межкультурный проект, активное использование стратегии форенизации, лингвокультурная адаптация, иностранные словарные эквиваленты с новым для английского языка смысловым содержанием и значениями, буквальный перевод и лексические кальки, гуманистическая идея жизни ради Будущего, Детство как символ Будущего

Introduction

In examining the idiostyle of Andrei Platonov based on one of his most conceptual works, the short novel “The Foundation Pit”, [10], this article traces a pattern associated with the purely Platonov use of various lexical and stylistic means acting as the author’s lexical means of increasing linguistic expressiveness. The speech of his characters is perfectly oriented towards speech situations typical for a particular sphere, successfully representing different types of communication. The use of pastiche as a stylized artistic imitation, various means of artistic and linguistic expression creates for the writer the opportunity not only for a satirical analysis of the reality surrounding him but also allows him to make certain ethical and philosophical conclusions.

Carrying out in this article also a partial lingua-translatological analysis of English translation of Thomas Whitney's translation of Andrei Platonov's short novel The Foundation Pit, the present research considers to which extent the translator succeeded in choosing a most faithful translation strategy in transmitting the author’s coded artistic information through the search for the most acceptable translation option [1, p. 2].

The research material in this article is the text of Andrei Platonov’s story The Foundation Pit and the text of the very first translation of this short novel into English, carried out in 1973 by Thomas P. Whitney. In this article the original Platonov’s text is quoted from the source: [10]. The English translation of the story is quoted from the source: [9].

In the preface to the publication of the translation of *The Foundation Pit* by Ann Arbor Publishing House in 1973 [9], Thomas Whitney is introduced as an experienced translator of Russian literature who worked in the Soviet Union for many years as a diplomat and a correspondent. [2, p. 2]. The Preface to the publication of this translation was written by Joseph Brodsky [4]. Among his most important publications are two major anthologies *The New Writing in Russia* [15] and *The Young Russians* [16], his book *Russia in My Life* [14], as well as his English translations of Alexander Solzhenitsyn's novel *In the First Circle* [12], the memoirs of dissident General Pyotr Grigorenko *Only Rats* [5] and Yuri Orlov's book *Dangerous Thoughts. Memoirs from Russian Life* [7].

The active participation of Joseph Brodsky in this translation project as an outstanding "Master of Word" was the defining moment in choosing Thomas Whitney's translation as the material for the translation studies presented here. In this context, Whitney's translation - in the absence of previous translations and any translation decisions and strategy for working with *The Foundation Pit* - deserves special attention [2, p. 2].

Discussion

Elements of military vocabulary

Platonov's stylization includes various elements of popular speech, folklore, bureaucratic language, the language of propaganda, etc. The writer resorts to stylization when imitating the speech of representatives of various social groups, and particularly speech of representatives of the administrative-party elite. V.A. Svitelsky [13] notes in his article "The Concrete and the Abstract in the Thinking of A. Platonov the Artist" that "A. Platonov aestheticizes layers in the speech of the era that were subjected to an unprecedented invasion of generalized concepts and ideas, rally and propaganda phrases, newspaper and officious stereotypes" [13, p. 1].

At the same time, Platonov's stylized recreation of the characteristic features of living folk speech sharply contrasts with the stylized reproduction in the text of the story of the ideological speech of representatives of the official authorities. Thus, Platonov's introduction of military vocabulary into the text of *The Foundation Pit* also serves the purpose of a stylized transmission of the clichéd speech of the ideology practiced in the new state, which declaratively, in a command-and-control manner, proclaimed itself ideal and put Utopia on stream.

When it is used in *The Foundation Pit*, the emphasis is on the imperative-command discourse of the military-structured and unquestionable speech of circulars, orders and totalitarian propaganda. This new society is organized according to the principle of a strict army hierarchy and has a military-calibrated vertical chain of command and a structure of unquestioned execution of orders and subordination to the General Secretary of the Party, who is also the Generalissimo and Supreme Commander-in-Chief.

The party as a pyramid of power and a powerful paramilitary structure. War communism as a form of government. It is no coincidence that many party leaders of that time, described in *The Foundation Pit*, and, in fact, Stalin himself, preferred to wear jackets, tunics, uniforms with military insignia, and even sword belts with combat weapons not only in official settings, but also in civilian life. And the main set of party rules was called, in military terms, *Устав Партии/the Party Charter*.

R. Lehtikoinen (Pyykkö)[6] speaks of "the use since the 1920s of the military term **штаб/the headquarters** as the name of the highest governing body in general [**штаб/the headquarters** of the world revolution, **штаб/the headquarters** of the old Bolshevik guard] and the term **штурм/storm** to designate decisive, active actions to achieve something [**штурм общества/storming** society, **штурм капиталистического мира/storming** the capitalist world, **штурм трудностей/ storming** difficulties, **штурм хозяйственных высот/storming** economic heights] <...>" [6, p. 149-150].

In the text of *The Foundation Pit* military vocabulary is used everywhere. For example, Platonov uses the words **строй/formation**, **мобилизация/ mobilization**, **мобилизовать/mobilize**, **фронт/front**, **шторм/storm**, **плен/ captivity** as productively as possible as the main lexical components of set phrases and the author's occasional constructions, built in the likeness of Soviet propaganda clichés:

*А деревья эти – моя плоть, и пускай она теперь мучается, ей же скучно обобществляться **в плен!*** [10, p. 72]

*<...> передняя лошадь толкнула головой ворота нараспашку и весь конский **строй** ушел с кормом на двор.* [10, p. 65]

*<...> по улице двинулся из глубины города **строй** детей-пионеров <...>* [10, p. 18]

*Каждая девочка, двигаясь в меру общего **строя**, улыбалась от чувства своего значения, от сознания серьезности жизни, необходимой для непрерывности **строя** и силы похода.* [10, p. 18]

[In all quotes highlighted in italics, bold italics were introduced by the author of the article – V.B.]

The characteristic of the text of *The Foundation Pit* is the use of the noun **авангард/vanguard/avant-garde** to nominate (often ironically in Platonov's works) representatives of the Communist Party of various ranks and the Soviet economic and administrative activists. Lehikoinen explains this tendency, connected with the rapid spread of the use of the word **авангард/vanguard/avant-garde** in Soviet times:

*“The military term **авангард/vanguard/avant-garde**, borrowed from the French language, has been used since the beginning of the 20th century to designate the advanced part of any social group or class: **авангард народов/the vanguard** of the peoples, **авангард пролетариата/the vanguard** of the proletariat, **авангард рабочего класса/the vanguard** of the working class, **авангард труженников/the vanguard** of the workers <...> The military term **авангард/vanguard/avant-garde** can also be included in constructions where its meaning is close to the adverb “ahead.”* [6, p. 146].

[The cited text is translated into English by Vassili Bouilov. In all quotes highlighted in italics, bold italics were also introduced by the author of the article - V.B.]

Lehikoinen defines the semantic transformations that the word **фронт/front**, also borrowed from the French language, underwent in the Soviet era:

*“The ability to designate the area of active military operations led to the word coming to designate an area, a sphere of state or public activity where energetic work is taking place: культурный **фронт/the cultural front**, посевной **фронт/the sowing front**, угольный **фронт/the coal front**, фронт труда/**the labor front**, фронт социалистического строительства/**the front** of socialist construction <...>”* [6, p. 149].

The evolution of the military term **front**, which is used in the construction **на фронт социалистического строительства/to the front of socialist construction**, is indicative of the language of the revolutionary era. Platonov's multi-layered creative irony, realized in the following slogan phrase, is a figurative artistic example of propaganda ideological clichés in action and gives rise to a general connotation of Platonov's sharp sarcasm:

Товарищи, мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства! Крапива есть ни что иное, как предмет нужды заграницы [10, p. 46].

«Comrades, we must mobilize the nettles on the front of socialist construction! Nettles are nothing less than an object needed abroad <...>» [9, p. 62].

In the fragment under consideration, the phrase *мобилизовать крапиву/mobilize nettle* ironically plays on the unnatural meaning of the combination of the military vocabulary verb *мобилизовать/mobilize* with the commonly used vocabulary word *крапива/nettle*. This use of a military vocabulary word *мобилизовать/mobilize* in a situation where we are talking about *крапива/nettles* and their large-scale agricultural utilization, which is already strange, contradicts logic and creates a special sarcastic expression, built on the illogicality and semantic surrealism of the situation, introducing into the text the motif of carnivalization of the narrative and the life described in it.

This impression of absurdity is significantly reinforced by the no less casuistic clarification that the *крапива/nettles* must be mobilized *на фронт социалистического строительства/to the front of socialist construction*. As a result of the author's stylistic, unconventional use of such broken lexical compatibility and "connection of the incompatible," a connotation is born that relates to the striking, but in form and meaning casuistic symbolism of Soviet poster and slogan propaganda.

Elements of church vocabulary

This subsection of the article will examine Andrei Platonov's use of elements of **church vocabulary** in the text of *The Foundation Pit* in a new semantic application determined by the new Soviet era. The attention will be also paid to Thomas Whitney's literary translation of fragments of the short novel *The Foundation Pit* into English with the participation of elements of church vocabulary in this new application.

A little more detail will be touched upon some of the most interesting aspects of the translation into English of certain ecclesiastical words and terms used in a purely Platonov's context, determined by the Soviet era in which Platonov wrote.

The use of a deliberate mixture of styles and various means of artistic expression as a stylistic device, in addition to directly achieving a deliberate satirical effect, allows Platonov to rise to a qualitatively different height of the author's ideological-aesthetic and philosophical generalization.

Church vocabulary serves as one of the lexical components of such a mixture. Moreover, in the appropriate contexts, the "confrontation" of church vocabulary with elements of official-bureaucratic speech, clericalisms, etc. allows Platonov to create a text of high emotional-expressive saturation and gives the text the characteristic features of the clichéd speech of ideology associated with the use of church vocabulary, a mention of which can be found in the works of A.M. Selishchev [11, p. 141-147].

For example, in the following fragment, by combining in one speech flow the words of church vocabulary, *ангел/angel* and *вознесение/ascension*, with newspaper, publicistic and office styles, Platonov achieves a connotation of the bombastic pathos inherent in the phraseology of the party nomenklatura. This mixture of styles gives rise to the connotation of the false speech of nomenklatura people, who pronounce a set of words in their false sense and in their own soulless, atheistic understanding:

– *Прощай, – сказал ему Сафронов, – ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения <...>* [10, p. 42].

«Farewell», said Safronov to him. «You are now like a vanguard angel from the working staff, in view of your ascension into government institutions <...> [9, p. 54].

The introduction of church vocabulary into the clichéd speech of Safronov, an ambitious and impudent party careerist, comes into logical conflict with its atheistic, godless content. The stylistic clash of church vocabulary with the official phraseology of war communism sounds frankly grotesque.

The translation of this fragment complies with the norms of the English language. Whitney translates church vocabulary **literally** with its direct dictionary equivalents. The entire sentence in the translation sounds elevated and, as Platonov intended, pathos-poetic in the spirit of the dominant ideology. The clash of church vocabulary with words of official style in Whitney's English translation creates a connotation of false grandiloquence of the clichéd speech of ideology.

In the following fragment, in the context of the description of a nameless activist, a party nominee, a militant illiterate atheist, a mercenary and low person known in the district, the use of **Church Slavicism** and **poetism** *ycma/mouth* [8, p. 838], which has a high, solemnly bookish expressive coloring, gives the narrative a sharply sarcastic tinge:

Сдерживая силу своей инициативы, неподвижно стоял активист среди всеобщей тишины колхоза, и его подручные товарищи глядели на его смолкшие уста, не зная, куда им двинуться. [10, p. 65].

Restraining the strength of his initiative, the activist stood there immobile in the midst of the general silence of the collective farm, and his assistant comrades gazed upon his silenced lips, not knowing which direction they should move in. [9, p. 96]

The author's stylistic combination of church vocabulary and poeticized expressions of high style with clichés of official style in one speech flow gives rise to a connotation of sarcasm. Such allegorical and stylistically conscious reduction of words of different styles in Platonov's speech creates the impression of illogicality of the situation described. Such an allegorical and stylistically conscious combination of words of different styles in Platonov's speech creates the impression of illogicality of the situation described. This impression is strengthened in the context of communicative tension and silent threat to those around him, which comes from the activist, who has gone too far in his unlimited power over people.

Whitney's translation complies with the norms of the English language and is consistent. The Church Slavonic word *ycma/mouth* is translated with the stylistically neutral word *lips*. The entire sentence is translated **literally** and **with the preservation of the mixture of styles** present in the original.

In the next episode of *The Foundation Pit*, Platonov, with obvious pain in his heart, gives a tragic description of the scene of the peasants saying goodbye to each other during the brutal reprisal against them, organized by an activist, by means of the fatal descent of a raft-scaffold with them down the river into the open sea. Drowning people, soldiers and class enemies by the hundreds in tightly packed barges was a common form of reprisal in the brutal years of the Civil War preceding the events in *The Foundation Pit*.

Platonov's entire life, filled with suffering and deprivation, and this literary, hard-won description of the image of a raft-scaffold with peasants on it, doomed to certain death, is an artistic and tragic testimony to the real Stalinist repressions in the USSR, reprisals and executions with millions of victims, which were distinguished by their mass scale during the time of Stalin's collectivization [**collectivization**, policy adopted by the Soviet government, pursued most intensively between 1929 and 1933, to transform traditional agriculture in the Soviet Union and to reduce the economic power of the kulaks (prosperous peasants). Under collectivization the peasantry were forced to give up their individual farms and join large collective farms (kolkhozy)] [3, p. 1].

Collectivization in the USSR is comprehensively reflected not only in this artistically symbolic terrible episode from *The Foundation Pit* but is also confirmed in many hundreds of thousands of archival documents, in written and oral testimonies of

participants in these events and surviving victims. In The Foundation Pit, these unfortunate peasants are sentenced by a mentally weak upstart activist to physical extermination as “class enemies” by being lowered on a raft-scaffold down the river into the sea, where they are all to perish:

*Каждый начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все **уста** грустно и дружески целовали каждого. [10, p. 74]*

Platonov’s use of the Church Slavonic word **уста** [*usta*] in the author’s poetically felt description of this scene gives the entire action a sublimely penetrating, highly spiritual and existentially tragic meaning. The introduction of church vocabulary into this fatal context for the peasants significantly expands the range of the author’s expression in the dramatic depiction of their spiritual strength and the purity of their integral human characters, conveying the atmosphere of a solemn, tragic unity of people in the face of their collective death.

In the following fragment, Platonov’s use of several words and phrases from church vocabulary at once when describing one of the key moments of the narrative of The Foundation Pit is stylistically completely justified and contributes to the highly poetic transmission in the text of the bright and elevated feelings and emotions of the main character, which were evoked in him by the spiritual purity and nobility of the girl Nastya:

Воцев попробовал девочку за руку и рассмотрел ее всю, как в детстве он глядел на ангела на церковной стене <...> ум ее увидит время, подобное первому исконному дню. [10, p. 51]

*Voshchev felt the girl by the hand and looked her all over just as in childhood he had looked upon **the angel up on the church wall**; ...and her mind would see a time which was like **the first primeval day**. [9, p. 71]*

Whitney's translation does not comply with the norms of the English language. The translation shows **an expansion of the collocation** of some words. For example, the phrase *felt the girl by the hand* deviates somewhat from the norm *felt the girl's hand*. By such a deliberate violation of lexical collocation, the translator creates a sense of non-standard narration, emotional uplift of the described situation. **The church vocabulary** present in the original **is rendered by its direct dictionary equivalents**. The entire translated sentence sounds very poetic, preserving the connotation of spiritual elevation inherent in the original.

Conclusion

Platonov’s language in The Foundation Pit is actively saturated with such military vocabulary, already widely used in Soviet times, in such new, specific, unusual, unconventional meanings for the lexical tradition, which have already become an integral part of the vocabulary of the new Soviet era with its all-encompassing Novoyaz. The translation of military vocabulary with new semantic content into English, reflecting Platonov’s artistic use of his occasional expressions in the image and likeness of Soviet propaganda clichés, is a very interesting challenge for a literary translator.

In general, the translation of **military vocabulary** words used in a special way by Platonov is carried out mainly by using their **foreign dictionary equivalents with new semantic contents and meanings for the English language**. This circumstance, in turn, determines that to reflect the peculiarities of Platonov’s use of the language of the new Soviet society, Thomas Whitney consciously resorts to the active use of **the foreignization strategy**.

Thus, the "newfangled" political and ideological clichés deliberately introduced by Platonov into the text of The Foundation Pit, imposed by force, sound in Whitney’s

translation as casuistically absurd as in Platonov's original. In many cases Thomas Whitney uses the strategy of **literal translation and lexical calques**. To the same extent, not corresponding to the norms of the English language, they are conveyed in translation quite successfully by using mostly translational tracing of the meanings of new words and phrases. The connotation of sharp Platonov's sarcasm is preserved in the translation.

The highly spiritual image of the girl Nastya occupies a special symbolic place in *The Foundation Pit*. She personifies the Future, the dream of this Future, on which the Utopia depicted in the short novel *The Foundation Pit* is partly based - children are obliged to live to preserve in themselves the humanistic idea of life for the Future. At the same time, Platonov psychologically subtly conveys the charm of the noble character of the girl, who became one of the many victims of Utopia and symbolizes the collapse of this Utopia with her tragic death. Nastya also symbolizes Childhood, the Future and the Dream in *The Foundation Pit* - she must live in the Present to preserve it for the Future.

References:

1. Bouilov V.V. (2023). On Some Difficulties in Translating Andrei Platonov's Prose. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, Vol. 8, Issue 1 (2023), pp. 17-27 (in USA) (In English).
2. Bouilov V.V. (2024). Analytical and Attributive Constructions as Important Syntactic and Stylistic Means of Andrei Platonov's Idiostyle and their Translation into English. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, Vol. 9, Issue 3 (2024), p. 2 (in USA) (In English).
3. Britannica (2025). Collectivization. Agricultural policy. URL 01.03.2025: <https://www.britannica.com/money/collectivization>.
4. Brodskij I.A. (1973). Predislovie k povesti A. Platonova «Kotlovan». / Platonov A. *The Foundation Pit*. Preface to A. Platonov's story *The Foundation Pit*. A bi-lingual edition. Ann Arbor, Michigan, pp. 163-165 (In Russian).
5. Grigorenko P. (1982). *Memoirs*. Translated by Thomas P. Whitney. New York: Norton (In English).
6. Lehtikoinen R. (1990). Slovar' revoljucii – revoljucija v slovare? Abbreviatury i inozazychnaja leksika v ruskom jazyke pervogo poslerevoljucionnogo desjatiletija. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, N:o 32 (In Russian).
7. Orlov Y. (1991). *Dangerous Thoughts. Memoirs of a Russian Life* (translated by Thomas P. Whitney). New York: William Morrow and Company (In English).
8. Ozhegov S.I. (1990). *Slovar' russkogo jazyka*. Moskva: Russkij jazyk (In Russian).
9. Platonov A. (1973). *Platonov A.P. Kotlovan* (In Russian). Platonov A. *The Foundtion Pit*. (In English). A bi-lingual edition. Translated by Thomas P. Whitney. Ann Arbor, Michigan (In Russian / In English).
10. Platonov A.P. (1988). *Kotlovan. Izbrannaja proza*. Moskva: Knizhnaja palata (In Russian).
11. Selishhev A.M. (1968). Revoljucija i jazyk. Vrazitel'nost' i obraznost' jazyka revoljucionnoj jepohi. *Izbrannye trudy*. Moskva: Prosveshhenie, 141-158 (In Russian).
12. Solzhenitsyn A.I. (1968). *In the First Circle*. 1st Edition. The short novel translated by Thomas P. Whitney. New York: Harper & Row Publishers (In English).
13. Svitelsky V.A. Concrete and abstract in the thinking of A. Platonov the artist. *Creativity of A. Platonov. Articles and messages*. Voronezh: Voronezh University Publishing House. 1970, pp. 7-26.
14. Whitney T.P. (1962). *Russia in My Life*. New York: Reynal (In English).
15. Whitney T.P. (1964). *The New Writing in Russia*. Translated, Ed. with an Introd. by Thomas P. Whitney. Michigan: Ann Arbor, University of Michigan Press (In English).
16. Whitney T.P. (1972). *The Young Russians*. Thomas P. Whitney (Editor). A collection of short stories by known and unknown Russian authors about the lives of Russian youth. Mundane, exotic, emotional just as youngsters of any other country. Language English. First published January 1, 1972. Macmillan: Collier-Macmillan (In English).

Information about the Author:

Vassili Bouilov (Helsinki) - Doctor of Philosophy (FT/PhD, Finland),

Doctor HC (Doctor Honoris Causa in Literature, Spain),

Academy Fellow in Finnish Academy of Science, Visiting Researcher, Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies,

E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

The author permanently lives in Helsinki.

Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513

ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works, presented reports and placed works of own poetry in different international scientific and literary editions – over 130 items (among scientific interests are lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers. Special thanks to Professor Thomas Bayer, Middlebury College, Vermont.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-133-143
УДК (UDK) 27-9

*Haykanush A. Hovannisyan,
NAS RA Institute of Language after H. Acharyan,
Yerevan, Armenia
Оганнисян Айкануш А.,
Институт языка имени Р. Ачаряна НАН РА,
Ереван, Армения*

*For citation: Hovhannisyan Haykanush A., (2025).
Sahak Partev, one of the greatest prophets.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue 1 (2025), pp. 133-143 (in USA)*

*Manuscript received: 22/12/2024
Accepted for publication:
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

SAHAK PARTEV, ONE OF THE GREATEST PROPHETS

СААК ПАРТЕВ, ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ПРОРОКОВ

Abstract:

Aims and Objectives: The study aims to analyze the prophetic gift of Armenian Patriarch Sahak Partev, its influence on Armenia's spiritual and historical development, and the correlation of his prophecies with major historical events. The main objectives include examining historical sources, describing his visions and their interpretations, and analyzing their realization over time.

Methodology and Research Methods: The research is based on a historical-philological analysis of primary sources, particularly Lazar Parpetsi's *"History of Armenia."* Comparative analysis, hermeneutic methods, and textual research are employed to identify patterns in Sahak Partev's prophecies. An interdisciplinary approach is also applied, integrating historical and religious-cultural perspectives.

Results: The study establishes that Sahak Partev possessed a rare prophetic ability, allowing him to foresee significant events in Armenian and world history. His visions encompass not only his era's immediate future but also events that took place centuries and even millennia later. An analysis of his prophecies, as recorded by Lazar Parpetsi, reveals their alignment with major historical catastrophes, including Arab invasions, the Crusades, Mongol conquests, and even the Armenian Genocide of 1915.

Theoretical Contribution: This research enhances the understanding of prophecy within Armenian historiography and affirms the significance of Lazar Parpetsi's work as a key source of Armenia's spiritual and historical legacy. The study contributes to the exploration of ancient Armenian literature and religious traditions, demonstrating their connections to global historical processes.

Practical Relevance: The findings may be useful for historians, philologists, and theologians studying Armenian cultural and religious heritage. The research materials can be incorporated into educational programs on Armenian history and in studies on the phenomenon of prophecy in world cultures. Additionally, examining Sahak Partev's

prophecies may provide deeper insights into historical patterns and mechanisms of foresight in ancient texts.

Keywords: Sahak Partev, Lazar Parpetsi, Anania Shirakatsi, Vahan Mamikonian, prophet, prophecy, vision, historical conflicts, military events

Аннотация:

Цели и задачи: Цель исследования – проанализировать пророческий дар армянского патриарха Саака Партева, его влияние на духовное и историческое развитие Армении, а также выявить соответствие его пророчеств историческим событиям. Задачи исследования включают изучение исторических источников, описание видений и их толкований, а также анализ их последующего воплощения в реальности.

Методология и методы исследования: Исследование основано на историко-филологическом анализе первоисточников, в частности труда Лазаря Парпеци «История Армении». Используются методы сравнительного анализа, герменевтики и текстологического исследования для выявления закономерностей в пророчествах Саака Партева. Также применяются элементы междисциплинарного подхода, включая историческую и религиозно-культурную перспективы.

Полученные результаты: Установлено, что Саак Партев обладал редким даром пророчества, который позволил ему предвидеть важные события в истории Армении и мира. Его видения охватывают как ближайшее будущее его эпохи, так и события, происходившие спустя столетия и даже тысячелетия. Анализ пророчеств, изложенных Лазарем Парпеци, выявил их соответствие ключевым историческим катастрофам, включая нашествия арабов, походы крестоносцев, монгольские завоевания и даже геноцид армян 1915 года.

Теоретический вклад: Исследование расширяет представления о феномене пророчества в армянской историографии, а также подтверждает значимость труда Лазаря Парпеци как важного источника духовного и исторического наследия Армении. Работа вносит вклад в изучение древнеармянской литературы и религиозных преданий, обосновывая их связь с глобальными историческими процессами.

Практическая значимость: Результаты исследования могут быть полезны историкам, филологам и теологам, изучающим армянское культурное и религиозное наследие. Материалы работы могут использоваться в образовательных программах, посвящённых истории Армении, а также в исследованиях, связанных с феноменом пророчества в мировой культуре. Кроме того, изучение пророчеств Саака Партева может способствовать углубленному пониманию исторических закономерностей и механизмов предвидения будущего в древних текстах.

Ключевые слова: Саак Партев, Лазарь Парпеци, Анания Ширакаци, Ваган Мамиконян, пророк, предсказание, видение, исторические конфликты, военные события

Введение

В данном исследовании представлено высшее качество великого духовного деятеля последней четверти IV и первой половины V века — армянского патриарха Саака Партева. Это качество, редкое явление, дарованное природой лишь немногим людям на протяжении тысячелетий. Речь идёт о его пророчествах, охватывающих не только его эпоху, но и столетия, даже тысячелетия, доходя до наших дней.

Эти пророчества проявлялись в видениях во время его молитв в Кафедральном соборе города Вагаршапата. Их толкование происходило немедленно, в тот же момент. Если проследить и провести параллели между истолкованием его видений и глобальными историческими событиями, происходившими на протяжении веков, становится очевидным, что все его пророчества сбылись.

Литературный обзор

Саак Партев, сын Великого Нерсеса, внук Афеиногена, правнук Вртанеса и потомок Григора Лусаворича (Просветителя), был Католикосом всех армян.

Многие знают, что Саак Партев, следуя примеру своего отца, Великого Нерсеса, самоотверженно служил Армении во время своего патриаршества, способствуя духовному и литературно-образовательному развитию армянского народа.

Его значительная роль в создании армянского алфавита и распространении письменности на территории Армении также хорошо известна. В этом деле он действовал в тесном сотрудничестве с Месропом Маштоцем и царём Врамшапухом. Кроме того, Саак Партев внёс большой вклад в перевод Евангелия на армянский язык.

Однако менее известен тот факт, что он владел искусством «песенных букв» — мелодичных иероглифов, или, говоря современным языком, музыкальной нотации. С их помощью в дохристианскую эпоху в армянских языческих храмах исполнялись песнопения и совершались жертвоприношения богам. Об этом упоминает Лазарь Парпеци в своём труде «История Армении», который представляет собой значимый исторический и художественный источник.

Из работы Парпеци также становится ясно, что Саак Партев обладал ещё одним уникальным даром — пророческим видением. Он мог толковать события своей эпохи таким образом, что предсказывал будущие общественные и политические изменения, причём не только на национальном уровне, но и в масштабах всего мира.

Несмотря на важность этого аспекта его личности, он никогда не был детально изучен. Впервые к этой теме мы обратились в исследовании «Анания Ширакаци и конкорданс его труда "Космология и календарь"». В частности, мы рассмотрели его видение беседы с Солнцем, в котором он убеждал слушателей, что его рассказ — не плод воображения, а отражение реальных переживаний. В качестве подтверждения существования подобных явлений мы привели аналогичный пример пророческого видения Саака Партева, описанного Лазарем Парпеци.

Теперь, прежде чем подробно остановиться на этом видении, следует рассмотреть исторический контекст.

После смерти царя Врамшапуха и его брата Хосрова на армянский престол взошёл сын Врамшапуха — Арташес. Однако он вёл распущенный образ жизни, пренебрегая государственными и национальными интересами. Это вызвало возмущение среди армянских князей, которые, опасаясь за судьбу страны, обратились к персидскому шаху Враму с требованием сместить Арташеса. Чтобы их доводы звучали весомее, они обратились за поддержкой к Католикосу Сааку Партеву, но он всеми силами пытался отговорить их от этого шага, предостерегая о возможных тяжёлых последствиях для Армении.

Однако князья были непреклонны. Более того, они поставили перед Католикосом ультиматум: если он не поддержит их, то вместе с царём будет отстранён от власти. В конечном итоге так и произошло. Персидскому двору достаточно было лишь формального повода, чтобы лишить Армению собственного правительства.

После этого страной начали управлять персидские наместники. На посту Католикоса сменилось три человека: сначала подкупленный князьями Сурмак Арцкеци, затем назначенные Персидским двором ассирийцы Бркишо и Шмуэл. Однако все они были быстро смещены, поскольку пытались навязать Армении чуждые традиции и порядки.

Осознав, какую ошибку они совершили, армянские князья в отчаянии пришли к ногам Саака Партева, умоляя его простить их и вновь занять пост Католикоса. Однако он отказался, разгневанный их предательством. «Как я могу быть духовным главой тех, кто сам предал свой народ?» — сказал он.

Кроме того, Саак Партев заявил, что знал о грядущих событиях заранее, потому что видел их в пророческом видении, ниспосланном ему свыше.

«Վասն զի զանցս աղէտիս այսորիկ յառաջ քան զձեռնադրելն զիս յեպիսկոպոսութիւն՝ եցոյց ինձ վերին կանխասացութիւն ... զիտելութիւն իրաց ան ի յապայ եղիցս»³:

«Потому что события этой гибели были открыты мне в высшем предсказании ещё до того, как я был посвящён в епископы ... познание грядущих событий».

Однако, несмотря на свой гнев, Патриарх, оставшийся на высоте своего духовного служения, не желал отвергать заблудшее стадо. Оказавшись в безвыходной ситуации, он был вынужден рассказать о видении, которое десять лет хранил в тайне и никому не открывал. Он поведал о своём пророческом откровении, которое увидел за десятилетие до описываемых событий, когда, ещё не будучи Католикосом, сидел у святого стола Божьего в кафедральном соборе города Вагаршапата. В то время на патриаршем престоле находился его отец, Великий Нерсес, а Арменией правили цари из рода Аршакуни.

Это видение нельзя считать плодом художественного воображения историографа Лазаря Парпеци. Судя по всему, он располагал оригинальной записью пророчества Саака Партева и его толкования, на основе которых и создал свой труд. В противном случае его рассказ можно было бы приписать исключительно фантазии историка. Вот подтверждение этому:

«Եւ արդ պատմեցի ձեզ ոչ միայն ան նեղել սրբիս, այլև թարուցանել երկուցեալ զի մի՛ երբեք իբրև զլոցոյ պատուհասեալ դասեցայց ի ցուցողէ յայտնութեանս այսորիկ. Որ և գրով իսկ հրամայեաց ինձ զաւանդս զայս թողով յաշխարհի»⁴:

«А теперь я рассказал вам об этом не только из-за тревоги в сердце моём, но и потому, что боялся скрыть, чтобы не быть осуждённым как тот, кто утаил откровение. Ведь даже письменно мне было велено оставить это пророчество миру», — так резюмирует свой рассказ Патриарх.

Заголовок видения и его толкование принадлежат Лазарю Парпеци. Далее же следует непосредственное повествование Саака Партева.

«Видение святого Саака Партева, которое он узрел в городе Вагаршапате, сидя в святом кафедральном соборе у алтаря, близ Божьего стола. Теперь запишем это видение, которое есть слова Отца, Бога Иисуса Христа и Святого Духа».

«И вот внезапно отверзлось небо, и оттуда снизошёл ослепительный свет, наполнивший всю землю. Мне явился огромный четырёхгранный алтарь из облаков, возвышавшийся до небес и простиравшийся по всей земле. На алтаре я увидел треугольную золотую виньетку, изготовленную из святого золота и покрытую тончайшей белоснежной тканью. На этом покрывале явно проступал сияющий знак Креста Господня, светившийся не материально, но божественным сиянием.

Вдруг подул лёгкий ветерок, и одна из створок ткани приоткрылась. Я увидел, что на алтаре стоял четырёхгранный стол, украшенный разноцветными драгоценными камнями. На нём находился один святой хлеб и одна гроздь винограда — символ завета небесного спасения.

Рядом с этим столом возвышалось ветвистое оливковое дерево, полное плодов. Я не мог определить его точные высоту и ширину, но оно было необычайно плодовитым. Его урожай был налитым, красивым, чудесным. Четыре ветви дерева простирались вниз, к земле. Три из них были равномерно плодородны, а четвёртая — малопродуктивной, короче остальных. Её плоды были не столь сочными и тучными, как у остальных ветвей, а чахлыми и бедными, словно склонившимися на колени.

Слева от алтаря я увидел четырёхгранный стул цвета ледяного моря, покрытый тёмным полотном. От дуновения лёгкого ветерка полотно приподнялось, и передо

³ Lazar pharpeci, «Patmuthivn Hayoc». Yerevan, 1982th. eg`64.

⁴ Lazar pharpeci, «Patmuthivn Hayoc». Yerevan, 1982th. eg`82.

мною открылся большой серебряный поднос. На нём лежала сложенная виссонная накидка, рядом с ней — золотой шар и четырёхгранный пергамент.

Пергамент был исписан чудесными золотыми буквами, словно рукою искусного переписчика. Однако в середине его строки были искажены, стёрты, не поддавались прочтению. В самом конце снова появлялись строки, написанные золотистыми буквами, ещё более прекрасными, чем в начале.

От полунаписанных строк до середины шёл золотой узор, а дальше буквы были начертаны красно-оранжевыми чернилами.

Вокруг подноса стояли многочисленные толпы мальчиков и чуть меньше девочек. Все они были облачены в сияющие одежды, испускающие лучи света. Однако некоторые из них излучали красноватый свет, а у других одежды переливались разными оттенками. Все дети были обращены к святому столу, не отводя взглядов от завета спасения.

И вдруг стул начал двигаться с громким грохотом. Дети, которых я видел в их ранние годы, внезапно начали изменяться — на мгновение они стали молодыми людьми, достигшими совершеннолетия. Затем у них появились крылья, и, взлетев вверх, они опустились на святой стол, украшенный разноцветными драгоценными камнями. Там они остались, воспевая Святого Бога. Святой стол вместе с ними начал возноситься, пока не достиг высоты небес, и вскоре исчез из виду. Так видение стало невидимым, окончилось, а я, охваченный великим страхом, пришёл в замешательство.

Вдруг с небес явился мне образ человека — лучезарного мужа, свет которого был столь ярким, что затмевал солнечный свет. Он стремительно приблизился ко мне, и я, поражённый его внезапным появлением, в страхе пал лицом вниз на землю. Тогда он протянул ко мне руку, поднял меня, утвердил на ногах и сказал: «Будь мужествен, укрепись, ободрись и не бойся. Укрепи сердце своё во имя Всемогущего, сотворившего всё, ибо Он явил тебе великую тайну своего предвидения».

Придя в сознание и окрепнув от его слов, я встал на ноги. Тогда он снова обратился ко мне: «Почему ты печален? Почему пустые заботы омрачают твои мысли и затмевают твои чистые намерения? Бессмысленные тревоги смущают твой разум, ибо ты скорбишь, что у тебя нет сына. Но ведь ты, знающий волю Господа, должен понимать, что Он даёт каждому по своему усмотрению, и никто не может запретить Ему даровать блага тем, кого Он считает достойными. Теперь же Всевышний, сжалившись над тобой, ибо Он любит тебя, захотел избавить тебя от этих суетных помыслов. Ради этого Он утешил тебя этим видением, явив тебе великую тайну. Он открыл тебе не только события, которые вскоре произойдут, но и всё то, что произойдёт до конца времён. Это послание предназначено не только тебе, но и всем верным, верящим в Его слово, так же, как некогда Он открыл истины твоему праведному предку — святому Григору.

Тебе были показаны события, которые свершатся до конца мира. Теперь внимай словам моим: я истолкую тебе это великое видение, как мне было повелено Всевышним, дабы ты знал истину. Слушай внимательно и запиши это в сердце своём, как незыблемую истину. Пусть она будет запечатлена на пергаменте и передана верующим в наставление вплоть до конца времён».

Толкование видения святого Саака от ангела Божия:

«Разверзшиеся небеса и свет, который распространился по всему миру, означают, что с пришествием Животворящего Сына Божьего открылись двери милосердия для всех, кто любит Его и хранит заповеди Его. Он явил свет своей славы и учения.

Возвышенный четырёхсторонний алтарь, простирающийся от земли до небес, символизирует истинную веру, с помощью которой праведники вознесутся из тягот земного существования к небесному блаженству. Тот факт, что алтарь был облачного цвета, означает, что Тот, кто вознёсся на облаках, однажды вновь придёт, чтобы взять с

Собой праведников в Царство Отца, где множество обителей. Это то, о чём ты, наставляемый Святым Духом, уже знал из слов апостола Павла: „На облаках встретим Господа в воздухе“.

Золотой треугольник, лежавший на алтаре и покрытый чистой тончайшей тканью, означает сокровенный и непостижимый совет Божий. Он полон чистоты и величия, подобно золоту и сиянию ткани. На этом покрове виден был Крест Господень — знак воскресения, благодаря которому все живущие, павшие во грех, смогут воскреснуть к жизни. Ибо при втором пришествии Христа сначала явится Крест, а затем последует Суд, на котором каждому воздастся по делам его.

Ароматный воздух, который приподнял часть ткани, знаменует собой сладостный и сокровенный глас Святого Духа, открывающего своим святым Божественные тайны. Под покрывалом находился золотой стол, украшенный драгоценными камнями, что указывает на единство Святой Троицы. Этот стол символизирует бытие праведных, которые, подобно драгоценным камням, запечатлены в славе Господа и восседают с Ним, вкушая плоть и кровь Спасителя. Ибо хлеб и гроздь винограда, явленные на столе, суть образ Тела и Крови Животворящего Господа, принесённого в жертву ради спасения человечества.

Оливковое дерево, возвышавшееся рядом со святым заветом, ветвистое, плодоносящее, исполненное зрелых плодов, символизирует благодать, милосердие и любовь среди людей. Потому что истинная праведность не только в богопочитании, но и в сострадании к ближним. Господь более всего возвеличивает любовь к нищим и добрые дела. Таковые были первыми избранниками Божиими — Авраам, Исаак и Иаков. А кто не проявляет любви к ближним, те, подобно неразумным девам, останутся вне брачного чертога.

Тем самым Господь запечатлевает в людях знак истинного христианского учения, сказав: „По этому узнают все, что вы Мои ученики, если будете любить друг друга“. И более того, тот, кто исполняет заповедь любви щедро, с радостью и добровольно — не только к бедным, но и к братьям, к товарищам, ко всем людям, — тот способствует миру в мире. В нём Господь пребывает, даруя ему благословение и плодovitость земли. Именно поэтому ты видел высокое оливковое дерево, ветвистое и плодovitое.

Четыре ветви оливкового дерева, склонявшиеся к земле, были различны: три из них были полноценными и плодоносными, тогда как четвёртая оказалась слабее, уступая остальным по размеру и плодородию. Её плоды были тусклыми и вялыми, урожай — скудным, и они не походили на другие — тучные и зрелые плоды оливкового дерева. Теперь сосредоточься, внимай моим словам, ибо я открою тебе то, что предназначил Всевышний.

Отныне и до конца времён пройдёт триста пятьдесят лет, прежде чем явится тот, кого пророк Даниил назвал „мерзостью запустения“. Эти годы соответствуют плодам трёх плодоносных ветвей. А плоды четвёртой ветви столь тусклы и вялы потому, что в это время угаснут любовь и справедливость среди людей. Многие будут казаться благочестивыми, но в действительности окажутся лживыми и лицемерными. Однако всё это записано и запечатлено в книге Всеведущего Бога, который судит беспристрастно, воздавая каждому по его заслугам.

С левой стороны алтаря ты видел четырёхгранный стул морского цвета, ледовидный, — он знаменует собой падение престола патриаршества и царской власти, что совершится по справедливому суду Божию. На этом стуле покоился серебряный поднос, ибо Божье слово, подобно отборному серебру, испытанному и сияющему, будет распространено среди народов. Об этом свидетельствует псалмопевец, когда говорит: „Слава Господня — как серебро очищенное, испытанное на земле“. А когда говорится „на земле“, знай, что это указывает на явление Сына Божьего во плоти от Святой Девы.

Что же означает то, что стул имел морской цвет и был ледовидным? Это знак того, что страну Армению постигнут потрясения, а покрывшее его тёмное полотно символизирует глубокий траур, который охватит весь народ. Это видение предвещает конец одного великого царства.

Виссонная накидка, сложенная на подносе, и золотой шар, лежащий рядом с ней, означают священство и царскую власть. Однако никто не облачился в эту накидку, и никто не держал шар в руках. Так знай, что вскоре прекратит своё существование царство Аршакунидов, и пресечётся священство, происходящее из рода святого Григора.

Пергамент, который ты видел, был сначала исписан золотыми буквами — это знак того, что святые мужи, потомки блаженного Григора, достойно унаследуют патриарший престол. Они записаны в книге жизни золотыми буквами, ибо избраны Богом. Однако в середине пергамента были строки, стёртые и испорченные. Знай, что это символизирует тех патриархов, которые будут занимать престол не по воле Бога и не по канонам святых апостолов, но лишь ради мирской славы и дерзости. Они окажутся более серебролюбцами, чем боголюбцами.

Поскольку их священство будет осквернено и негодно Господу, их имена будут изглажены из книги жизни, и участь их — суд Божий и вечное горение в аду за гибель свою и народов.

Однако в нижнем краю пергамента ты видел ещё один ряд, написанный чудесными золотыми буквами. Знай же достоверно, что при явлении мерзости запустения вновь восстанет царь из рода Аршакунидов, и патриарший престол будет обновлён потомками святого Григора.

То, что накидка и шар не были отброшены и растоптаны, а остались в почтительном положении, означает, что благодать Божья сохранится среди народа. Это предвещает таинственный промысел Господень, явленный в золотистых рядах письма. Когда восстанет враг правды, на престол взойдёт справедливый патриарх из рода святого Григора.

Первый из них, будучи патриархом, окончит свои дни мирно, хотя и перенесёт тяжкие испытания от лживых апостолов князя гибели. Второй же, сын его, занявший патриарший престол, испытает бесчисленные страдания, гонения, голод и лишения от нечестивых правителей. В конце концов он примет мученическую смерть от меча.

То, что ты видел на пергаменте строки, написанные красно-оранжевыми чернилами, означает, что это мученичество предначертано Господом, и святые засвидетельствуют свою веру кровью.

А теперь, обрати внимание на толпу детей, окружавших серебряный поднос. Возрадуйся, ибо из чрева твоего произойдёт потомство благородных и доблестных мужей. К ним присоединятся многие достойные люди из княжеских родов Армении. Они, укрепленные словом Божиим, не устроятся угроз царей и князей, но с радостью отвергнут суетную славу земную ради небесного призвания. Однако будут и те, кто, прельстившись мирскими благами, отрекутся от истинного учения и станут отступниками.

Посему и приблизилось время великого испытания: слабые погибнут, но сильные обретут спасение. Ты видел вокруг Божьего стола ликующих детей. Они, не прельстившись языческими соблазнами, достигли совершенства и удостоились мученического венца. Среди них были не только мужчины, но и женщины, которые, хотя и не претерпели смерть от меча, но, укрепленные милостью Святого Духа, обрели венец праведности через свои благодеяния.

Ты видел их сияющими, однако у некоторых одежды отливали красноватым светом, а у других переливались различными оттенками. Первые засвидетельствовали свою веру кровью, а вторые — праведностью и добродетелью.

Ибо стул, который ты видел, двигался с громким грохотом, а те, кто прежде являлись тебе детьми, возросли до зрелости и, вознесясь с земли на небеса, превратились в ангелов. Так Господь, дарующий милость, показал тебе праведную

жизнь людей земли. Как дети живут невинно, не обращая своих помыслов к суетным занятиям, но устремляя взгляд к небесному призванию, так и праведные не отвлекаются на земные заботы, а следуют заветам Божиим.

Отныне многие страшные потрясения постигнут землю: войны между царями, голод, бедствия и многочисленные испытания, предвещающие приход сына погибели, который, как сказано в Писании, воссядет на месте священства, выдавая себя за Бога. Однако Всемогущий ниспровергнет его, и Господь Иисус убьёт его дыханием уст Своих. Тогда праведники, исполнив свой долг, вознесутся навеки в небесные обители и пребудут вовеки с Господом. И исполнится над ними слово Божие: „Где Я, там и слуга Мой будет“.

А ты запиши это видение, данное тебе свыше, ничего не упуская, пока всё не исполнится».

Я же, словно пробудившись ото сна, долго пребывал в удивлении от явленного мне Всевышним, ибо видел это не во сне, но наяву. Я прославил милосердного Бога, который удостоил меня, недостойного, узреть столь великое видение. И я молчал, не передавая его никому, пока не настал сегодняшний день. Теперь же открываю его вам не только от тревоги сердца моего, но и потому, что боялся скрыть его, чтобы не быть осуждённым как тот, кто утаил пророчество. Ибо мне было повелено сохранить это откровение для мира».

Результаты и обсуждения

Остановимся на историческом осмыслении пророчества Саака Партева.

Мы, живущие спустя 1640 лет после видения Саака Партева, знаем, какие потрясения постигли мир в течение этой эпохи. Мы были свидетелями величайших военных и государственных потрясений:

- арабских завоеваний,
- крестовых походов, длившихся более ста лет, под предлогом освобождения Гроба Господня (если Христос воскрес, зачем Ему могила?), но на деле — с целью установления европейского господства на Ближнем Востоке,
- монгольских нашествий, достигших самого сердца Европы,
- многочисленных кровопролитных войн,
- геноцида армян в Османской Турции в 1915 году, когда вся Армения оказалась под траурным покрывалом (что соответствует образу „ледовидного стула, покрытого тёмным полотном“),
- Первой и Второй мировых войн, унесших миллионы жизней.

Сопоставляя пророческое видение Саака Партева с этими ужасающими событиями, произошедшими спустя столетия и даже тысячелетия, мы находим удивительное соответствие.

Аристакеc Ластивертци, описывая захват и разрушение богатого города Арцн, говорит, что по улицам текли реки крови, уносящие тела погибших. Самоэль Анеци, повествуя о падении великолепного города Ани, свидетельствует, что поля вокруг были усеяны трупами.

Григор Апират, племянник Нерсеса Шнорали и будущий католикос, был свидетелем осады Едессы. Лишь чудом избежав гибели, он прибыл в Сис (Ромклай) и рассказал увиденное своему дяде Нерсесу Шнорали. Этот выдающийся писатель и духовный деятель XII века, ещё не будучи патриархом, создал замечательное историко-поэтическое произведение «Скорбь Едессы».

Киракос Гандзакечи, армянский историк XIII века, в своём труде «История Армении» описывает трёхлетний голод, во время которого распространилось людоедство.

Если же обратиться к эпохе, более близкой ко времени пророчества, то спустя 350 лет после видения Саака Партева в Армении действительно произошли важные

события. В период арабского владычества — того самого, которое в пророчестве названо «мерзостью запустения» — было восстановлено армянское царство Багратунидов, а затем Рубинянов. В это же время был возрождён патриарший престол, основанный святым Григором Просветителем. Пророчество даже указывает точное количество лет: 350 с половиной — по числу плодов четырёх ветвей оливкового дерева.

Несколько десятилетий спустя после этого прекратило существование царство Аршакунидов, а вместе с ним и патриаршество из рода святого Григора.

Исполнение личного пророчества Саака Партева

За что молился Саак Партев, стоя перед святым престолом в кафедральном соборе Вагаршапата? О чём он просил Господа? Он молил о сыне.

Явившийся ему лучезарный человек, голова которого достигала небес, а ноги стояли на земле (что можно назвать символом соединения земного и небесного), устрасил его настолько, что он пал ниц. Этот муж поднял его и сказал:

«Не скорби, ибо всё совершается по предначертанной мере. Не печалься, что у тебя нет сына, ибо из твоего рода произойдут великие и доблестные люди, которые принесут славу своему народу и не пожалеют жизни ради спасения своей родины».

Разве не так всё и случилось?

Дочь Саака Партева вышла замуж за Амазаспа Мамиконяна, верного сына родины. У них родились трое сыновей:

- Вардан Мамиконян, герой Аварайра, павший в битве за свободу своей страны;
- Амаяк Мамиконян, который не смог участвовать в битве при Аварайре, так как отправился в Византию искать военной помощи;
- Амазасп Мамиконян, также посвятивший свою жизнь борьбе за спасение родины.

Амаяк стал отцом Вагана Мамиконяна, известного как Волк Ваган.

Он, пройдя через годы борьбы, в конце концов одержал победу над персами. Он добился того, чтобы персидский шах очистил Армению от языческих капищ, которыми она была заполнена после битвы при Аварайре, и вернул армянам право жить свободно, исповедуя свою веру.

Как видно, каждое пророчество, данное в видении Саака Партева, стало реальностью, независимо от того, сколько времени прошло с момента его предсказания.

(Ответ на молитву Саака Партева о сыне сбылся даже в нашем времени. Мы, как и он, желали иметь сына. Но мои дочери достигли таких высот, что их имена звучат в разных странах, на различных сценах искусства, и в их честь часто произносится святое для нас слово — Армения. Прошу не считать это самохвальством, но это так.)

Но как столь важный и тайный документ, пусть и раскрытый миру, оказался в руках Лазаря Парпеци? Ведь именно он включил это пророчество в первую главу своего ценного труда «Պատմութիւն Հայոց» («История Армении»). До него ни один историк не упоминал об этом. Даже у Мовсеса Хоренаци, написавшего свою «Историю Армении» значительно раньше, нет ни слова об этом видении, несмотря на то, что его труд считается фундаментом армянской историографии.

Лазарь Парпеци работал в конце V века, во времена католикоса Бабкена. Известно, что он выражал своё недовольство правителю Армении Вагану Мамиконяну в письме, отправленном из Амиды, где находился в изгнании. В этом письме он жалуется, что даже не был удостоен аудиенции, поскольку католикос, опасаясь обвинений монахов, не принял его.

Стоит помнить, что среди влиятельных княжеских родов Армении — Арцруни, Камсараканов и даже Бдешха Ашуша — Парпеци пользовался особым

покровительством Мамиконянов. А этот род был связан с Сааком Партевом семейными узами: его дочь вышла замуж за князя Амазаспа Мамиконяна.

Когда в конце жизни Саак Партев, не имея сына, раздавал всё своё имущество внукам, закрепляя его за ними как наследственную собственность, разве в это наследство не входили его рукописи и духовные труды?

Правитель Армении Ваган Мамиконян, друг детства Лазаря Парпеци, сыграл ключевую роль в его жизни. Став правителем, он первым делом разыскал Лазаря и назначил его настоятелем кафедрального собора Вагаршапата. Это вызвало зависть и вражду среди монашеских кругов, что впоследствии вынудило Парпеци искать убежище в Амиде. Позже, узнав о его положении, Ваган вновь пригласил его, чтобы защитить от преследований и поручил ему написать «Историю Армении».

Этот труд начинается с описания времени, когда, по словам самого Парпеци, «страна Армения, словно ветхая одежда, была разорвана надвое» между Персией и Византией. Собирая материалы, Лазарь Парпеци, несомненно, узнал о видении Саака Партева и его толковании. А кто мог предоставить ему этот ценный документ, если не сам Ваган Мамиконян — правитель Армении и внук Амаяка Мамиконяна, наследник рода Саака Партева?

Но здесь возникает загадка: на каком языке было записано это пророчество?

Оно произошло во второй половине IV века, ещё до создания армянского алфавита Месропом Маштоцем. Между тем, приводимые Парпеци цитаты явно взяты из исторического документа, написанного классическим древнеармянским языком — грабаром. Конечно, Саак Партев был образованным человеком, знавшим несколько языков, включая греческий и сирийский, владеющим даже музыкальной нотацией. Возможно, он мог записать своё видение на одном из этих языков. Однако сам текст пророчества, его стиль, его образность — всё пропитано армянским мышлением.

Можно ли предположить, что Саак Партев записал своё видение уже после изобретения армянского алфавита? Это крайне маловероятно. Человек не способен десятилетиями носить в себе столь тяжёлое откровение и при этом помнить все мельчайшие детали — даты, числа, образы. Мы знаем, что, столкнувшись с тяжёлым грузом — будь то материальным или духовным, — человек стремится избавиться от него как можно скорее.

Более того, ангел, явившийся Сааку Партеву, повелел ему записать всё немедленно, не упуская ни одной детали, чтобы передать пророчество грядущим поколениям. Если бы он откладывал этот приказ на десятилетия, это означало бы послушание высшей воли. В тот момент он не мог знать, что спустя много лет будет создан армянский алфавит, а потому не мог откладывать написание пророчества до его появления.

Отношение к пророчествам в разные эпохи

Как обращались в древности с материалами о пророчествах? Их принимали как божественное откровение или отвергали, считая фантазией?

Случай Анании Ширакаци показывает, что не все пророчества были признаны сразу. В советское время, в эпоху атеизма, подобные тексты считались плодом воображения, беспочвенными и не заслуживающими серьёзного анализа. По этой причине видение Саака Партева оставалось вне поля зрения историков и филологов.

Если нечто игнорируется, о каком изучении может идти речь?

Между тем, если мы признаём мировые пророчества — от Ветхого Завета до Откровения Иоанна, — то почему игнорируем предсказания Саака Партева? Ведь он не просто сделал одно предсказание, а дал более 30 пророчеств, охватывающих не только столетия, но и тысячелетия. И всё это — одним вдохновением, а не в разные периоды жизни.

Почему армянское духовное наследие остаётся в тени?

Этот вопрос напрашивается сам собой. Почему богатейшее духовное и научное наследие армянского народа остаётся в тени, тогда как его представители, не признанные на родине, получают мировое признание за её пределами?

Мы говорили то же самое о труде Анании Ширакаци. Почему же научные, культурные и духовные сокровища Армении не получают должного признания?

Объяснять это только отсутствием государственности в разные периоды истории недостаточно. Здесь есть и более глубокие причины, которые ещё предстоит осмыслить.

References:

1. Anania Shirakaci, "Tiezeragituthyun ev tomar" Yerevan, 1940.
2. Astuacashunch matean Hine ev Nor ktataranac. 1929t. Vienna.
3. Lazar Pharpeci, "Hayoc patmuthyun" Yerevan, 1982.
4. Kirakos Gandzakeci, "Patmuthyun Hayoc", 1961t. Yerevan.
5. Movsisi Khorenacvoy "Patmutivn Hayoc" Tpkhis, 1913.
6. Nerses Shnorhali, "Vokhb Edesio", 1982t. Yerevan.
7. "Patmuthivn" Aristakea vardapeti Lastivertecvoy i Venetik, 1901
8. Samueli qahanayi Anecvo "Havaqmunq i groc patmagrac", 1893t. Vagarshapat.

Information about the Authors:

Haykanush A. Hovhannisyan (Yerevan, Armenia) - a linguist specializing in the Old Armenian language, a researcher at the NAS RA Institute of Language after H. Acharyan in Yerevan, Armenia.

ORCID: 0000-0003-2531-2182

e-mail: hajkanush@list.ru

Authors' contribution: The work is solely that of the authors.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-144-156

УДК (UDC) 397.4

***Elena A. Shuvaeva,
Ijevan Branch of Yerevan State University (YSU IB),
Yerevan, Armenia***

***Шуваева Елена А.,
Иджеванский филиал Ереванского государственного
университета (ЕГУ ИФ),
Ереван, Армения***

***For citation: Shuvaeva Elena A., (2025).
Molokans in the Works of Russian Writers:
Historical-Cultural and Literary Analysis.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 144-156 (in USA)***

Manuscript received 26/01/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

MOLOKANS IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS: HISTORICAL-CULTURAL AND LITERARY ANALYSIS

МОЛОКАНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Abstract:

The research is dedicated to Molokanism as one of the prominent and unusual directions of Christian theology in Russia, as well as its reflection in the works of Russian writers. Molokanism, which emerged in the late 17th century as a response to the reforms of Patriarch Nikon, remained an important element of Russian religious and social life for a long time. The article examines in detail the development of Molokanism, its persecution, and migration to various regions, including Armenia and the Caucasus, as well as the influence of this movement on Russian literature.

Special attention is given to the image of Molokans in the works of such authors as Leo Tolstoy, Nikolai Leskov, Anton Chekhov, Vladimir Korolenko, Maxim Gorky, Nikolai Tikhonov, Boris Pilnyak, Ilya Ilf and Yevgeny Petrov. Molokans are depicted as symbols of spiritual purity, inner search, and independence from external church rituals. In the works of Tolstoy and Leskov, the Molokan image often embodies the opposition to the formalism of the official church and the striving for true faith, as well as social and spiritual struggle. Later, in Soviet literature, Molokans appear as symbols of resistance and spiritual independence under ideological pressure.

Thus, the Molokan image in Russian literature reveals deep philosophical, religious, and social aspects, reflecting internal conflicts and quests for meaning characteristic of the Russian spiritual tradition. Molokans, settled in various countries, serve as prototypes of true Russians, preserving and passing on traditions and customs typical of Russian culture, despite their geographical distance from their homeland.

Keywords: Molokanism, Molokans, Russian literature, religious minorities, Leo Tolstoy, Nikolai Leskov, Anton Chekhov, Vladimir Korolenko, Maxim Gorky, Nikolai Tikhonov, Boris Pilnyak, Ilya Ilf, Yevgeny Petrov, Dukhobors, Christian theology, religious protest, Russian religious history, 19th-century literature, 20th-century literature, Soviet literature

Аннотация:

Исследование посвящено молоканству как одному из ярких и необычных направлений христианского богословия в России, а также его отражению в произведениях русских писателей. Молоканство, возникшее в конце XVII века как ответ на реформы патриарха Никона, долгое время оставалось важным элементом российской религиозной и социальной жизни. Статья подробно рассматривает развитие молоканства, его преследования и миграцию в различные регионы, включая Армению и Кавказ, а также влияние этого движения на российскую литературу.

Особое внимание уделено образу молокан в произведениях таких авторов, как Лев Толстой, Николай Лесков, Антон Чехов, Владимир Короленко, Максим Горький, Николай Тихонов, Борис Пильняк, Илья Ильф и Евгений Петров. Молокане изображены как символы духовной чистоты, внутреннего поисков и независимости от внешних церковных ритуалов. В произведениях Толстого и Лескова молоканский образ часто становится воплощением противостояния формализму официальной церкви и стремления к подлинной вере, а также социальной и духовной борьбой. В дальнейшем, в советской литературе, молокане предстают как символ сопротивления и духовной независимости в условиях идеологического давления.

Таким образом, молоканский образ в русской литературе раскрывает глубокие философские, религиозные и социальные аспекты, отражая внутренние конфликты и поиски смысла, характерные для российской духовной традиции. Молокане, расселённые в различных странах, выступают прообразом истинных русских, сохраняя и передавая традиции и обычаи, характерные для российской культуры, несмотря на их географическое удаление от родины.

Ключевые слова: молоканство, молокане, русская литература, религиозные меньшинства, Лев Толстой, Николай Лесков, Антон Чехов, Владимир Короленко, Максим Горький, Николай Тихонов, Борис Пильняк, Илья Ильф, Евгений Петров, духоборцы, христианское богословие, религиозный протест, русская религиозная история, литература XIX века, литература XX века, советская литература

Введение

Молоканство, одна из ярких и необычных форм христианского богословия в России, представляет собой важное явление в русской религиозной и социальной истории. В течение нескольких столетий молокане, как отдельная группа религиозных русских, вносили значительный вклад в культуру, а их образ часто становился частью литературного дискурса. Молоканство отличается от традиционного православия своей неприязнью к церковным символам, таким как иконы и кресты, отказом от ритуалов, связанных с ними, а также от необходимости посредничества священников для совершения церковных обрядов. В отличие от официальной церкви, молокане подчёркивают важность личной духовной связи с Богом, стремясь к внутренней чистоте и искренней молитве, освобождённой от внешнего формализма и церковной иерархии. В творчестве русских писателей молокане изображались как символ определённой духовной чистоты, иного взгляда на мир и традиционные ценности.

Молокане появились в России в конце XVII века как часть более широкого движения, которое возражало против реформ патриарха Никона и его изменений в церковных обрядах. Эти изменения, например, касались использования церковнославянского языка и внешних обрядов, что вызвало недовольство у части

народа, стремившегося к сохранению старых традиций. Молоканство, являясь своеобразным ответом на реформы, стало формой веры, отвергавшей иконопочитание, необходимость священников, а также другие церковные традиции [1].

На протяжении XVIII и XIX веков молоканство становилось всё более заметной частью российской религиозной жизни, особенно в сельской местности. Массово молокане проживали в Тамбовской и Саратовской губерниях. Молоканство, как религиозная и философская идея, получило широкое распространение в России, что способствовало возникновению лидеров этого движения. Важную роль в пропаганде учения молокан играли книгоноши, которые распространяли литературу, посвящённую молоканской вере и её доктрине. Эти книги стали важным элементом распространения и сохранения молоканской идентичности, укрепляя веру и помогая формированию религиозных общин в разных регионах России.

Молоканские общины подвергались различным преследованиям и дискриминации со стороны властей, что способствовало формированию у молокан специфической самобытности и образа жизни. А в начале XIX века, когда молоканство и духоборство охватило несколько губерний Российской империи, начались гонения и высылки — на границы империи. Так молокане оказались на юге России, в Армении, Грузии, Азербайджане.

В Армении молоканские поселения возникли примерно в 1830-х — начале 1840-х годов, когда сюда были сосланы молокане, а затем последовали добровольные переселенцы из Тамбовской губернии, а позже — из Саратовской. В наши дни сохранилось полностью молоканское село Фиолетово (старое название — Никитино), наполовину молоканское Лермонтово, также есть большие общины в Дилижане и Ереване.

Молокане в русской литературе XIX века

Одним из первых писателей, упоминающих молокан в своих трудах, был Лев Толстой. В его произведениях молоканская идея христианского служения миру и стремления к внутреннему очищению становится противопоставлением официальной церковной морали и представлений о праведности. Особенно ярко это проявляется в романе «Воскресение», где главный герой, Дмитрий Нехлюдов, сталкивается с различными религиозными и философскими вопросами, включая вопросы о смысле веры и искупления. В частности, в диалоге Нехлюдова со стариком на пароме звучат размышления о религиозной истине: *«А ты какой, дедушка, веры? — спросил немолодой уже человек, извоицк, стоявший у края парома. — Никакой веры у меня нет. Никому я не верю, кроме себе. — Да как же себе верить? — сказал Нехлюдов. — Можно ошибиться. Все себе верят, и оттого все разошлись. — Кабы себе верили, они не раскололись бы, потому дух один. А потому раскололись, что верят другим, а не себе. И я верил. И так запутался, что не чаял выбраться. И староверы, и нововеры, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молокане, и субботники, и хлысты, и скопцы. Где истина? А истина в тебе. В тебе Бог и во мне. А Бог истин один. Значит, верь своему Богу и будешь в истине и со всеми соединён»* [2].

Толстой сам был известен своими взглядами на религию, которые имели сходство с учением молокан и духоборов. Он отвергал внешнюю церковность, предпочитая внутреннюю духовную чистоту, что сближало его с молоканами как с сообществом, отрицающим формальную религиозность. В этом контексте молоканский образ в произведениях Толстого становится не только символом протестантской духовности, но и олицетворением искреннего стремления к истине и покаянию [3]. Описание забот Нехлюдова в Петербурге и его встреч с различными людьми в значительной степени опирается на реальные события, в которых непосредственно участвовал сам Лев Толстой. В частности, его переживания по поводу дела сектантов отражают личные переживания писателя о судьбе самарских молокан, которые были

лишены детей с целью предотвращения их влияния на мировоззрение подрастающего поколения. Толстой дважды обращался к Николаю II с протестами против преследования молокан в России.

В 1887 году молокане и духоборы отказались принести клятву верности императору Александру III, когда на Кавказе была введена воинская повинность. 1895-1897 годы ознаменовались массовыми протестами духовных христиан, которые отвергли военную службу и сожгли своё оружие, за что подверглись жестоким репрессиям. В ответ Лев Толстой опубликовал письмо-протест в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 15 октября 1897 года.

Последователь Льва Толстого, публицист Павел Бирюков, отправился на Кавказ. Результатом его поездки стала статья «Гонение на христиан в России в 1895 г.», в которой он сообщил: «...*Нынешним летом мы получили с Кавказа известия о гонении, которому подверглись поселённые там так называемые сектанты духоборцы: писалось об избиении их казаками, о четырёх убитых при этом людях, об изнасиловании их женщин и о разорении целых тысячных сёл...*» [4].

На тюремной площади духоборов и молокан выстроили в ряд. Против них выступили казаки с заряженными ружьями. Сектанты попросили разрешение помолиться перед смертью, что им было предоставлено, и более того, их «помиловали» — не расстреляли, но потребовали взять в руки ружья и служить. Духовные христиане отказались. В ответ они подверглись порке и избиениям.

Их пример оказал влияние на некоторых православных, и несколько солдат в Карсе, Тифлисе, Манглисе отказались от службы, бросив оружие. На допросах духовные христиане объясняли свой отказ тем, что они хотели бы «*исполнять волю императора, а он учит людей убивать*», в то время как их душа этого не желает, потому что Спаситель запретил убивать, а духоборы исполняют волю Божию [4].

Л.Н. Толстой неоднократно встречался с предводителем общины духоборов, философом Петром Веригиным, а также с другими лидерами. В Государственном музее Толстого хранятся записи Льва Николаевича, не вошедшие в 90-томное собрание сочинений. Среди них — план, составленный писателем для неизвестного автора-духобора, который должен был описать бытие духовной общины. Судя по этим записям, Толстой планировал посвятить духоборам большое и серьёзное сочинение.

В 1897 году духоборы подали прошение императрице-вдове Марии Фёдоровне с просьбой о переселении в отдалённые регионы или даже за границу. Толстой, в свою очередь, обратился к императору Николаю II с просьбой разрешить переселение духовных христиан в другие страны.

Челобитную от духоборов удовлетворили, однако с исключением: не были отпущены те, кто находился в призывном возрасте и не выполнил воинскую повинность. Вопрос касался также получения заграничных паспортов, подписания документа «о невозвращении в Россию» и поиска средств для переселения. По расчётам Толстого, для организации переселения требовалось не менее 300 тысяч рублей. Духовные христиане, ранее жившие в достатке, разорились за годы преследований, включая судебные разбирательства, штрафы и переселения.

Толстой, который ранее отказался от гонораров за свои произведения, на этот раз принял решение предоставить свой роман «Воскресение» и повесть «Отец Сергей» для печати на выгодных условиях, чтобы собрать средства для финансирования переселения духоборов в Канаду, что было согласовано в 1898 году.

Молокане и духоборы находили в религиозных идеях Толстого отражение своих собственных традиций и мировоззрения. Толстовство оказало заметное влияние на социально-экономическую сторону учения духовных христиан, известных как «отщепенцы» от канонического православия: они переходили на постное питание, отвергали алкоголь и курение, а также склонялись к коммунальному устройству жизни.

Согласно делу № 198 Эчмиадзинского уездного полицейского управления, которое хранится в Национальном архиве Армении, с 7 января по сентябрь 1898 года проводилось пристальное наблюдение за кавказскими духоборами и молоканами. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе в своём донесении указывает, что последователи учения Л. Толстого составляют списки духоборов-постников. Ожидалось, что кто-то из Англии привезёт материальную помощь для переселения духоборов в Америку и займётся организацией переселения. В связи с этим Главнначальствующий приказывал установить наблюдение для недопущения прибытия «вредных поборников», а в случае обнаружения иностранцев, занимающихся подобной деятельностью, выслать их за пределы империи [5].

Ранним утром 9 декабря 1898 года из Батуми отплыл пароход «Лейк Гурон», на борту которого находилось 1240 бывших граждан Российской империи — отступников от православной церкви, а, следовательно, религиозных преступников.

Сын Толстого, Сергей Львович, также принимавший участие в организации переселения духоборов и молокан, писал: «...разместиться двум тысячам человек не так просто, и посадка продолжалась всю ночь до раннего утра. Духоборы вообще учтивы и не терпят грубости. Между духоборами ругани я не слыхал: самое плохое слово, которое я слышал, это «какой ты негодящий». Они все просты и доверчивы... так жалко, что эти хорошие люди уходят из России из-за глупости и жестокости... и так страшно, что там, куда они уедут, им будет нехорошо... Газеты были полны известиями о духоборах и разными перевранными и вымышленными историями о них и о Толстом...» [6, с. 200].

Духоборы и молокане, стоя на верхней палубе, пели свои псалмы. На берегу стояли аджарцы, грузины, русские и оставшиеся единоверцы, которые должны были покинуть империю на следующем корабле 21 декабря.

Толстой продолжал поддерживать духовных христиан, переселившихся в Канаду, и вёл с ними переписку.

В 1908 году в Армении и Грузии велось пристальное наблюдение за духоборами и молоканами с целью недопущения празднования 80-летия Льва Толстого. Его религиозно-философские труды были запрещены, а жандармерия изымала рукописные книги.

Другим писателем, выделявшимся глубокими духовными темами в своём творчестве, был Николай Лесков, который часто обращался к проблемам религиозных меньшинств, таких как молокане, духоборы и, особенно, штундисты. Лев Толстой был для него особенно близким в вопросах веры, нравственности и стремления к самоусовершенствованию. Эти писатели-современники были едины во многих аспектах, прежде всего, в страстном поиске истины, вере в неодолимую преобразующую силу добра, а также убеждении, что литература должна служить делу добра и способствовать воспитанию людей. Однако между ними существовали и разногласия. Лесков отвергал идеи «непротivления злу насилieм», осуждал отрицание Толстым роли женщины в обществе и, в отличие от Толстого, был сторонником развития науки, промышленности и технического прогресса.

Молокане, как и другие религиозные группы, не вписывавшиеся в рамки официальной государственной и церковной идеологии, являются объектом внимания Николая Лескова и исследуются с позиции индивидуальных и общественных конфликтов. В религиозной публицистике писателя молоканская секта занимает значительное место, однако его интерес к догматическим и моральным аспектам молоканского богословия не привёл к созданию художественных образов представителей этого вероучения. Вместо этого в его произведениях ярко представлены необычные персонажи старообрядцев, квакеров, штундистов и толстовцев. Несмотря на это, Лескова глубоко интересовало отражение феномена молоканства в народном сознании, что он использует для создания образов, таких как

Павлин («Павлин», 1874), Голован («Несмертельный Голован», 1880) и отрок Гиезий («Печерские антики», 1882), в которых слухи о молоканах играют значительную роль [7].

Например, образ Голована в рассказе Лескова представляет собой символ молоканина, внося в произведение элементы религиозной идентичности и социального контекста. Голован — это персонаж, глубоко связанный с молоканской верой, что особенно выражается через его личные качества, поведение и взгляды, которые противопоставляются традиционным нормам православного общества. Отрывок из рассказа: *«По мастерству своему он мог бы идти в повара или в кондитеры, но он предпочёл другое, именно молочное хозяйство, которое и начал при помощи «ермоловской коровы». Было мнение, что он избрал это потому, что сам был молокан. Может быть, это значило просто, что он всё возился с молоком, но может быть, что название это метило прямо на его веру, в которой он казался странным, как и во многих иных поступках. Очень возможно, что он на Кавказе и знал молоканов и что-нибудь от них позаимствовал»* [8].

Ещё один рассказ Лескова «Павлин» представляет собой важное произведение, в котором автор затрагивает тему молоканства, исследуя сложные взаимоотношения между религиозными меньшинствами и обществом. Через образ Павлина, одного из молокан, Лесков демонстрирует внутреннюю борьбу персонажа, который стремится к духовной чистоте и независимости, но сталкивается с предвзятым отношением и непониманием со стороны окружающих. Лесков, тщательно исследуя психологию своего персонажа, показывает, как молоканство, как форма религиозного протестантизма, сталкивается с вызовами и ограничениями, обусловленными общественными и культурными условиями того времени. Павлин становится олицетворением тех религиозных исканий, которые выходят за рамки официальной церковной доктрины, что делает его образ важным примером для понимания религиозной многообразия и конфликта в России в период социально-экономических изменений.

Обратимся к религиозной публицистике Лескова. В этом контексте известна его статья «Несколько слов по поводу записки Высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах», опубликованная в газете «Гражданин» № 15-16 в апреле 1875 года. В редакционном примечании к статье отмечается, что записка киевского митрополита Арсения нуждается в «критической оценке», и, поскольку Н. Лесков, автор «Соборян», обладает глубоким знакомством с бытом российского духовенства, «редакция с удовольствием даст место его замечаниям, не стесняясь тем, что она не со всеми из них вполне согласна» [9].

Эта статья является ярким примером гражданской публицистики, выполненной с ироничным оттенком, выдержанным в жанре богословского прения: Лесков защищает свободу вероисповедания, яростно протестует против своеволия и нетерпимости властей, выражает скорбь о насильственно переселяемых русских людях — всё это под прикрытием казуистики, стилизованной в духе бюрократического церковного циркуляра, проект которого Лесков и осмеивает [9].

Писатель утверждает, что причины уклонения молокан и духоборов от православия многогранны и различны. Он критикует обобщения митрополита Арсения, который утверждает, что все сектанты имеют одни и те же пороки, такие как честолюбие и своекорыстие. Лесков подчёркивает, что сектанты, напротив, являются критиками и искателями более чистого религиозного пути, а не слепыми последователями.

Лесков осуждает решение о переселении молокан и духоборов в отдалённые районы, изоляции их от православных. Он считает эти меры крайними и несправедливыми, утверждая, что они лишают этих людей не только свободы вероисповедания, но и права на нормальное существование в обществе. Выселение

сектантов и запрещение им заниматься торговлей и общественной деятельностью воспринимаются писателем как попытка разорить их и сделать невозможным их дальнейшее существование в российском обществе.

Лесков выражает обеспокоенность тем, что митрополит Арсений предлагает усилить духовный контроль за сектантами до уровня полицейского. Он видит в этом угрозу для всех, кто в будущем окажется под влиянием церкви, превратившейся в репрессивный орган. Он также критикует идею «окладов» для духовенства, утверждая, что независимость священников от прихожан является угрозой для их искренности и заботы о духовных нуждах людей.

По мнению Лескова, необходимо обеспечить духовным христианам возможность свободно исповедовать свою веру без страха преследования, что является фундаментальным правом.

Ещё одним значимым произведением Лескова, в котором затрагивается тема молокан, является его рассказ «На молоканской молитве» (1877). В этом произведении молокане изображены как религиозная группа, которая, несмотря на преследования и неприятие со стороны официальной церкви, сохраняет свою духовную независимость и силу веры.

Он описывает молокан как людей, живущих в простой, скромной вере, освобождённой от церковных обрядов и внешнего формализма. Молоканская молитва изображена как искреннее и глубокое общение с Богом, происходящее в тихом и уединённом кругу. Этот образ молокан контрастирует с официальным православием, которое для Лескова часто представляется церковной институцией, сосредоточенной на внешней ритуалистике.

Лесков подчёркивает, что молоканская вера не требует внешних символов религиозной власти, таких как иконы или церковные служители. Вместо этого молокане сосредоточены на чистоте своей веры и прямом общении с Богом, что для писателя является более истинным и настоящим проявлением религиозной жизни.

Одним из наиболее ярких примеров изображения молокан в творчестве Антона Чехова является его повесть «Степь» (1888). В этом произведении молоканин появляется как персонаж, воплощающий все особенности своего религиозного и социального положения. Молокане изображены как люди, чьи религиозные убеждения отличны от ортодоксального православия, что приводит к их отчуждённости от остальной части общества. Образ молоканина в «Степи» представляет собой символ культурной и социальной замкнутости, а также отказа от интеграции в более широкую культурную среду. Этот персонаж является своего рода «вне системным» элементом, находящимся на периферии социальных и культурных процессов, что символизирует устойчивое напряжение между традиционными ценностями и процессами модернизации, характерными для того времени.

Образы молокан и духоборов можно встретить в творчестве Владимира Короленко, активно интересовавшегося вопросами прав человека и религиозной свободы. Он часто обращался к судьбе угнетённых и малоизвестных слоёв населения, в том числе к молоканам и духоборам. Одним из наиболее известных произведений Короленко, где подробно затронут вопрос молокан и духоборов, является повесть «Без языка» о жизни эмигрантов в Америке, написанный им после поездки в эту страну в 1893 году. Короленко отмечает: «...в последние годы корабль за кораблём привозит множество наших: поляков, духоборов, евреев. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуют пахать землю в колониях, нанимаются в приказчики, работают на фабриках» [10].

В одном из эпизодов, приводя разговор о сектах, включая последователей учения Льва Толстого, Короленко акцентирует внимание на поисках личного смысла и идеалов, которые ведут к разрыву с традиционными общественными и религиозными устоями.

Как говорилось выше, секта Толстого, так называемые «толстовцы», как и молокане и духоборы, представляют собой примеры религиозных и философских движений, возникших как реакция на православную церковь и стремление к созданию собственной системы духовных и социальных ценностей. Сектанты, в том числе последователи Толстого, стремятся к внутреннему очищению и возвышению, отвергая внешние атрибуты власти и социальной иерархии. В частности, секта Толстого акцентирует внимание на личной моральной ответственности, отказе от насилия, социальной и религиозной свободы, что пересекается с идеалами молокан и духоборов, ориентированных на свободу от внешнего контроля, включая церковные каноны и традиционные религиозные структуры.

Таким образом, через упоминание «толстовцев» и их связи с молоканами и духоборами Короленко затрагивает тему религиозных поисков и утрату традиционных ориентиров в условиях трансформации общества. Эти группы, несмотря на различия в учениях, объединены стремлением к внутреннему очищению и независимости от внешнего давления. В контексте рассказа это служит метафорой более широкого процесса поиска смысла и самоопределения в условиях личной и социальной нестабильности, что подчеркивает связь между духовной свободой и внешней социальной адаптацией.

Короленко, несмотря на критику православной церкви, не отрицает ценность духовных поисков, и молокане, как герои его произведений, олицетворяют стремление к личной, внутренней вере, свободной от внешнего воздействия и институциональных ограничений. Этот акцент на личной духовной свободе и праве на собственную веру становится центральной темой в творчестве писателя.

Молоканский образ в советской литературе

В советский период молоканский образ претерпел значительные изменения. Под влиянием революционных процессов и атеистической пропаганды молокане, как и многие другие религиозные группы, становятся объектами идеологической борьбы. В литературе они стали фигурировать как символ «старых» традиций и людей, живущих по устаревшим законам. Однако несмотря на давление идеологии, образ молокан продолжает присутствовать в произведениях, касающихся религиозных и философских тем.

Примечателен факт, что ещё до создания Союза советских писателей в Армению приезжали писатели с целью исследовать процессы социалистической индустриализации, а также условия жизни народов региона, что находило отражение в их публицистических и прозаических произведениях. В частности, в июле 1928 года в Армению направляется Максим Горький. Его маршрут пролегал из Тбилиси в Ереван через Дилижанскую долину и озеро Севан, где проживают молокане, расселённые вдоль магистралей, железной дороги и озера — важнейших стратегических объектов и направлений. В своих наблюдениях Горький особое внимание уделяет образу русской деревни, расположенной на берегу озера, и описывает население. *«На берегу озера большая русская деревня, в ней живут крупные, дородные бабы, большие, бородатые мужики, хорошо упитанные русоволосые дети. Очень здоровый народ, но глаза большинства — странно прозрачные и сонные, такие глаза я замечал у пастухов в горах Швейцарии, и мне подумалось, что это — глаза людей, живущих вне времени, вне действительности»* [11, с. 5]. Эти строки, написанные с характерной для Горького точностью, отражают не только физическое состояние молокан, но и более глубокие культурные и философские наблюдения автора о человеке и его отношении к времени и истории.

На обратном пути, когда писатель едет через деревни молокан-прыгунов, такие как Никитино (Фиолетово) и Лермонтово, завязывается разговор о вере, который служит основой для более глубокого философского анализа. Горький подмечает: *«Странное впечатление вызывают эти большие зажиточные селения без церквей и эти крупные бородатые люди...»* [11, с. 9]. В ходе беседы он отмечает, что молокане считают себя истинными хранителями «истинной веры», что, по словам одного из них, уходит корнями ещё в библейскую эпоху. Горький вспоминает свой разговор с молоканином Захарием в

1903 году, когда тот «нисходительно внушал В.М. Васнецову, доктору Алексину» и самому Горькому, что молоканская вера — «древнейшая, она ещё от царя Давида, помните, как он “скакаше играя” пред ковчегом-то завета? Во-он она откуда...» [11, с. 9]. Эта сцена беседы с «прыгунами» была написана Горьким для «Нижегородского листка», однако цензура посчитала её «скрытой проповедью церковной ереси» и не допустила к публикации.

Очерк, который в итоге стал частью серии «По Союзу Советов», получил название «В долине Дилиджана». Важно отметить, что Горький в данном произведении не только фиксирует особенности молоканской религиозности, но и затрагивает вопросы культурной изоляции и национальной самобытности, которые становились важной темой в советской литературе.

Это взаимодействие с молоканами и их верой также проливает свет на более широкие идеи Горького, связанные с концепцией «богостроительства». Горький, будучи приверженцем социалистической идеологии, одновременно стремился к глубокому осмыслению роли религии и духовности в жизни человека и общества. В некоторых своих произведениях он высказывал мысли о необходимости «строительства» нового человечества, основанного на рациональном и моральном преобразовании общества, что было сопряжено с его идеей о духовном и моральном прогрессе. Его идеи богостроительства как бы синтезировали социалистические стремления к преобразованию мира с исканием более глубокой духовной основы для этих преобразований. В разговоре с молоканами Горький обнаруживает интерес к глубинным духовным поискам, которые, на его взгляд, являются отражением той же самой борьбы за социальную и моральную правду. Однако этот поиск сталкивается с противоречиями времени: религиозные верования молокан, оторванные от официальных канонов, трактуются как ересь, а сам процесс духовного поиска подвергается жесткой цензуре. Это отражает основные противоречия социальной и религиозной жизни в Советской России, где авторитаризм государства вступал в конфликт с личной духовной свободой и стремлением к нравственному возрождению.

Этот случай иллюстрирует сложную роль литературы в советской политике того времени, когда произведения, обращавшиеся к вопросам веры и идентичности, могли быть подвергнуты жесткой цензуре. Наряду с этим, через свои наблюдения и размышления Горький демонстрирует стремление к глубокому осмыслению социальной и культурной реальности, раскрывая напряжённость между личной свободой и жестким контролем со стороны властей, а также пытаясь осмыслить свою концепцию богостроительства, которая подразумевала синтез духовного возрождения и социального прогресса.

В 1929 году писатель Николай Тихонов посетил Армению, путешествуя по Кавказу. Впечатления от этой поездки нашли отражение в его путевом очерке «Дни открытий», который был включён в книгу «Двойная радуга» (1964). Одним из ярких эпизодов произведения является описание молокан, проживающих в деревне Шорджалу-Надеждино на берегу озера Севан, куда они были переселены ещё при Николае I. В своём очерке Тихонов подробно описывает этот посёлок, образы молокан и их уникальные традиции, включая культ священной пляски. «По улицам селения, круто спускавшегося к озеру, выставлялись десятки самоваров всех размеров, их надраивали кирпичом мальчишки и девчонки», — пишет автор, подчёркивая примечательные детали быта, которые характеризуют жизнь этой общины [11, с. 16].

В процессе общения с местными жителями Тихонов вводит в текст разговор с хозяйкой дома, Авдотьей Ионовной, которая проявляет интерес к жизни писателя и его спутника. Авдотья не понимает, как можно жить в квартире многоквартирного дома и сочувствует: «Поняла... Только как же это ты так? Всю жизнь по чужим людям маешься!» [11, с. 17]. Эта сцена иллюстрирует не только различие культур и мировоззрений, но и представления о жизни, характерные для молокан, которые

традиционно связаны с общинным образом жизни, в отличие от городской, индивидуалистической жизни Тихонова.

Муж Авдотьи, Моисей Иванович, мрачный и серьёзный человек, обращает внимание на то, что Тихонов и его спутник курят, что становится поводом для их диалога. Он замечает: «*Курите, дружки? Ну, курите, курите! Грех в этом небольшой*», а затем рассказывает, что и сам иногда курит, но в присутствии других людей этого не делает, поскольку «*прыгуны — народ строгий, хотя от табаку польза есть*», приводя интересное объяснение: «*змеи не тронут... змея запаха табачного не переносит, слышать не может*» [11, с. 17]. Этот эпизод подчёркивает традиционную прирученность молокан к природным особенностям и их мировоззрение, которое соединяет религиозные и практические убеждения.

В разговоре с Тихоновым Моисей Иванович рассказывает также о социальных нормах среди молокан. Он упоминает, что в их общине существует строгий порядок, включая наказания за нарушение традиций. Так, два мужика, отказавшиеся от молоканского ритуала «прыганья», были исключены из общины, и теперь «*замуж за них никто девку не отдаёт... холостые живут, холостыми и помирать будут*» [11, с. 18]. Это является примером того, как молоканская община поддерживает свою целостность и строго следит за соблюдением общих норм и традиций.

Эти эпизоды в произведении Тихонова помогают глубже понять внутреннюю жизнь молокан и их уникальные взгляды на мир, веру и традиции. Через диалоги с персонажами, такие как Авдотья Ионовна и Моисей Иванович, раскрывается философия жизни молокан, их отношения к религиозным и бытовым практикам, а также их отдалённость от официальных церковных канонов.

В своих путевых очерках по Армении несколько русских писателей обращаются к теме молокан, демонстрируя интерес к этой религиозной группе, её жизни и традициям. Андрей Белый в своём очерке «Армения» (1928) отмечает, что «*Армения является местом ссылки и эмиграции религиозных сект как с севера, так и с юга*» [11, с. 161], подчёркивая роль Армении как важного региона для переселения молокан и других религиозных меньшинств. Это свидетельствует о широком распространении молоканских общин в Армении, а также о их социальной и культурной адаптации в новых условиях.

В очерке Ивана Катаева «Отечество», впервые опубликованном в журнале «Наши достижения» в 1934 году под названием «Голубой Севан», автор описывает, как молоканки участвуют в строительстве в селе Еленовка (сейчас — город Севан), подчёркивая их трудолюбие и работоспособность. Этот момент отражает важность молокан в социально-экономической жизни региона и их активное участие в трудовой деятельности, что также характеризует их способность к адаптации и самоорганизации в условиях эмиграции.

Василий Гроссман в своём очерке «Добро вам», опубликованном в армянской газете «Гракан терт» в 1965 году, изображает русскую девушку Катю из Запорожья, которая вышла замуж за молоканина из Цахкадзора. Катя с удивлением отмечает особенности молоканской свадьбы, где вместо вина пьют чай, а молоканские обряды вызывают у неё недоумение. «*Она с достоинством сказала: «Наши цахкадзорские молокане не прыгают»*» [11, с. 290]. Этот эпизод акцентирует внимание на том, как внешние культурные различия и традиции молокан оказываются важными для восприятия окружающим миром, а также подчёркивает стремление молокан к сохранению своей уникальной религиозной идентичности и отступлению от обычаев более широких социальных групп.

Таким образом, в работах этих авторов молокане изображены как часть богатого культурного и религиозного разнообразия Армении, и их образ играет важную роль в создании многогранной картины жизни этого региона в контексте религиозной и социальной интеграции.

Особо следует отметить роман Бориса Пильняка «О'Кэй (Американский роман)», в котором представлено подробное описание уклада жизни молоканской общины в Лос-Анджелесе. Пильняк посетил Америку в 1931 году по приглашению издательства «Космополит», которое заинтересовалось возможностью публикации романа «Волга впадает в Каспийское море». В ходе своей поездки писатель выразил желание познакомиться с молоканами, живущими в США, и исследовать их религиозные обычаи. Как он сам пишет в своём произведении: «...размышлял о том, что — надо ж было отмахать пол-земного шара, чтобы вот повидаться с соотечественниками и повидать прыгунство! ...и прыгунов я хотел повидать не только потому, что они русские, но и потому, что они — американцы» [12, сс. 487-488]. Эти слова подчёркивают особый интерес Пильняка к молоканской общине и её особенностям в контексте культурных и религиозных преобразований на новом месте.

Во время своего пребывания в Лос-Анджелесе Пильняк знакомится с важнейшей для молокан книгой — «Сионский песенник столетнего периода Христианской Религии Молокан Духовных Прыгунов в Америке. Первое издание в Лос-Анджелесе 1930 года». В этой книге описываются особенности молоканских песнопений, которые, по мнению писателя, играют важную роль в религиозной практике общины. Пильняк приводит описание содержания песен, отмечая, что они делятся на «унывные, торжественные и средние». Он подчёркивает, что «когда в собрании плачут, молятся, благодарят, славят своего господя, песнопения с прославлением святых, крайняя степень восторженного возбуждения, доходящая до исступления, до самозабвения, вызывает духовный пляс» [12, с. 487]. Это наблюдение важно для понимания специфической религиозной практики молокан, в которой важную роль играет эмоциональное и физическое вовлечение верующих в процесс поклонения.

Одним из ярких моментов пребывания Пильняка среди молокан стало его посещение молоканского собрания, которое он описывает с большим вниманием к деталям. «Слева в углу стоял стол, покрытый белой скатертью, на нем лежала Библия. И мужчины, и женщины были в белом. Волосы женщин были повязаны белыми платочками. Мужчины были очень бородаты. Бородное зрелище в нынешней Америке дело чудное... За столом, за скатертью сидели старейшины — плотноплечие старичицы — и вели духовную беседу, обращаясь с вопросами и за словом к председательствующему», — пишет Пильняк, подчёркивая уникальность молоканской общины в Америке [12, с. 488]. Эти наблюдения позволяют исследовать, как молокане сохраняют свою религиозную идентичность, несмотря на их миграцию в новую культурную среду, а также свидетельствуют о своём стремлении сохранить традиции и обряды в изменённых обстоятельствах.

В «Американском романе» (опубликован в 1933 г.) Пильняка образ молокан предстаёт как символ переселенцев, сохранивших верность своим религиозным традициям и культуре, несмотря на тяжёлые условия жизни в Америке. Это изображение молокан в контексте их адаптации к новой действительности подчёркивает их духовную стойкость и стремление сохранить свою идентичность в условиях культурной и социальной трансформации.

Тему американских молокан продолжает развивать писательский дуэт Ильи Ильфа и Евгения Петрова в их путевом очерке «Одноэтажная Америка». Осенью 1935 года Ильф и Петров были командированы в Соединённые Штаты Америки, где они провели несколько месяцев в качестве корреспондентов газеты «Правда». В своём произведении, наряду с другими аспектами американской жизни, они подробно описывают образы молокан, обосновавшихся в Сан-Франциско.

В ходе их путешествия писатели посетили места, где молоканские общины продолжали сохранять свои традиции и обычаи, несмотря на расстояние и культурные различия. В «Одноэтажной Америке» (издана в 1937 году) Ильф и Петров не только фиксируют внешний быт и повседневную жизнь молокан, но и представляют их в

контексте религиозной изоляции и попыток сохранения духовной независимости. Писатели отмечают, что, несмотря на своеобразие молоканской религиозной практики, их стремление к вере и духовному очищению остаётся неизменным.

Район, где живут молокане, называют Русской горкой. Вот как Ильф и Петров описывают историю переселения молокан и их жизнь в американских реалиях: *«Когда-то, давным-давно, молокане жили на Волге. Их притесняло царское правительство, подсылало к ним попов и миссионеров. Молокане поддавались. Тогда их переселили на Кавказ, куда-то в район Карса. Они и там, в новых местах, принялись делать то, что делали веками, — сеять хлеб. Но жить становилось всё труднее, преследования делались ожесточённые... Куда ехать? Люди едут в Америку. Поехали в Америку и они — пятьсот семей. Было это в тысяча девятьсот втором году... В Америке молокане хотели по-прежнему заняться хлебопашеством, но на покупку земли не было денег. И они пошли работать в порт. С тех пор сан-франциские молокане — грузчики. В городе молокане поселились отдельно на горке, постепенно настроили домики, выстроили небольшую молельню, которую торжественно называют «Молокан-черч», устроили русскую школу, и горка стала называться «Русской горкой» [13, сс. 290-291].*

Писатели также рассказывают, что, несмотря на то, что жизнь раскидала молокан по всему миру, они сохраняют свою общность. Американские молокане поддерживают связь с молоканами в СССР, и в письмах обсуждают такие важные вопросы, как вступление в колхоз или отказ от этого шага, продолжая поддерживать родственные, духовные и культурные связи, несмотря на географическое разделение.

Заключение

Образ молокан в творчестве русских писателей представляет собой многогранное явление, отражающее не только религиозные аспекты жизни, но и более глубокие философские, социальные и культурные преобразования, происходившие в России. Впервые молоканские общины были упомянуты в произведениях таких писателей, как Лев Толстой, Николай Лесков и Антон Чехов, что служит важным свидетельством их значимости в российской литературной традиции. В дальнейшем молоканский образ продолжает развиваться в советской литературе, особенно в произведениях авторов, побывавших в Армении, где молоканские общины жили в условиях локальной изоляции, а также в творчестве писателей, совершивших поездки в Соединённые Штаты Америки, где они ознакомились с бытом молокан-переселенцев. Это особенно актуально в контексте произведений Бориса Пильняка («О'кэй») и Ильи Ильфа и Евгения Петрова, которые в своём путевом очерке «Одноэтажная Америка» детально описывают жизнь молокан в Америке.

Образ молокан в этих произведениях выходит за пределы простых этнографических наблюдений или религиозных практик. Он становится символом духовного поиска и социальной независимости, раскрывая при этом сложные процессы, происходившие в российском обществе. Взгляды на молокан варьируются от восхищения их стремлением к искренней вере и духовному очищению до критики их противостояния официальной церковной власти. Важным аспектом является также сохранение молоканами своих традиций в условиях иммиграции и географической изоляции, что превращает их в символы стойкости и подлинной русской духовности.

Особенно следует отметить, что, несмотря на физическое удаление от исторической родины — России, молоканские общины сохраняют свою уникальную идентичность и традиции. Это подчёркивает значимость молокан как культурного и религиозного феномена, не только для России, но и для более широкого контекста, включая их роль в сохранении старых русских обычаев и образа жизни в новых условиях. Таким образом, молокане, оказавшиеся вдали от своей родины, продолжают сохранять связь с её духовной и культурной традицией, представляя собой живое воплощение российской религиозной

культуры. Образ молокан в литературе и их реальные жизненные примеры становятся важным элементом для осознания глубины российской духовности и её места в мировом контексте.

References:

1. Shuvaeva E.A. Armenian Molokans: A Contemporary Ethnographic Portrait. [electronic resource]. — 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskie-molokane-sovremenny-ethnograficheskiy-portret> // Date of access: 20.02.2025.
2. Tolstoy L.N. Complete Works. Volume 33. Resurrection. Draft Editions and Variants. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1985. — 696 p. — [electronic resource]. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/33> // Date of access: 20.02.2025.
3. Shuvaeva-Petrosyan E.A. L.N. Tolstoy: Religious-Philosophical Teachings and Doukhobors. [electronic resource]. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/l-n-tolstoy-religiozno-filosofskoe-uchenie-i-duhobory/viewer> // Date of access: 20.02.2025.
4. Tolstoy L.N., Biryukov P.I. Persecution of Christians in Russia in 1895 [electronic resource] / URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1570.shtml / Date of access: 20.02.2025.
5. Case № 198 of the Echmiadzin District Police Department. National Archive of Armenia. Date of access: 10.12.2021.
6. Tolstoy S.L. Essays of the past. — Tula: Priokskoye book publishing house, 1975. — 472 p. + 16 pages insert.
7. Ilyina T. V. Molokanism in the Works of N. S. Leskov. [electronic resource]. — 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molokanstvo-v-tvorchestve-n-s-leskova/viewer> // Date of access: 25.02.2025.
8. Leskov N. S. Complete Works in 11 Volumes. — Moscow: State Publishing House of Artistic Literature, 1956. — Vol. 6. Quotation from: Leskov N. S. The Immortal Golovan: From the Stories of Three Righteous Men. [electronic resource]. — URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-leskov/nesmertelnyy-golovan-174929/chitat-onlayn/> // Date of access: 25.02.2025.
9. Leskov. N.S. A Few Words... on the Doukhobor and Other Sects. [electronic resource]. — 2005. — URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0116.shtml // Date of access: 25.02.2025.
10. Korolenko. V.G. Without a Language. [electronic resource]. — 2012. — URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0050.shtml // Date of access: 25.02.2025.
11. The collection "Through the Eyes of Friends." Compiled by R. Avakyan. — Yerevan: Ayastan, 1967. — 440 pages.
12. Pilnyak B. A. Selected Works. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1976. — 702 pages.
13. Ilf I., Petrov E. One-Story America: Travel Sketches. — St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023. — 416 pages.

Information about the Author:

Elena A. Shuvaeva (Armenia, Russia) - Postgraduate student of the Institute of Oriental Studies, RAU, lecturer at YSU Ijevan branch. Member of the Writers Union of Armenia and the Writers Union of Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-7759-7306>

<https://www.researchgate.net/profile/Elena-Suvaeva>

E-mail: lena478@mail.ru

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers. Special thanks to Professor Simona Koryčánková, Masaryk University, Brno, Czech Republic.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-157-163

УДК (UDC) 314.1

Tamara V. Kuprina
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

Svetlana M. Minasyan
Yerevan State University, Ijevan Branch
Yeravan, Armenia

For citation. Kuprina Tamara V.,
Minasyan Svetlana M., (2025)
New Generation of Perennials and Beta: Terra Incognita.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue 1(2025), pp. 157-163 (in USA)

Manuscript received: 13/02/2025
Accepted for publication: 25/03/2025
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

NEW GENERATIONS OF PERENNIALS AND BETA: TERRA INCOGNITA

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕННИАЛОВ И БЕТА: ТЕРРА ИНКОГНИТА

Abstract:

The article presents the problem of intergenerational transition and the emergence of a new generation of perennials, people who do not match their biological age, who continue working and leading an active lifestyle. The phenomenon is associated with a sense of subjective well-being. It is proved that the Silver Economy has great potential, reducing the pressure on the demographic situation. There summarized experimental data, proving that the development of vital functions can happen at any age (learning ability, balanced decisions, emotional stability, creativity, empathy, etc.).

On the other hand, there considered unknown problems of the emerging Beta generation, who differs sharply from the previous ones. It requires a deeper study of the intergenerational transition.

Keywords: perennials; silver economy; silver age; subjective well-being; generation Beta; intergenerational transition

Аннотация. В статье представлена проблема межпоколенческого перехода и появление нового поколения перенниалов, людей, не соответствующих своему биологическому возрасту, продолжающих трудовую деятельность и ведущих активный образ жизни, что связано с чувством субъективного благополучия. Доказывается, что Серебряная экономика имеет большой потенциал, снижая давление на демографическую ситуацию. Обобщаются экспериментальные данные, доказывающие,

что развитие жизненно значимых функций может происходить в любом возрасте (способность к обучению, взвешенность решений, эмоциональная устойчивость, творческие способности, эмпатия и др.). С другой стороны, рассматриваются малоизученные проблемы рождающегося поколения Бета, которое резко отличается от предыдущих, что требует более глубокого изучения межпоколенческого перехода.

Ключевые слова: перенниалы; серебряная экономика; серебряный возраст; субъективное благополучие; поколение Бета; межпоколенческий переход

Introduction

Modern living conditions change not only the environment, but also the people who inhabit it. Considering the demographic situation in many countries of the world, the decline in birth rates, the increase in life expectancy, and at the same time the aging of the population, it is necessary to take into account the characteristics and capabilities of the older generation. On the other hand, it is necessary to consider the development prospects of the new Beta generation (born in 2025-2039), who will differ significantly from all previous ones. Thus, the problem of interaction between generations and their traditions and values arises.

The theory of N. Howe-W. Strauss states that it is not only and not so much age that forms and determines a generation, but rather the people's values, which are formed under the influence of social, political, economic, cultural, technological facts and upbringing in the family. It also points that part of society whose values are a priority at the present time.

According to the World Health Organization, the population over 65 will double by 2050. Therefore, we can talk about maintaining both physical and mental well-being, including positive emotions, maintaining cognitive functions and a sense of significance in social life (Helliwell et al., 2024).

At present, the above-mentioned problems are being discussed by experts and researchers in the fields of sociology, gerontology, demography and other fields of knowledge. All active senior people strive to understand and, accordingly, realize their physical and mental capabilities, often contrary to the ingrained stereotypes of their perception as outlived, worn-out and useless ballast for society.

At the same time, as V. Yakovlev notes, civilization has created a rich culture of physical and mental techniques that allow one to stay in shape in old age. And from a business point of view, people over 60 are quite a solvent and promising audience. The market for services for this audience should be no smaller than the market for services and entertainment for children. However, in modern culture there is no idea of the age over 60 as a full-fledged, significant stage of human life (Yakovlev, 2013).

It is also necessary to take into account the new direction of economic development, namely, the knowledge economy. In this regard, the senior generation is the richest bearer of professional knowledge and life experience. According to Japanese researchers I. Nonaka and H. Takeuchi, it is necessary to see the economic effect in informal knowledge. It is necessary to understand the value of what remains hidden and ambiguous. They point out that in the 1990s, for example, American companies carried out extensive layoffs by firing senior employees, who took with them those unspoken ideas, informal experience, leaving a certain vacuum in the companies. Later, they had to be hired again, as consultants (Nonaka & Takeuchi, 2011).

Thus, the problem of rethinking age stereotyping arises. In the conditions of demographic imbalance, identifying the resources and opportunities of the senior generation could help maintain stability in the labor market and in the economy as a whole.

At the same time, the senior generation can have a significant influence on the upbringing of the new Beta generation, transmitting and preserving universal human values that do not depend on time parameters.

Possibilities of Silver Economy

The increasing proportion of senior people worldwide has a significant impact on various economic sectors, therefore it is necessary to take into account the needs and possibilities of this category of society.

In particular, the increase in the share of the senior generation and the size of their income are becoming especially significant in the context of the consumer crisis. The senior generation is no longer considered as a threat of additional social costs, but as a source of greater commercial opportunity based on stable income, savings levels and special types of needs. The Silver Economy is still underestimated in many countries, especially those with potentially high demand. The implementation of the Silver Economy could help improve the quality of life of the senior generation, initiate the creation of new jobs and help support economic growth (Páleník, 2015).

The few studies in the Silver Economy make an economic assessment of the increase in the senior population, in particular taking into account purchasing power, savings, consumption, new opportunities for innovation and provision of goods and services. It may affect the level of demand, consumer spending and lead to changes in the structure of production and employment in various sectors of the economy.

The European population is considered to be the most senior. However, countries on other continents are currently facing a demographic transition. By 2050, the share of the senior population in East Asia will be higher than in Europe. Moreover, half of the senior population (over 65 years) already lives in Asia. It is assumed that in the future, countries with the largest senior population will be China, India, the United States, Indonesia and Brazil. Data on the size of the senior population, the economic stability of countries (purchasing power and standard of living), and the openness of the economy (share in world trade) provide the basis for assessing the potential demand for silver production. The economies of the BRICS countries are recognized as having the greatest potential for the silver market, taking into account the high growth of GDP and the level of exports and imports (Páleník, 2015).

It is expected that the demand of the senior generation will increase for various types of organic and dietary products that maintain health and prevent diseases (especially telemedicine and telecare); transportation services; lifelong learning (universities of the third age); restaurant, hotel, recreational, financial and insurance services.

An important finding of the research is the confirmation of the intergenerational transition from young households to senior ones, which brings to the fore the importance of the issue of intergenerational solidarity.

Therefore, it is necessary to pay attention to a new assessment of age, age characteristics and possibilities. We are talking about a new age category – perennials. The term “perennials” was introduced by Jean Pell in 2016. Thus, she has designated a new ageless way of thinking.

Perennials are a category of people whose mental age does not correspond to their biological age, who strive to go beyond age stereotypes, using the advantages of their age and remaining active (Sociologists..., 2025).

The concept of “perennials” includes people of different ages who are interested in what is happening in the world, understand technologies, interact with different age groups. They are active, creative, self-confident, share their experience, and are mentors to others. In this situation, the onset of retirement age does not mean the end of, for example, professional activity, since people of the silver age remain socially active and in demand.

Sociologist Mauro Guillén points out that activity is not determined by age, the younger generation strives more for social development, and not just professional; people can change their field of activity even at an senior age; different generations study in the same online groups; the senior generation continues working. M. Guillén concludes that there is a

shift towards the senior generation: labor force, consumption, social and political influence (Sociologists..., 2025).

On the other hand, the concept of “staying younger” is more related to an internal sense of self-perception, which is associated with a sense of subjective well-being.

Subjective well-being measures how people define their situation in life and their various activities, which can help control for both economic and social living conditions (Dolan et al., 2013). Subjective well-being is also related to emotional state, sense of meaning in life, positive and negative experiences (Panek & Zwierzchowski, 2023).

There are various parameters that characterize subjective well-being. Some studies show a strong relationship with demographic variables.

Results from large population surveys have found a U-shaped relationship between subjective well-being and age. Subjective well-being is shown to be higher in younger and senior adults and lower in people in between (Clark, 2019). Educational attainment can provide advantages not only in the labor market but also in health, higher status and self-esteem (McMahon, 2017). Interpersonal relationships (family, friends, etc.), the environment in which one lives, and social institutions have the greatest impact on subjective well-being (Godefroy & Lollivier, 2014).

It has been proven that people in their 80s and 90s who actively communicate with the younger generation live longer. The best way to achieve intergenerational understanding is to change the sequential life pattern (education – work – retirement). For example, many senior people continue working, which can reduce the tax burden on younger people. At the same time, the opportunity for intergenerational communication and cooperation in the workplace increases. Constant learning something new also increases interaction between generations and the level of subjective well-being.

Summarizing the experimental data of various studies, the following conclusions can be made (Kozlova & Kuprina, 2014):

1. Learning. With age, the interaction of brain neurons improves, which promotes learning at an senior age, focusing on specific material and choosing appropriate learning strategies.

2. Decision-making with age is more balanced and focused on the long-term perspective.

3. Emotional stability is associated with the development of emotional intelligence (EQ), that is, the ability to manage emotions and avoid conflict situations.

4. The reaction to criticism with age is less acute, which is associated with developed EQ.

5. Youth of spirit. According to research, many people over 65 feel younger than their years.

6. Creative abilities in senior people often demonstrate an unconventional and innovative approach to solving problems, focusing on the needs of others.

7. Level of happiness. Research shows that happiness levels start to rise after age 55, and the percentage of people who consider themselves happy increases with age.

8. Empathy. With age egocentrism decreases and empathy increases: it is easier for people to understand others. Twenty-year-olds, when generating ideas, often base on their own needs. A mature brain can better connect the needs of others and their own.

9. Ability to speak foreign languages. With age, the brain understands grammatical and word-formation structures better, and life experience and motivation help to progress faster. What was previously considered the inability of senior people to learn is in fact simply a consequence of using educational materials that are inappropriate for this audience: they must be adapted to the age-related features of vision and hearing.

10. Memory. A person is able to maintain a good memory, despite their age. If at the initial stage of testing, young people show better results, then after memory training is conducted with the senior group, it shows the same good results as the young one.

Generation Beta: Unknown world

In order to imagine the difference in the values of generations, it is necessary to refer to their classification:

1. Boomers (1944-1967) valued the very opportunity to obtain knowledge and education.

2. Generation X (1967-1984) the choice of education depended on prestige and the possibility of subsequent good employment. However, the further development of society has shown that throughout life, education alone may not be enough, it is necessary to acquire new skills, improving professional skills.

3. Generation Y / millennials (1984-2000) is a complex generation that went through a change in the structure of the state in Russia, faced with an unstable world trying to build its own system of values.

4. Generation Z (2000-2011), many of whom do not see the value in education, which does not guarantee employment and it is transmitted to their children. But if an alternative grading system is not offered, then children can get lost in the coordinate system.

5. Generation A / Alpha (2011-2024) is already adapted to the virtual environment. They instantly find information, want to receive an instant answer and are greatly influenced by bloggers. They question the values that are important to their parents, so it is difficult to motivate them. Being the generation of TikTok and social networks, they have difficulty in concentrating, so short formats in the presentation of information and fast communication are important to them. Learning through gamification is ideal for them, when they immediately earn points and coins for completed tasks.

6. Generation B / Beta (2025-2039). What are the forecasts for its development? They will live in an even greater digitalization. It is the first generation that will live in the metaverse. Socialization will occur both offline and online, i.e. networks and games. If we compare with the modern generation, we can note that negotiations and meetings are increasingly taking place online. The distinctive features of generation B will be multi-education, creating their own educational track, interaction with artificial intelligence is more important for them than retelling the text from a textbook. Therefore, the education system should take these trends into account, give the new generation the opportunity to demonstrate their skills, teach them to use tools that will help preserve their identity.

Representatives of earlier generations, who have other social and motivational guidelines, teach and will teach generations A and B. Therefore, senior generations need to develop critical thinking in new generations when analyzing extensive information, distinguishing fake information created by artificial intelligence from truthful information, the ability to express their opinions based on logical argumentation.

To overcome the conflict of values, the education system must create an intergenerational "bridge" that transmits experience, meanings, values. It implies respect for the individual regardless of age.

A. Newmayer asking a number of questions: Which teachers are remembered the most? Does their age matter? – Answers are: the teacher who paid attention to you, helped you take the first steps in the area of interest to you, played a special role in the formation of values (Nyumayer A., 2025).

Conclusion

Thus, to conclude a brief overview of the problem under discussion, we can say that age boundaries are currently blurring, professional activity and an active lifestyle do not end upon reaching retirement age, since the level of subjective well-being is different for everyone. A generation of perennials has emerged who do not correspond to their biological age, continue their professional activity, lead an active lifestyle and have their own advantages. However, society significantly underestimates the potential of the silver age and

the possibilities of the silver economy, which could contribute to improving the demographic situation, reducing the burden on the younger generation.

We can agree with the research of Lomonosov Moscow State University and the Russian Academy of Sciences that social policy measures can help to form a positive perception of the silver age: the opportunity to continue professional activity without demotion, active participation in public life, monitoring the health of the population.

On the other hand, a new generation B is being born, which will be significantly different from other generations. Consequently, new goals are being set for the education system, aimed at developing new programs and teaching methods that correspond to the mentality of the new generation and unite all generations.

A promising study could be to identify the maximum potential of the silver generation of perennials and develop new methods based on digital technologies. On the other hand, there is a need to develop potential strategies for training the Beta generation.

References:

1. Nonaka, I., Takeuchi, H. (2011). *Kompaniya – sozdatel' znaniya. Zarozhdeniye i razvitiye innovatsiy v yaponskikh firmakh* [The Company as a Creator of Knowledge. The Birth and Development of Innovations in Japanese Firms]. Moscow: ZAO Olimp-Business, 384. (In Russ.)
2. Sotsiologi rasskazali o novom pokolenii bez vozrasta. Kto takiye perennialy [Sociologists Talk About a New Ageless Generation. Who Are the Perennials]. https://dzen.ru/a/ZwzU_MoIISjYX7vE (Accessed: 12.01.2025). (In Russ.)
3. Yakovlev, V. (2013). *Vozrast schast'ya. Chto obshchego u tekhnicheskikh, kto zhivet dolgo i schastlivo?* [The Age of Happiness. What Do Those Who Live Long and Happily Ever After Have in Common?]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 336. (In Russ.)
4. Clark, A. (2019). Born to be mild? Cohort effects don't (fully) explain why well-being is U-shaped in age. In *The Economics of Happiness*, Springer, 387–408. http://doi.org/10.1007/978-3-030-15835-4_17.
5. Dolan, P., Kavetsos, G., Tsuchiya, A. (2013). Sick but satisfied: The impact of life and health satisfaction on choice between health scenarios. *Journal of Health Economics*, 32 (4), 708–714. <http://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.04.002>.
6. Godefroy, P., Lollivier, S. (2014). Satisfaction and quality of life. *Économie et Statistiques*, 469–470, 199–232 <http://doi.org/10.3406/estat.2014.10427>.
7. Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., De Neve, J.-E., Aknin, L. B., & Wang, S. (2024). *World Happiness Report 2024*. University of Oxford: Wellbeing Research Centre, 158.
8. Kozlova, O.A., Kuprina, T.V. (2014). Working (Labor) and Creative Potential of the Seniors of Russia and Other Countries: Problems and Strategies to Use the Potential of Seniors. In *Life perspectives, meaning of life, satisfaction and social saturation of seniors living in Slovakia and abroad*. [Collection of scientific works] (pp.130-145). Slovakia: Presov University.
9. McMahon, W. (2017). *Higher learning, greater good: The private and social benefits of higher education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. https://www.researchgate.net/publication/318113728_Higher_Learning_Greater_Good_The_Private_and_Social_Benefits_of_Higher_Education (date of access: 12.01.2025).

10. Páleník V. (2015). Potential of the Silver Economy in an Ageing Europe dealing with an Ongoing Debt Crisis and Problems in the Labour. Serbia: Srbsko razvojno udruženje Bački Petrovac, 136.
11. Panek, T., Zwierzchowski, J. (2023). Subjective Well-Being in European Union Countries. Warsaw: Warsaw School of Economics, 108.
12. Nyumayer A. Generation Beta: What Will the Children Born in 2025 Be Like? <https://mel.fm/blog/anna-nyumayer/30594-pokoleniye-beta-kak-uchit-detey-kotoryye-rodyatsya-v-2025-godu> (date of access: 12.02.2025).

Information about Authors:

Tamara V. Kuprina – CandSc. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Translation and Department of International Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. <http://orcid.org/0000-0002-8184-2490> (19, Mira St., Yekaterinburg, Russian Federation, 620002; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Svetlana M. Minasyan – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Ijevan Branch of Yerevan State University (Ijevan, Armenia). <http://orsid.org/0000-0001-9301-4927>
e-mail: sminasyanpmesi@gmail.com

Acknowledgments: I would like to thank my reviewers. Special thanks to Professor Ham Young Jun, Dankook University.

Author's contribution: The work is solely that of the author.

DOI:10.24412/2470-1262-2025-1-164-173

УДК (UDC) 004.056

Mariam R. Gevorgyan
French University in Armenia (UFAR),
Yerevan, Armenia,
Institute for Physical Research, NAS (IPR NAS),
Yerevan, Armenia.
Svetlana M. Minasyan
Ijevan Branch of Yerevan State University,
Ijevan, Armenia.
Lilit M. Manukyan
Brusov State University (BSU),
Yerevan, Armenia.

For citation: Gevorgyan M.R., Minasyan S.M.,
Manukyan L. M. M., (2025).
Exploring the Role of Cybersecurity:
Interdisciplinary Perspectives and Strategies.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 10, Issue I (2025), pp. 164-173 (in USA)

Manuscript received 06/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

EXPLORING THE ROLE OF CYBERSECURITY: INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVES AND STRATEGIES

ИЗУЧЕНИЕ РОЛИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И СТРАТЕГИИ

Abstract:

We have been presenting the pervasive threat of cybersecurity. The article explores interdisciplinary perspectives, such as information technology discipline, types of cybersecurity. Through an in-depth analysis of cybersecurity types, this paper aims to raise awareness about the evolving threat landscape and provides actionable strategies for effective prevention. Cybersecurity Ventures expects global cybercrime costs to grow by 15 percent per year over the next five years, reaching \$10.5 trillion USD annually by 2025, up from \$3 trillion USD in 2015. They also expect the financial impact of ransomware is expected to reach approximately \$265 billion annually by 2031. This forecast is based on an anticipated annual growth rate of 30% in ransomware-related damage costs over the next decade.

The conclusion emphasizes that although technology can help mitigate the effects of social engineering attacks, the real vulnerability lies in human behavior, impulses, and psychological tendencies.

Nowadays cybersecurity analyses are incredibly important for all users. Social engineering assaults are still a common and developing concern. Beyond all mentioned, one can also be proactive about privacy and security. Keeping your devices themselves is just as

important as all your other digital behaviors. 90 % of cyber-attacks involve social engineering.

In this paper we have been presenting pervasive cybersecurity, interdisciplinary perspectives, thoughts and analyses. Therefore, in the paper we have been studying types of cybersecurity and ways of using it in a conscious way.

Keywords: Cybersecurity, Social Engineering Attacks, Human Error, Human-Computer Interaction, Security Awareness, Prevention Strategies

Аннотация:

Мы представили все проникающую угрозу кибербезопасности. В статье рассматриваются междисциплинарные перспективы, такие как дисциплина информационных технологий, типы кибербезопасности. С помощью глубокого анализа типов кибербезопасности эта статья направлена на повышение осведомленности о меняющемся ландшафте угроз и предлагает действенные стратегии для эффективного предотвращения. Cybersecurity Ventures ожидает, что глобальные расходы на киберпреступность будут расти на 15 процентов в год в течение следующих пяти лет, достигнув 10,5 триллионов долларов США в год к 2025 году по сравнению с 3 триллионами долларов США в 2015 году. Они также ожидают, что финансовое воздействие программ-вымогателей, как ожидается, достигнет приблизительно 265 миллиардов долларов США в год к 2031 году. Этот прогноз основан на ожидаемом ежегодном темпе роста расходов на ущерб, связанный с программами-вымогателями, на 30% в течение следующего десятилетия.

В заключении подчеркивается, что, хотя технологии могут помочь смягчить последствия атак социальной инженерии, настоящая уязвимость заключается в поведении человека, его импульсах и психологических тенденциях.

В настоящее время анализ кибербезопасности невероятно важен для всех пользователей. Атаки с использованием социальной инженерии по-прежнему являются распространенной и растущей проблемой. Помимо всего вышперечисленного, можно также проявлять инициативу в отношении конфиденциальности и безопасности. Сохранение самих устройств так же важно, как и все ваше другое цифровое поведение. 90 % кибератак связаны с социальной инженерией.

В этой статье мы представили всеобъемлющую кибербезопасность, междисциплинарные перспективы, мысли и анализы. Поэтому в статье мы изучили типы кибербезопасности и способы ее осознанного использования.

Ключевые слова: кибербезопасность, атаки с использованием социальной инженерии, человеческая ошибка, взаимодействие человека и компьютера, осведомленность о безопасности, стратегии предотвращения

1. Introduction

Information Technology (IT) security encompasses a broad array of cybersecurity techniques aimed at reducing the risk of unauthorized access to organizational resources, which include computers, networks, and sensitive data repositories. It is crucial for ensuring the integrity and confidentiality of sensitive information while defending against sophisticated cyber threats. This paper explores the complex landscape of IT security, delving into its core principles, evolving strategies, and its critical importance in today's organizational settings. This paper aims to provide a comprehensive understanding of IT security by exploring key topics like threat mitigation strategies, encryption technologies, and incident response mechanisms. It seeks to explain how these elements work together to protect against unauthorized access and enhance the resilience of organizational systems.

The contemporary literature on cybersecurity reflects a sophisticated and multi-dimensional field that has evolved significantly from its initial technical foundations. Early

research predominantly concentrated on the development and refinement of cryptographic protocols, network security architectures, and intrusion detection mechanisms.

In recent years, the scope of cybersecurity research has broadened substantially. Researchers now examine the intersection of technical, human, and organizational factors in cybersecurity based on social engineering.

The literature also addresses emerging challenges and innovations, including the implications of artificial intelligence, machine learning, and quantum computing for cybersecurity. The evolving state of cybersecurity research underscores a transition towards a more holistic understanding of security that integrates technical, behavioral, and systemic perspectives to address the dynamic nature of cyber threats.

Methodology

This article adopts a comprehensive and interdisciplinary approach to analyze the pervasive threat of cybersecurity, with a particular focus on social engineering attacks and the broader cybersecurity landscape. The methodology employed in this paper includes the following key components:

Literature

Data analysis

Interdisciplinary perspectives

Case studies

Expert interviews

Prevention strategies evaluation

Future projections

This methodology ensures a thorough and multifaceted exploration of the cybersecurity landscape, integrating quantitative data, qualitative insights, and interdisciplinary perspectives to provide a comprehensive analysis of current and future threats.

This methodology outlines a structured approach to analyzing cybersecurity threats, incorporating diverse sources and methods to provide a well-rounded understanding of the topic.

Types of IT security

Network security is used to prevent unauthorized or malicious users from getting inside the network. This ensures that usability, reliability, and integrity are uncompromised. This type of security is necessary to prevent a hacker from accessing data inside the network. It also prevents them from negatively affecting your users' ability to access or use the network. Network security has become increasingly challenging as businesses increase the number of endpoints and migrate services to the public cloud [1, 2].

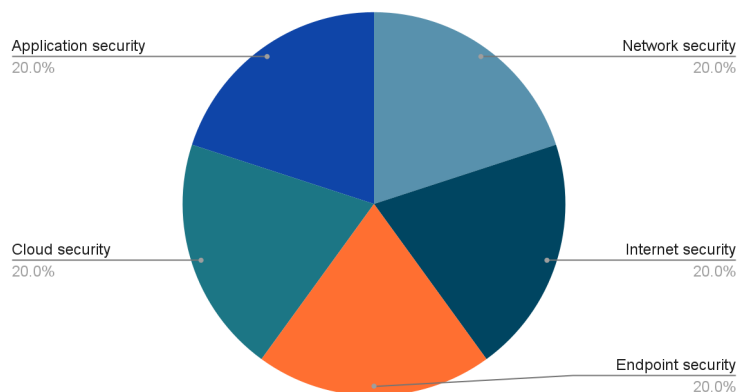
Internet security: Internet security involves protecting data transmitted through web browsers and securing the network infrastructures that support web-based applications. This includes monitoring and filtering incoming internet traffic to detect and block malware and other unwanted content. Key components of internet security include firewalls, antivirus software, and antispyware tools. Together, these tools defend against online threats and help ensure a secure browsing experience.

Endpoint security provides protection at the device level. Endpoint security protects devices such as cell phones, tablets, laptops, and desktop computers. It helps prevent these devices from connecting to malicious networks that could threaten your organization. Examples of endpoint security include advanced malware protection and device management software.

Cloud security: Applications, data, and identities are moving to the cloud, meaning users are connecting directly to the Internet and are not protected by the traditional security stack. Cloud security can help secure the usage of software-as-a-service (SaaS) applications and the public cloud. A cloud-access security broker (CASB), secure Internet gateway (SIG), and cloud-based unified threat management (UTM) can be used for cloud security.

Application security: Application security involves incorporating security measures throughout the software development lifecycle to proactively address vulnerabilities and defend against potential cyber threats. This practice includes assessing the application's code to identify and rectify weaknesses, ensuring that the software is fortified against potential attacks from the outset. By integrating security into the development process, application security aims to build robust defenses and enhance the overall resilience of the software. The visual representation of the above five types of IT security is shown in Fig. 1.

Fig. 1. Types of IT security.

2. Human-Computer Interaction

History: Early computers were extremely difficult to use. ENIAC (Electronic Numerical Integrator and Computer) was

released in 1945. It was the first programmable electronic and general purpose digital computer.

In the mid 1960's command line interface (CLI) was used to interact with computers. CLI is light weight and requires little memory consumption.

1980's were the booming phase for HCI. Some of the market leaders like Apple and Microsoft play a crucial role for the modern development of HCI. GUI (Graphic User Interface) application was created that was easy to use, understand and visualize. XEROX STAR was released in 1981. It had a mouse driven graphical user interface and built-in ethernet network and protocol. It also had a laser printer. This was considered far ahead of its time. In 1983 Apple Lisa was released, it offered a document-centered graphical interface based on the metaphor of desktop.

In 1984 the first Macintosh was released and it was revolutionary. It has a good graphic user interface and a variety of fonts that makes your document more appealing to readers.

In the 1990's the internet started its journey. Communication between people becomes very easy through social networking like Email. The World Wide Web (WWW) was created by Tim Berners-Lee. It is a way for people to share information.

In 2000 mobile, laptop, tablet was a buzz word in this period. These gadgets provide more flexibility to users. Users can connect with anyone at any place. Smart phones come into picture. Users don't need any mouse or pointing device to select anything. They can use their fingers to interact with devices. It provides more features like built-in music player, camera, weather forecast, Internet, GPS, games, video conferencing and many more.

In 2006 NINTENDO released Wii. It was famous for its rear remote controller, a handheld pointing device that detects movements in 3D. It enables users to simulate real world sports and activities through different games. This paved the way for gaming consoles like XBOX

Windows 10, released by Microsoft in 2015, is a series of operating systems designed to provide a consistent user experience across a variety of devices. With the growing popularity and diverse range of laptops and computers, Windows 10 was engineered to be adaptable to different hardware configurations, ensuring a seamless and versatile operating environment across multiple types of systems.

VR oculus rift was a revolution in virtual reality. It was launched in 2016. The rift is primarily a gaming device. However it is also capable of viewing conventional movies and videos from inside the virtual cinema environment. It is increasingly used in universities and schools as an educational tool.

Using psychology to create new models

The earliest use of computers was to solve specific problems, in mathematics, engineering, ballistics, logic. Accordingly, the research psychology of problem-solving was applied and adapted to the study of computer use. **Newell and Simon's "Information processing psychology" (1972)** described human problem solving in information-processing terms and was applied to the study of problem solving with computers. It led directly to the development of cognitive models of problem solving, from high-level descriptions of the writing process to a keystroke-level model of interaction (**Card, Moran, & Newell, 1983**). These models have been used to predict the behavior of users solving problems with computers, and to inform the design of more effective and comprehensive computer systems. More recently, it has been recognised that people use computers for tasks that do not easily fit the problem-solving mold, such as design, exploration, and communication. New models are being developed which draw on studies of human creativity, exploration, and social interaction [3].

Human-Computer Interaction, Changes and Information Technology

Social changes are rising, as also the HCI is more and more significantly engaged in society. Trends of global society changes in HCI, it makes the distribution of information fast in all directions and has a prompt response system. For this reason, the impact on economic, political, and social changes, the result of advances in HCI, also has caused so many major changes in trends. Society had changed from industrial society to information society. The world society has changed tremendously. From agricultural society that has cultivated and created agricultural products, causing the building of houses as primary sources. Later, it is necessary to produce many products at cheap costs. Therefore, having to turn production into industrial designs, causing the living conditions of humans to change into urban society.

There is a group of residents in the city. There is an industry as a production base. Industrial society has operated and changed into the information society. Business operations use information widely. There is a new word that cyberspace has conducted various activities such as talking over the internet, buying products and services, HCI is a discipline that responds to the needs of individual users, such as communication, watching television, radio. In the past, when we turned on the television or radio receiver, we could not choose according to what we needed. If we are not satisfied, just select the new station. The trend from now on will change in a manner called on-demand. We will choose television programs to watch, and choose to listen to the radio program as needed. HCI is the discipline that plays an important role in every industry. Therefore, affecting social, cultural, moral, educational, economic and political changes, imagine that now we can watch news, watch TV programs that are distributed via satellite of various countries around the world. We can receive news immediately.

We use the internet to communicate with each other. Besides, it connects with people around the world. Therefore, the trend of cultural, economic, social and political changes has become a more global society. The status of the development of chat bots has not yet reached its goal: software that can emulate human behavior completely has not yet arrived. Nonetheless an interesting question has arisen: what can we do with a program that meets all conditions to appear as humans? Will this situation respond the same to us? We will continue to respond to society, will we remain polite, and will we continue to use our social conventions? Will we dare yell at it or show our offense?

3. Security and Privacy Engineering: The what, why and how

The mission is to support the development of trustworthy information systems by applying measurement science and system engineering principles to the creation of frameworks, risk models, guidance, tools, and standards that protect privacy and, by extension, civil liberties [2].

Privacy engineering will be central to the privacy profession going forward. That is an easy assertion to make. Privacy professionals have long discussed the importance of building privacy in rather than bolting it on - aka privacy by design. But as technology has raced ahead, the need for privacy engineering has evolved and intensified.

Privacy engineering initiative - i.e. better define what it is, why it matters and how we can support the professionals doing it. I want to share some of what I have learned from leading practitioners and renew our call for continued engagement from those working in this exciting field.

What is it?

In short, privacy engineering is the technical side of the privacy profession. Privacy engineers ensure that privacy considerations are integrated into product design. The longer answer is that it depends who you ask. Some practitioners view it as process management and others see it more as technical knowhow. Both views seem equally valid and integral. Privacy engineers today work as part of product teams, design teams, IT teams, security teams, and yes, sometimes even legal or compliance teams. It describes the need for practitioners who “understand technology and are able to integrate perspectives that span product design, software development, cyber security, human computer interaction, as well as business and legal considerations” [4].

Regardless of where they sit, privacy engineers must serve as translators between these teams, turning privacy requirements into technical realities.

Why does it matter?

Privacy engineering matters not only because it leads to better products, but because it can significantly influence a company’s bottom line.

Increasing lawyers’ technical knowledge, helping engineers understand the “why” behind privacy requirements, and ensuring that everyone considers user experience will lead to better products from a consumer perspective. Consumer trust can be a market differentiator so that is clearly one good reason to invest in privacy engineering. Increasingly, though, it is only one of many [5]. Today, it matters because laws, regulators, and automation demand it.

4. Approaches for Addressing Risks in Cybersecurity

Cybersecurity risks that target human psychology and manipulation to accomplish their goals are known as social engineering attacks. Creating efficient counters and solutions requires understanding these attacks’ theoretical underpinnings and pertinent concepts. The section thoroughly examines the theoretical underpinnings and essential ideas in social engineering assaults based on various academic research and sources. The skill of psychological manipulation lies at the heart of social engineering attacks. The basis of this idea is the knowledge that people are prone to various cognitive biases and weaknesses. Points out that psychological manipulation generally targets emotions, trust, and cognitive shortcuts in order to take advantage of these biases. To grasp the effectiveness of social engineering assaults, one must first understand the cognitive and emotional factors that influence human decision-making [6].

One of the most common types of social engineering assaults is phishing. In order to deceive receivers into disclosing sensitive information, it entails the use of false communication and have studied phishing in great detail [7]. Attackers frequently use emails, websites, or even phone calls to give the impression that they are legitimate. Phishing attacks work well due to the manipulation of victims’ perceptions and the use of persuasive language. Social engineers usually prey on emotional triggers, including fear, uncertainty, and hurry. Social engineers construct

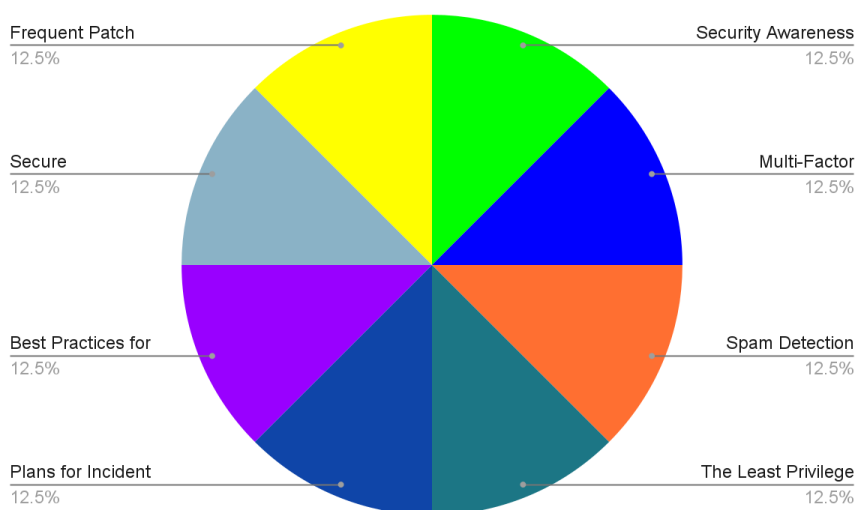
situations that elicit fear or urgency, causing people to behave without carefully considering their actions. These emotions precede logical thought processes, leaving victims more open to deception. Understanding human weaknesses and cognitive biases is a fundamental idea in social engineering.

The literature, such as [8-10], emphasizes the significance of these biases in social engineering since they may be used to influence others. There are several established theoretical frameworks to comprehend social engineering attacks. As described by [11-13], the Extended Parallel Process Model (EPPM) Attackers frequently use emails, websites, or even phone calls to give the impression that they are legitimate. Phishing attacks work well due to the manipulation of victims' perceptions and the use of persuasive language. Social engineers usually prey on emotional triggers, including fear, uncertainty, and hurry. Social engineers construct situations that elicit fear or urgency, causing people to behave without carefully considering their actions. These emotions precede logical thought processes, leaving victims more open to deception. Understanding human weaknesses and cognitive biases is a fundamental idea in social engineering:

- Financial loss
- Data breaches and loss of sensitive information
- Reputation damage
- Psychological damage
- Legal and regulatory consequences

Preventing the impact of social engineering attacks

It is evident that regardless of how technologically secure a network seems the human element will always be a vulnerability. The success rate and the number of cybercrimes are steadily on the rise due to the level of anonymity social engineering offers malicious actors. As businesses navigate this landscape, it becomes imperative for them to maintain a vigilant awareness of the diverse threat actors and their extensive array of attack vectors. By doing so, organizations can enhance their preparedness and responsiveness to these evolving cyber security challenges. There are technical and non-technical safeguards that can be implemented to lower the risk associated with social engineering to a tolerable level. Technology, education, and the enforcement of policies are all necessary components of a multipronged strategy to mitigate the effects of social engineering attacks. By implementing these tactics, people and organizations will be better equipped to ward against these persistent and changing dangers. [5, 14]. Between 2020-2021 Skybox found that there was a 106% increase in new ransomware, and RiskIQ estimates that six organizations were victimized by ransomware per minute [15-16].

Fig. 2. Comprehensive Strategies for Enhancing Cyber Security. Addressing Cyber Security Challenges through Awareness, Technology, and Strategy.
Key Strategies for Mitigating Cyber Threats and Enhancing Security
1. Security Awareness Training

- **Description:** Equips individuals with knowledge to recognize and respond to suspicious activities.

- **Key Points:**

- Recognize phishing attempts.
- Real-world examples of social engineering.
- Confirm authenticity of requests.

2. Multi-Factor Authentication (MFA)

- **Description:** Adds an extra layer of security by requiring multiple forms of identity verification.

- **Key Points:**

- Protects against unauthorized access even with compromised passwords.
- Should be used for email, vital systems, and sensitive data access.

3. Spam Detection and Email Filtering

- **Description:** Utilizes software to recognize and quarantine phishing emails.

- **Key Points:**

- Analyzes sender behavior, attachments, and content.
- Invest in reliable email filtering solutions.
- Use spam filtering capabilities in email clients.

4. The Least Privilege Principle and Access Control

- **Description:** Restricts access to only what is necessary for job functions.

- **Key Points:**

- Reduces risk of insider threats and unauthorized access.
- Regularly review and adjust access rights.
- Use role-based access control and access control lists.

5. Plans for Incident Response and Security Policies

- **Description:** Defines acceptable conduct, security measures, and response guidelines.

- **Key Points:**

- Create and communicate security policies.
- Develop incident response plans with steps for handling and recovering from incidents.

6. Best Practices for User Authentication

- **Description:** Promotes the use of strong, unique passwords and secure password management.

- **Key Points:**

- Use and regularly update secure passwords.
- Employ password managers and consider passphrases.
- Enforce password policies.

7. Secure Communication Channels and Encryption

- **Description:** Protects sensitive data during transmission through encryption.

- **Key Points:**

- Use secure communication methods like VPNs and encrypted email services.
- Encrypt data using recognized algorithms.

8. Frequent Patch Management and Software Updates

- **Description:** Addresses vulnerabilities through regular updates and patches.

- **Key Points:**

- Regularly update software, operating systems, and applications.
- Implement a robust patch management procedure.
- Enable automatic updates where possible.

5. Conclusion

The aim of the paper is about a huge challenge in today's cyber security efforts, which are the lack of effective information security awareness and training. Many organizations and companies of the public and the private sector continue to believe that cyber security is only a technical, not a strategic and behavioral discipline.

In the article it is shown that multifactor authentication is a common and often effective way for organizations to confirm that the person accessing the systems should actually have that access. The article asserts that integrating education, robust technical safeguards, and stringent policies enables both individuals and organizations to strengthen their defenses and mitigate the risks associated with social engineering attacks. It also illustrates how advancements in Human-Computer Interaction (HCI) have been crucial in transitioning societies from industrial paradigms to information-centric frameworks. This shift underscores the profound impact of technology on societal structures and behaviors, ushering in an era where the flow of information and digital connectivity fundamentally transform how individuals and communities engage, innovate, and progress.

The impact of social engineering attacks is a stark reminder of the potentially severe consequences on financial, reputational, and security fronts. Considering immediate and long-term implications, a comprehensive approach to addressing these attacks is needed.

Mitigation and prevention strategies emphasize the importance of security awareness, multi-factor authentication, and robust incident response plans.

The reviews we found can be used by practitioners in overcoming cyber security problems. They can carry out development based on a collaboration of several approaches to prevent the mentioned problems.

References:

1. URL: <https://www.crowdstrike.com/cybersecurity-101/it-security/>
2. Manukyan L., Gevorgyan M., "Social engineering attacks: How to prevent", Journal of Digital Science, 2024. DOI: [10.33847/2686-8296.6.1_3](https://doi.org/10.33847/2686-8296.6.1_3).
3. Siricharoen W. V. licensed to EAI. This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution license, 2019. DOI:10.4108/eai.13-7-2018.160762. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/>
4. Gurses S., Jose M. Del Alamo, Guitton (1 June, 2020). "Privacy Engineering: Shaping an Emerging Field of Research and Practice". IEEE Security and Privacy Magazine 14(2):40-46, 2016. DOI: [10.1109/MSP.2016.37](https://doi.org/10.1109/MSP.2016.37).
URL: https://www.researchgate.net/publication/300367232_Privacy_Engineering_Shaping_an_Emerging_Field_of_Research_and_Practice
5. Mathieu J. Guitton (1 June, 2020). "Cybersecurity, social engineering, artificial intelligence, technological addictions: Societal challenges for the coming decade". Computers in Human Behavior. **107**: 106307.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106307>
6. Mogha M., Sharma R., Tanwar S., Rana A., and Jain V., "Artificial intelligence predictability of human emotion in psychology," in 2021 9th International Conference on Reliability, Infocom Technologies and Optimisation (Trends and Future Directions) (ICRITO), 2021. URL: <https://doi.org/10.1109/ICRITO51393.2021.9596210>
7. Dhamija R., Tygar J. D., and Hearst M., "Why phishing works," in Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, 2006. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/1124772.1124861>

8. Noorehbahani F. and Zarein Z., "The impact of demographic factors on persuasion strategies in personalized recommender systems," in 2018 8th International Conference on Computer and Knowledge Engineering (ICCKE), 2018. DOI:[10.1109/ICCKE.2018.8566550](https://doi.org/10.1109/ICCKE.2018.8566550)
9. G. Sofia, S. Marianna, L. George and K. Panos, "Investigating the role of personality traits and influence strategies on the persuasive effect of personalized recommendations", *CEUR Workshop Proc.*, vol. 1680, pp. 9-17, 2016.
10. M. Bilgic and R. J. Mooney, "Explaining Recommendations: Satisfaction vs. Promotion", *Proc. Beyond Pers. 2005 A Work. Next Stage Recomm. Syst. Res. 2005 Int. Conf. Intell. User Interfaces*, pp. 13-18, 2005.
11. Worthington A. K., "Fear appeals: The extended parallel process model", in *Persuasion Theory in Action: An Open Educational Resource*, 2021. URL:<https://ua.pressbooks.pub/persuasiontheoryinaction/chapter/fear-appeals-the-extended-parallel-process-model/>
12. Peters, G. J. Y., Ruiter, R. A., & Kok, G. (2013). Threatening communication: a critical re-analysis and a revised meta-analytic test of fear appeal theory. *Health Psychology Review*, 7(sup1), S8-S31.
13. Rhodes, R. E., & Dickau, L. (2013). Moderators of the intention-behavior relationship in the physical activity domain: a systematic review. *British Journal of Sports Medicine*, 47(4), 215-225.
14. "Social Engineering Defined". Security Through Education. Retrieved, 2021. URL:<https://www.social-engineer.org/framework/general-discussion/social-engineering-defined/>
15. "Vulnerability and Threat Trends Report 2021", Skybox Security, 2021. <https://www.skyboxsecurity.com/trends-report/>
16. "RiskIQ's 2021 Evil Internet Minute | RiskIQ", RiskIQ, 2021. <https://www.riskiq.com/resources/infographic/evil-internet-minute-2021>

Information about the Authors:

Gevorgyan Mariam R. (Yerevan, Armenia) - PhD in Physics, Associate Professor
PhD, Institute for Physical Research, NAS /IPR NAS/. Professor, Faculty of Informatics and Applied Mathematics, French University in Armenia /UFAR/. ORCID, <http://orcid.org/0000-0003-2927-0437>

E-mail: mariamgevorgyan89@gmail.com

Minasyan Svetlana M. (Yerevan, Armenia) –Ph.D., Professor of the Department of Foreign Languages, Ijevan Branch of Yerevan State University, Ijevan, Armenia.

ORCID, <https://orcid.org/0000-0001-9301-4927>

Email: s.minasyanpmesi@gmail.com

Lilit M. Manukyan (Yerevan, Armenia) -The founder of “Bekial” scientific-cultural NGO
Brusov State University /BSU/, Yerevan, Armenia.

ORCID, <https://orcid.org/0009-0002-2621-5053>

Email: manukyanlilith@gmail.com

Acknowledgments: Thanks for the positive feedback Professor Harry Walter, Ernst – Moritz – Arndt University, Greifswald, Germany.

Author’s contribution: The work is solely that of the author.

REVIEWS AND NOTES

ELEONORA DYUSENOVNA SULEIMENOVA

Eleonora Dyusenovna Suleimenova, outstanding scientist of the Republic of Kazakhstan, Professor, Doctor of Philological Sciences turns 80 years old today.

It is significant that the jubilee of the scientist coincides with the 90th anniversary of the Kazakh National University named after Al-Farabi, in the walls of which E.D. Suleimenova has spent so many years. Her way from the teacher to the Head of the Department of General Linguistics and Dean of the Faculty of Philology was followed by the array of graduated students who joined the ranks of teachers and researchers. These former students of Eleonora Suleimenova have brought up numerous generations of teachers and scientists in Kazakhstan.

E.D. Suleimenova stood at the origins of Kazakhstani sociolinguistics and language theory. Together with her mother Rafika B. Nurtazina, Hero of Socialist Labour, Candidate of Pedagogical Sciences, prominent specialist and organiser in the sphere of national linguistic didactics, Eleonora Suleimenova became the author of multiple editions of textbooks for schools with Kazakh, Uighur, Uzbek and other languages of instruction.

Modern philology cannot be imagined without Professor Suleimenova's works covering a wide range of issues in the field of bilingualism, contrastive and cognitive linguistics. Professor Suleimenova's work in recent years has been marked by her concentration on the issues of mass bilingualism. A striking and impressive contribution to the popularisation of the Kazakh language and its development is the creation (together with ASTR/ ACCELS and Indiana University) of eleven educational Modules of the Kazakh language on culture made by M. Lekich, E. Suleimenova, D. Akanova, K. Kadasheva. Open access to the Modules on the Internet makes the language of the Kazakh people more visible.

Professor Suleimenova's extensive public activity is awarded at state and international levels. A member of the Scientific and Expert Council of the Assembly of the People of Kazakhstan, the International Committee of Slavists, the Presidium of the International Association for the Promotion of Russian Language and Literature and the President of the Kazakhstan Association of Teachers of Russian Language and Literature, the Public Council

of the Basic Organisation for Languages and Culture of the CIS Member States, the Academic Council of INTAS (International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from New Independent States of the Former Soviet Union), editorial boards of national and international journals – this is the glorious path of Professor Suleimenova with her associates, colleagues, like-minded supporters and students. E.D. Suleimenova headed the Kazakhstan Association of Teachers of Russian Language and Literature from the moment of its foundation till 2024. An important event in the life of the International Association for the Promotion of Russian Language and Literature was the holding of the 14th Congress “Russian Word in a Multilingual World” in the capital of Kazakhstan in 2019.

The path to science and education started with postgraduate studies at the Moscow Linguistic University under the guidance of the exceptional linguist and philosopher G.V. Kolshansky. Her doctoral thesis was successfully defended at Lomonosov Moscow State University.

Continuity in science became the motto of Suleimenova’s life. The doctoral dissertation council on specialities 10.02.01 – Russian Language, 10.02.19 – Language Theory and 10.02.20 – Comparative-historical, Typological and Comparative Linguistics, which Professor Suleimenova has headed for many years, became a forge of personnel not only for Kazakhstan, but also for the countries of Central Asia. The interdepartmental scientific seminar contributed to the discovery of new names in science and the development of the main trends in science.

The Suleimenova’s Laboratory *Sociolinguistics, Theory and Practice of Translation*, founded in 2000, has united scientists from Canada, the USA, Kazakhstan and carried out 13 international research projects (INTAS, ACCELS, Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg State University, RUDN, MSLU, etc.) and 20 national fundamental and applied research projects (MES RK, MIK RK, Assembly of People of Kazakhstan, National Chamber of Entrepreneurs of Republic of Kazakhstan “Atameken”). The laboratory has set the scientific basis of language policy and language education in Kazakhstan. The publication of the dictionary of sociolinguistic terms has met the needs of the country’s foreign and domestic policy, providing its scientific and informational support.

The extension of the area of research has led to the expansion of the scale of scientific activity. Being Visiting Professor of the Department of Slavic Studies at the University of Maryland (College Park, USA) and having close co-operation with the American Councils for International Education (ACCELS) E.D. Suleimenova has broken fresh ground in the history of creating new textbooks, electronic and traditional textbooks on the Kazakh language. These include joint supervision of Ph.D. students and interns and publications in American journals.

Signs of high state and public recognition are governmental awards of Professor Suleimenova – orders “Barys” and “Kurmet”.

On behalf of the scientific community of the CIS countries and foreign countries we congratulate Eleonora Suleimenova on her jubilee, the way to which is paved with achievements serving as an example for the beginning researcher and teacher. We sincerely wish the hero of the day health, prosperity and success, creative joy and worthy successors!

Kuralay B. Urazaeva (Kazakhstan)
Veronica A. Razumovskaya (Russia)

Characteristics of the journal: international, peer-reviewed, scientometric databases,
Published three times a year, open access articles.
Type setting DTP: L. Shmictl Printing risography.
Format 60x84 1/16. Offset paper N1. A printed sheet 31. Circulation 100.
Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont, USA
E-mail: infoccs.edu@gmail.ru. Technical editor – Irina Karapetyan